

УЧРЕЖДЕНИЕ РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК
ИНСТИТУТ МИРОВОЙ ЭКОНОМИКИ И МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ РАН

**ФАКТОРЫ И АКТОРЫ ДЕСТАБИЛИЗАЦИИ: ОПЫТ ПРОШЛОГО И
СОВРЕМЕННОСТЬ**

Москва
ИМЭМО РАН
2011

УДК 323
ББК 66.3
Факто 186

Серия «Библиотека Института мировой экономики и международных отношений» основана в 2009 году

Факто 186

Факторы и акторы дестабилизации: опыт прошлого и современность.
Авторский коллектив: А.И.Байгушкин, Н.В.Загладин. Отв. ред. В.И. Катагарова.
- М.: ИМЭМО РАН, 2011 - 121 с.

ISBN 978-5-9535-0289-4

Монография посвящена рассмотрению внешних и внутренних факторов, способных вызвать дестабилизацию общества и государства, инициировать политическую нестабильность. Приводятся данные об использовании стратегий дестабилизации в прошлом, анализируются субъекты, объекты, мотивы и технологии ее применения в современном мире, возможности противодействия. Дифференцируются категории «позитивной» и «негативной» дестабилизации, обеспечивающих возможности либо развития общества, либо его разрушения.

Factors and Actors of Destabilization: former Experience and Modern Days/ Zagladin N.V., Baygushkin A.I., Katagarova V.I. (eds.). M., IMEMO RUSSIAN OF SCIENCESS, 2011. – p.121.

The authors of this study are analyzing the domestic and foreign factors capable to destroy the society and the state, to initiate political instability. There are a lot of data dealing with use of destabilization strategy in the past, its subjects, objects, motives and technologies in the modern world and the possibilities to resist it. The authors outline the difference between “positive” and “negative” destabilizations as the first provides the possibilities of society development, while the second serves its destruction.

Публикации ИМЭМО РАН размещаются на сайте <http://www.imemo.ru>

ISBN 978-5-9535-0289-4

© ИМЭМО РАН, 2011

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение	4
Глава 1. Опыт и технологии дестабилизаций в доядерный и ядерный век	11
§ 1. Военные и невоенные средства политики.....	11
§ 2. Приемы ослабления внешних противников в Средние века и ранее Новое время.....	13
§ 3. Инициирование политической нестабильности в промышленную эпоху.....	16
§ 4. Опыт политики дестабилизации в первой мировой войне 1914-1918 гг.	20
§ 5. Межвоенный период: дестабилизации в стратегии Коминтерна.....	26
§ 6. Роль «пятой колонны» в политике фашистской Германии.....	30
§ 7. Дестабилизации: основное орудие «холодной войны».....	32
а). Идеино-пропагандистские средства.....	34
б). Политические средства дестабилизации.....	37
в). Экономическое оружие дестабилизаций.....	42
§ 8. Уроки распада СССР.....	45
Глава 2. Глобализированный мир. Субъекты и объекты инициирования политической нестабильности в современных условиях	57
§ 9. Параметры глобализированного мира.....	57
§ 10. Новые субъекты и мотивы осуществления политики дестабилизаций в современном мире.....	62
§ 11. Проблема идеологического обоснования дестабилизаций в современном мире.....	66
§ 12. Меняющаяся роль государства в осуществлении политики дестабилизаций.....	71
Глава 3. Приемы и методы дестабилизаций, вероятность противодействия	79
§ 13. Инициирование политической нестабильности.....	79
§ 14. Классическая модель ситуации политической нестабильности.....	83
§ 15. Международно-правовые аспекты дестабилизаций.....	91
§ 16. ИПН: возможности противодействия.....	97
Глава 4. Проблемы стабильности России в мире начала XXI века	106
§ 17. Реалии России в новой эпохе.....	106
§ 18. Модернизационная политика: проблемы и противоречия.....	113
Заключение	117
Глоссарий терминов.....	119

Введение

В 1992 г. на Всемирной конференции ООН в Рио-де-Жанейро была одобрена концепция «устойчиво-безопасного развития», ее актуальность подтвердил «Саммит тысячелетия ООН» в 2000 году. Она предполагала, что мировая цивилизация нуждается в новой парадигме управляемости, при которой назревающие перемены как в мире в целом, так и в основных его регионах, будут протекать в эволюционной форме, на основе консенсуса основных акторов, влияющих на ход событий. Эти идеи получили подтверждение на встречах лидеров «двадцатки» ведущих стран мира, начавшихся после наступления глобального кризиса 2008 г.

Определенный опыт в этом плане накоплен. Так Евросоюз создал механизмы, позволившие ему постепенно трансформироваться из чисто экономического объединения в новое государственное образование обладающее чертами конфедерации. Однако большая часть перемен как глобального, так и внутрисоюзного масштаба в прошлом сопровождалась нарушениями стабильности, порой – неуправляемым хаосом. Причины этого были описаны еще К. Марксом и Ф. Энгельсом. Любое развитие, без которого невозможен никакой прогресс, подразумевает перемены. А они неизбежно имеют как своих сторонников, которые лелеют надежды (иногда безосновательные) улучшить свое положение, так и своих противников, опасющихся, что их статус (материальный, политический и т.д.) будет утрачен. Достижение компромисса далеко не всегда оказывается возможным. Чаще, как свидетельствует опыт истории, сторонники и противники перемен вступали в противоборство, исход которого далеко не всегда оказывался предопределен.

Согласно теории синергетики, сложившейся на основе наблюдения за пограничными состояниями в физических и химических процессах, связанных с качественными изменениями параметров исследуемых веществ, на определенной стадии их трансформации возникает состояние бифуркации, т.е. зарождения нового качества, при этом предсказать, что из возможных альтернатив реализуется, порой невозможно. Ряд ученых исходящих из того, что законы природы универсальны, предложили обратиться к объяснению социальных процессов с позиций теории неустойчивости (синергетики).¹ Синергетика объясняет, как происходят перемены в общественной жизни, выделяя точки бифуркации когда, с одной стороны, они оказываются неизбежными, а с другой – возникают своего рода «развилки», где даже незначительные воздействия, в том числе извне, могут оказать определяющее воздействие на выбор одной из множества альтернатив.

Теория циклов мирового развития, сторонниками которой в современной отечественной науке являются В.И. Пантин и В.В. Лапкин, предполагает, что цикличность, смена фаз спадов, подъемов, застоев, периодов хаоса, формирования новой реальности и ее утверждения всегда была присуща человеческой

---

¹ Пригожин И. Философия неустойчивости // журнал «Вопросы философии» 1991, № 6; Князева Е.Н., Курдюмов С.П. Синергетика как новое мировидение: диалог с И. Пригожиным // журнал «Вопросы философии» 1992, № 12; Венгеров А. Синергетика и политика // журнал «Общественные науки и современность» 1993, № 3; Гомаюнов С. От истории синергетики к синергетике истории и Пригожин А. Феномен катастрофы (дилеммы кризисного управления) // журнал «Общественные науки и современность» 1994, № 2; Могилевский В.Д. Методология систем: вербальный подход / Отд-ние экон. РАН; науч.-ред. совет изд-ва «Экономика». – М.: ОАО «Издательство «Экономика», 1999 (Системные проблемы России).

цивилизации.² Правда, при этом В.И. Пантин, констатируя происходящее ускорение темпов смены фаз, приходит к выводу: после 2041 г. «международная политическая и экономическая система, скорее всего, перейдет на новый уровень и на новый режим своего развития, поскольку продолжительность фаз структурного кризиса и великих потрясений сократится до нуля и весь цикл мирового развития неизбежно изменит свою структуру».³

Конечно, любые экстраполяции не бесспорны, хотя теоретически можно допустить, что через три десятилетия произойдет нечто подобное «мировой революции» и человечество сможет, наконец, реализовать концепцию «устойчиво-безопасного» развития. На пока этого не произошло, данное исследование, посвященное целенаправленным действиям, направленным на дестабилизацию общества, сохранит определенную актуальность.

Данные действия не являются доминантой в историческом развитии, которое определяется огромной и едва ли охваченной в полном объеме даже современной наукой массой взаимодействий межгосударственных, социальных, экономических, культурных, религиозных и иных факторов. В то же время, в определенных условиях и ситуациях, связанных с периодом исчерпания притягательности прежней модели развития, в точках «бифуркации» осознанные воздействия могут оказывать существенное влияние на социально-экономические и социально-политические процессы, соответственно, они заслуживают серьезного научного анализа.

При этом следует дифференцировать различные, с точки зрения целей и функционального предназначения типы дестабилизирующего влияния.

Во-первых, дестабилизация в обществах, где вызревают предпосылки перемен, которым препятствуют традиционалистские, консервативные, коррумпированные политические режимы. Она может служить снятию препон на пути модернизации экономики, внедрению более совершенного типа социальных отношений, улучшению организации политической жизни. Их субъектом обычно выступают силы, считающие себя носителями прогрессивных идей.

Здесь, конечно, возникает проблема критериев прогресса как основы для оценки тех или иных нарушающих стабильность действий. В принципе, в самом общем виде, вероятно, прогрессивным следует считать развитие, которое расширяет возможности самореализации человека, раскрывает его способности к проявлению креативности, понижает уровень социального неравенства, повышает уровень и качество жизни.

Другой вопрос, что подобная, «позитивная» дестабилизация может выйти из-под контроля ее инициаторов, перерасти в гражданскую войну с непредсказуемым исходом. Кроме того, они могут ошибаться в определении ориентиров дальнейшего развития, готовности общества принять предлагаемые ими перемены. Нечто подобное произошло в Афганистане после свержения в 1978 г. режима М. Дауда и прихода к власти группы революционно настроенных офицеров и интеллектуалов Народно-демократической партии Афганистана.

Во-вторых, инициатором дестабилизации может выступать правящая элита или часть ее, стремящаяся сменить или скорректировать модель развития общества. Канадская исследовательница Н. Кляйн в работе «Доктрина шока» очень убедительно доказала, что переход от кейнсианской, социально ориентированной

---

² См. В.И. Пантин, В.В. Лапкин. Философия исторического прогнозирования: ритмы истории и перспективы мирового развития в первой половине XXI века. Дубна, Феникс, 2006; В.И. Пантин. Мировые циклы и перспективы России в первой половине XXI века. Основные вызовы и возможные ответы. Дубна, Феникс+, 2009.

³ В.И. Пантин, Мировые циклы..., с. 158-159.

экономики к ее неолиберальной (неоконсервативной) модели опирался на отработанные технологии использования дестабилизации в целях получения определенных выгод.⁴ По теории канадского автора катастрофы (природные или социальные) не столько иницируются, сколько используются для того, чтобы вызвать в обществе шоковую реакцию, разрушить сложившиеся стереотипы поведения и его социокультурные паттерны, с тем, чтобы исключить помехи распространению так называемого «радикального капитализма»,⁵ при котором вмешательство государства в управлении экономикой ограничивается.

В-третьих, общество может дестабилизироваться внешними, враждебными (или недружественными) по отношению к нему силами, преследующими собственные, корыстные интересы.

Наконец, эти типы дестабилизаций могут сочетаться, что порождает довольно сложные коллизии. Так действия сторонники «позитивной» дестабилизации могут получать одобрение и даже прямую поддержку из-за рубежа (если она принимается), но при этом не исключены ситуации, когда зарубежные союзники оказываются лишь временными попутчиками, преследующими деструктивные для общества и государства цели.

Любая держава мира стремится финансово-экономическими, информационными, военно-политическими, интеллектуальными и другими средствами упрочить свои позиции на международной арене, ослабить реальных и потенциальных конкурентов. Это может делаться без применения военной мощи, за счет создания позитивных стимулов влияния на правящую элиту других государств или ее часть, на общество в целом, сочетаться с сотрудничеством по широкому кругу вопросов, где это возможно и необходимо. Но при этом не исключены и попытки усугубить проблемы, имеющиеся практически в каждой стране. В результате межгосударственные отношения приобретают характер «конкурентного взаимодействия», не исключая попыток навязывания своей воли другим субъектам международных отношений, а также их дестабилизации.

Дестабилизация общества, в данном контексте, предполагает серию действий направляемых извне и призванных инициировать политическую нестабильность (ИПН) в государстве, ставшем объектом вмешательства. Цели ИПН могут состоять в том, чтобы ослабить страну, подвергающуюся воздействию, добиться изменения приоритетов ее внешнеполитического курса (в том числе путем смены правящей элиты или правящей верхушки), либо обеспечить экономические уступки или отторгнуть от нее часть территории.

Дестабилизации иногда именуют стратегией косвенных (или непрямых) действий, хотя на определенном этапе они могут быть поддержаны и прямым использованием военной силы. Известный американский аналитик японского происхождения Ф. Фукуяма говорит об инструментах международного влияния «мягкой мощи».⁶

В политической науке данный вид межгосударственного взаимодействия, особенно применительно к условиям глобализированного, взаимозависимого мира изучен еще недостаточно.

В период «холодной войны» в СССР была опубликована масса работ публицистического характера, посвященная политике стран НАТО направленной на

---

⁴ Кляйн Н. Доктрина шока. Становление капитализма катастроф. / Наоми Кляйн; пер. с англ. – М.: Изд. «Добрая книга», 2009.

⁵ Чикагская экономическая школа Милтона Фридмана.

⁶ Ф. Фукуяма. Америка на распутье. Демократия, власть и неоконсервативное наследие. «Хранитель», Москва, 2007, с. 181-182.

подрыв и ослабление противостоящего ему «лагеря», возглавляемого Советским Союзом. Преимущественно рассматривались проблемы идеологической борьбы и идеологических диверсий. Лишь немногие авторы пытались представить целостную картину осуществлявшейся США и другими государствами Запада стратегии «подрыва изнутри» невоенными средствами СССР и его союзников.⁷ Однако идеологические и цензурные ограничения того времени, дефицит материалов (в том числе, зарубежных источников), находящихся в открытом пользовании существенно снижали эвристическую и прогностическую ценность подобных исследований.

В годы перестройки, а также в 1990-е гг. началось переосмысление исторического опыта прошлого. Предавалась гласности ранее «закрытая» информации, в том числе касающаяся действий СССР в «тайной войне» со странами Запада. Процесс освоения наукой новых фактов оказался довольно длительным. Надежды на то, что после завершения «холодной войны» наконец наступает время, когда народы мира смогут сотрудничать во имя обеспечения стабильного будущего всего человечества, повлияли на настроения научного сообщества. Какой-либо критический анализ политики стран Запада воспринимался многими экспертами как неуместный и несвоевременный. Главное острие критики оказалось обращено на прошлые действия Советского Союза на международной арене.

Неспровоцированная агрессия НАТО против Сербии, «цветные» революции (фактически – перевороты) в ряде стран СНГ создали для многих ученых стимул к переосмыслению взаимоотношений России с США и их союзниками, выявлению реальных, а не декларативных целей американской политики и методов ее осуществления. Благодаря этому в последние два десятилетия в различных сферах знаний об обществе, появились публикации, материалы которых позволяют вплотную приблизиться к пониманию сути политики дестабилизаций и опыта противодействия ей.

Важным направлением, объясняющим природу формирования новой технологии политической агрессии в XX веке, является цивилизационный и геополитический подходы к анализу взаимодействия государств. Благодаря их синтезу появляется возможность объяснить направленность внешнеполитической стратегии страны исходя не только из ее положения на карте мира, но и из ее принадлежности к определенной цивилизации и ее традиций внешнеполитического мышления. К признанным классикам этого направления относятся Н. Данилевский, Л. Мечников, О. Шпенглер, А. Дж. Тойнби, С. Хантингтон, Л. Гумилев, К. Хаусхофер и З. Бжезинский. Развивать их подходы стремятся такие авторы, как А. Дугин, И. Зонн, Д. Ливен, С. Переслегин, А. Панарин и С. Модестов.⁸ Своеобразным продолжением трудов данной направленности, но в экономической плоскости являются работы А. Паршева и А. Перцева.⁹

⁷ См., например, Ю.С. Новопашин. Стратегия «мирного вмешательства», М., 1972; Н.В. Загладин. В погоне за недостижимым. Стратегия и тактика империалистической контрреволюции: неизбежность провала. М., 1984.

⁸ Дугин А. Основы геополитики. Геополитическое будущее России. – М.: «Арктогея», 1997; Жильцов С.С., Зонн И.С., Ушков А.М. Геополитика Каспийского региона. – М.: Междунар. отношения, 2003; Модестов С.А. Геополитика ислама. – М.: Мол. гвардия, 2003; Панарин А.С. Стратегическая нестабильность в XXI веке. – М.: Изд. Эксмо, Изд-во Алгоритм, 2004; Переслегин С.Б. Самоучитель игры на мировой шахматной доске / С. Переслегин. – М.: АСТ; СПб.: Terra Fantastica, 2006 (Philosophy); Доминик Ливен Российская империя и ее враги с XVI века до наших дней / Пер. с англ. А. Козлика, А. Платонова. – М.: Изд. «Европа», 2007.

⁹ Паршев А.П. Почему Россия не Америка. – М.: Изд. «Крымский мост – 9Д», 2003 (Великое противостояние); Перцев А.В. Почему Европа не Россия (Как был придуман капитализм). – М.: Академический Проект, 2005 (Философские технологии)

Появились исследования по исторической тематике, способствующие более глубокому пониманию проблемы дестабилизаций, в частности, публикации Н.Шахмагонова, В.Сергеева и В. Кожина позволяющие нетрадиционно оценить факты российского прошлого.¹⁰ Показательно, что в постсоветской публицистике с постепенным освобождением от марксистских воззрений в понимании природы русских революций первой четверти XX века произошел дрейф к выявлению важнейшей причины победы Октябрьского переворота в России – латентного иностранного воздействия на внутривнутриполитические процессы.¹¹

Несомненно, здесь надо также сказать и об исследованиях в сфере политической психологии и технологий проведения выборов. Так, кроме переизданных в 1998 – 1999 годах классиков социальной психологии рубежа XIX-XX веков следует отметить работы А. Назаретяна.¹² Тему социальной психологии продолжили появившиеся в последнее время многочисленные «инструкции» по организации и проведению выборов. Однако особо среди них стоит отметить исследования Д. Ольшанского, А. Санаева и О. Матвейчева.¹³

Немаловажную роль в разработке и практической реализации технологии инициированной политической нестабильности играет такая развивающаяся дисциплина как этнология, положения которой уже нашли свое отражение в исторических, политических и других исследованиях об обществе. Здесь следует упомянуть работы и учебные пособия С. Лурье, А. Аклаева, З.Сикевич, О. Крокинской и Ю. Поссель.¹⁴

Кроме этого необходимо отметить публикации, затрагивающие различные аспекты противоборства специальных служб и механизмы государственных переворотов. Среди них следует выделить работы М. Петрова, О. Глазунова, Л. Соцкова, Ю. Дроздова и А. Маркина.¹⁵ В этом ключе интересны методические

---

¹⁰ Шахмагонов Н. Главное свойство правды. Емельян Пугачев – разрушитель или герой? // журнал «Человек и закон» 1991, № 3-4; Сергеев В. Французские вожжи для русского бунта / газета «Независимое военное обозрение» 2001, № 5; Кожин В. «Черносотенцы» и Революция (загадочные страницы истории). – Изд. 2-е, дополненное – М.: 1998.

¹¹ Например: Павлов Д.Б., Петров С. А. Полковник Акаси и освободительное движение в России (1904—1905 гг.) // журнал «История СССР» 1990, № 6; Сикорский Е.А. Деньги на революцию: 1903 – 1920 гг. Факты. Версии. Размышления. – 2-е изд., доп. и перераб. – Смоленск: Русич, 2004; Г. Шиссер Русская рулетка: Немецкие деньги для русской революции / Г. Шиссер, Й. Трауптман; Пер. с нем. В.Ф. Дизендорфа. – М.: ООО «Издательство АСТ»: ООО «Издательство Астрель», 2004 (Историческая библиотека); Э. Хереш Купленная революция. Тайное дело Парвуса / Пер. с нем. И.Г. Бинева. – М.: ОЛМА-ПРЕСС Образование, 2004 (Досье); З. Земан, У. Шарлау Кредит на революцию. План Парвуса / Пер. с англ. Л.А. Игоревского. – М.: ЗАО Центрполиграф, 2007; Стариков Н.В. Февраль 1917: Революция или спецоперация? / 2-е изд., перераб. и испр. – М.: Яуза, Эксмо, 2007; Шамбаров В.Е. Нашествие чужих: заговор против империи. – М.: Алгоритм, 2007; Стариков Н.В. От декабристов до моджахедов. – СПб.: Питер, 2008 (Вне серии).

¹² Назаретян А.П. Агрессивная толпа, массовая паника, слухи. Лекции по социальной и политической психологии. – СПб.: Питер, 2003.

¹³ Ольшанский Д.В. Политический PR. – СПб.: Питер, 2003 (Маркетинг для профессионалов); Санаев А. Выборы в России. Как это делается. – М.: Ось-89, 2007; Матвейчев О.А. Уши машут ослом. Сумма политтехнологий. / О.А. Матвейчев. – М.: Эксмо, 2008 (Политический бестселлер).

¹⁴ Лурье С.В. Историческая этнология: Учебное пособие для вузов. – М.: Аспект Пресс, 1997; Сикевич З.В., Крокинская О.К., Поссель Ю.А. Социальное бессознательное. – СПб.: Питер, 2005; Аклаев А.Р. Этнополитическая конфликтология: Анализ и менеджмент: учеб. пособие. – 2-е изд., испр. – М.: Издательство «Дело» АНХ, 2008.

¹⁵ Петров М.Н. Механизмы государственных переворотов: Историко-теоретическое исследование / М.Н. Петров; Под общей ред. А.Е. Тараса. – М.: АСТ; Мн.: Харвест, 2005 (Коммандос); Глазунов О.Н. Государственный переворот. Стратегия и технологии. – М.: ОЛМА-ПРЕСС Образование, 2006 (Досье); Соцков Л.Ф. Неизвестный сепаратизм: На службе СД и Абвера: Из секретных досье разведки.

наработки и воспоминания бывших сотрудников и руководителей американской разведки Л. Фараго, А. Даллеса, В. Плетта, Д. Тенета.¹⁶

Несомненный интерес представляют публикации, исследующие информационно-психологическое противоборство, которое, несомненно, является основой организации инициирования политической нестабильности. Среди них выделяются фундаментальные работы по теории информационного противоборства Л. Воронцовой, С. Кара-Мурзы, А. Манойло.¹⁷ Эти авторы вышли за рамки своей темы и вплотную подошли к затронутому нами предмету.

В этой связи особый интерес для настоящего исследования представляет концепция «умной толпы» Г. Рейнгольда, признанного американского эксперта информационных технологий, которая раскрывает технологии организации масс на участие в политических процессах.¹⁸ Кроме этого, его теория как нельзя лучше иллюстрирует зависимость появления политической агрессии нового типа от уровня информационного и технического развития общества.

Свой, как правило, негативный вклад в изучение политики дестабилизации вносят авторы конспирологических теорий или как их еще называют «теорий заговора». Воззрения на политическую историю человечества с позиций названных теорий вызывает в свою очередь несерьезное отношение к ним ученых.¹⁹ Этому способствует то, что факты внешнего вмешательства во внутрисоциальные процессы (например, финансирование оппозиции, поставки ей оружия и иные формы влияния на внутренние дела суверенной страны, нередко нарушающие международно-правовые нормы) тщательно скрываются. В свою очередь контрэлита, пришедшая к власти благодаря зарубежной помощи, неизбежно будет дезавуировать любые «утечки информации» на этот счет.

В этом случае теория мирового заговора как нельзя лучше отвлекает от изучения проблем организации и ведения целенаправленной государственной политики устремленной к инициированию политической нестабильности в других государствах для получения определенных политических и экономических выгод. Конспирология ищет сенсацию, окутанную мистическим налетом тайн из «жизни сильных мира сего», хотя следует говорить о возможностях методами гуманитарных технологий влиять на формирование политического курса другого общества на научных основах.

Появившееся в последнее время в статьях, специализированных исследованиях и даже некоторых служебных документах понятие, описываемое

– М.: РИПОЛ КЛАССИК, 2003 (Мир тайных войн); Дроздов Ю.И., Маркин А.Г. Наглый орел – 2007. Разведка и война в системе США. – М.: Изд. ООО «Артстиль-полиграфия», 2007.

¹⁶ Ладислас Фараго Война умов. Анализ шпионажа и разведки – М., 1956; Аллен Даллес Искусство разведки / Пер. с англ. с сокращениями. – М.: Международные отношения – МП «Улисс», 1992 (Секретные миссии) и Асы шпионажа / Пер. с англ. Ю.Д. Чупрова. – М.: ЗАО Изд. Центрполиграф, 2002; Вашингтон Плэтт Стратегическая разведка. Основные принципы. – М.: Издательский Дом «Форум», 1997; Джордж Тенет при участии Б. Харлоу В центре шторма. Откровения экс-главы ЦРУ. / Пер. с англ. А.А. Калинина и И.А. Калинина. – М.: ИД «Коммерсантъ»; Эксмо, 2008.

¹⁷ Кара-Мурза С.Г. Манипуляция сознанием. – Алгоритм, 2000 (История России. Современный взгляд); Воронцова Л.В., Фролов Д.Б. История и современность информационного противоборства. – М.: Горячая линия – Телеком, 2006; Манойло А.В. Технологии несилового разрешения современных конфликтов. / Под ред. А.И. Петренко. – М.: Горячая линия - Телеком, 2008; и Манойло А.В., Петренко А.И., Фролов Д.Б. Государственная и информационная политика в условиях информационно-психологической войны. – 2-е изд., стереотип. – М.: Горячая линия – Телеком, 2009.

¹⁸ Рейнгольд Г. Умная толпа: новая социальная революция / Говард Рейнгольд. – Пер. с англ. А. Гарькавого. – М.: ФАИР-ПРЕСС, 2006.

¹⁹ В качестве такого примера на наш взгляд можно назвать работу Алексея Виноградова «Тайные битвы XX столетия», Издательство «Олма-ПРЕСС», 1999.

терминами «управляемый кризис», «управляемый хаос», «инициируемый социальный кризис» подразумевает вмешательство во внутренние дела суверенного государства с целью создания на его территории ситуации, характеризующейся политической, экономической и социальной нестабильностью. При этом понятие «управляемый кризис» пришло из работ по экономической теории. Особое развитие эта теория получила в Германии после войны и «включила в себя весь опыт национальной катастрофы, превращая немцев в экспертов антикризисного управления».²⁰ Однако в первую очередь термин «управляемый кризис» относится к стратегии руководства коммерческой фирмой. Так, например Е. Могилевская и Л. Савицкая утверждают, что перемены к лучшему невозможны без преодоления кризисных состояний. Компании, которые стабильно лидируют на рынке, как правило, отличаются тем, что успешно используют кризисы для выхода на новый уровень развития. А в ряде случаев, утверждают авторы, кризисное состояние необходимо специально создавать, чтобы мобилизовать защитные силы организма и таким образом предотвратить серьезное заболевание. В ряде известных компаний искусственное создание кризиса становится сознательной стратегией. Руководители, которым удалось диагностировать скрытые симптомы будущего неблагополучия, запускают механизмы ускоренного развития кризиса (некоторые авторы называют такую стратегию «автогенным» кризисом).²¹ Так в качестве примера, где был использован «управляемый» или «автогенный» кризис в качестве элемента руководства авторами приведены такие известные компании, как «Крайслер», «Моторола», «Дженерал Электрик».

Данная постановка проблемы заставляет задуматься над многими вопросами.

Во-первых, если для крупной корпорации, представляющей собой своего рода «государство в государстве» искусственно вызванная нестабильность может сыграть позитивную роль, то возможно, это справедливо и для государства? Не приведет ли стремление сохранять стабильность любой ценой к утрате динамики развития, столь важного в конкурентном мире XXI века?

Во-вторых, всегда ли внешние воздействия играют негативную роль? Можно ли предложить критерии их разграничения на конструктивные и деструктивные?

В-третьих, какой уровень «дестабилизированности», в том числе неизбежно порождающейся модернизационными процессами, задачи осуществления которых стоят перед многими странами, не исключая и Россию, можно считать допустимым? Как контролировать политическую нестабильность, какие средства здесь наиболее эффективны?

В-четвертых, возможно ли использовать в современном взаимозависимом мире методы «дестабилизаций» потенциальных противников, не рискуя нанести ущерб собственным интересам?

Данная монография призвана дать если не ответ, то хотя бы почву для дальнейших исследований по поставленным вопросам.

---

²⁰ Кочеткова А. Управляя кризисом // «Бизнес-журнал», 12 декабря 2006

²¹ Могилевская Е., Савицкая Л. Управляемый кризис // «Новый менеджмент», июнь 2007

Глава 1. Опыт и технологии применения стратегии дестабилизации в доядерный и ядерный век

§ 1. Военные и невоенные средства политики

Государство с древнейших времен выступало высшей формой организации общества.²² Это территория, на которой распространен единый тип организованного определенным образом человеческого общежития. При этом пределы государства не всегда были жестко фиксированы. Практика общественного и государственного строительства знала примеры существования государств, не имевших четких границ как, например, государства кочевников. Однако единые законы, культура и социальный быт объединяли массу кочевых племен в государство.

Людам свойственно противопоставлять себя другим. Человек обычно делит всех живущих в этом мире на «своих», «чужих» и «нейтралов», до которых ему нет дела. И если у индивида это противопоставление не всегда является доминантой в поведении, то у социума грани отделяющие «своего» от «чужого» и «нейтрала», как правило, на протяжении большей части истории человечества, были довольно четко определены. При этом в общественном представлении самый распространенный синоним понятию «чужой» – «враг».

Поводы для конфликтов между соседями даже географически удаленными друг от друга находились всегда и во все века: грабительские набеги, захват рабов и имущества; борьба за земли и спорные территории, за колонии; конкуренция за источники сырья и рынки сбыта товаров. Сейчас выражаются опасения, что в ближайшем будущем нехватка питьевой воды во многих странах может привести к новым опустошительным войнам за этот ресурс. «По всему миру источники воды по-прежнему засоряются, портятся и приходят в негодность. Последствия этого для человечества крайне тяжелые. Недостаток воды угрожает экономическому и социальному состоянию и является потенциальным источником войн и конфликтов», заявил Генеральный секретарь ООН Пан Ги Мун, выступая на Азиатско-Тихоокеанском саммите в 2006 г.²³

Даже не имеющие ни к кому особых претензий государства всегда с большой подозрительностью смотрели на усиление соседей в военной и экономической мощи, их успехи в колониальной политике, поскольку это нарушало сложившееся равновесие сил.

Принцип поддержания «баланса сил» на протяжении всего Нового и отчасти Новейшего времени определял содержание европейской политики. Например, в XIX веке основные коалиции складывались против государств, которые могли претендовать на доминирующие позиции на континенте: наполеоновской Франции в начале века, России в середине века, Германской империи – в конце века.

Можно ли считать, что мотивы прошлого, порождавшие конфликты уже не действуют в современном мире? Едва ли это так. По мнению известного американского аналитика Д. Фридмана характер мировой политики XXI века будет определяться двумя противоборствующими стратегиями. «Одна будет проводиться второразрядными державами, стремящимися сдерживать и контролировать Соединенные Штаты. Вторая определится массированными акциями США по

---

²² В современном мире в эпоху глобализации, развития трансграничных связей, расширения функций международных организаций, роль государства начинает меняться. Этот вопрос будет рассмотрен ниже.

²³ <http://ecocrisis.wordpress.com/suprapopulatia/water/>

предотвращению формирования направленной против них коалиции».²⁴ Иначе говоря, обеспечив себе в конце XX века мировое лидерство, США будут видеть в усилении любой державы, способной угрожать их позициям, угрозу своим интересам, которая будет устраняться как военными, так и невоенными средствами. По мнению Фридмана, с одной стороны, «Соединенным Штатам нет необходимости выигрывать войны. Достаточно предотвращать попытки оппонентов создавать против них представляющие угрозу коалиции». С другой стороны, «В двадцать первом веке произойдет серия конфликтов с коалициями второстепенных держав, стремящимися влиять на США, и Соединенными Штатами, проводящими военные операции с тем, чтобы их разрушить. В XXI веке будет больше войн, чем было в XX».²⁵

Действительно, на протяжении многих столетий разрабатывались способы устранения возможных угроз интересам государства со стороны соседей. В течение всей истории совершенствуется оружие нападения и обороны, способы и методы ведения боевых действий. Однако обезопасить себя от врагов можно не только военными средствами. Большую роль в обеспечении безопасности общества играет умение управлять государством, искусство политики. Уже в древности люди поняли, что сочетание политических методов с военными дает оптимальные результаты. Восприятие политики как искусства возможного и понимание истоков прочности государства, подсказывали, что нужно делать, чтобы подорвать позиции соседей.

Немецкий военный теоретик XIX века фон Клаузевиц рассматривал войну как продолжение политики, считая, что масштабы и интенсивность военных усилий определяются целями, которые ставят себе противоборствующие стороны. Одно дело – война, ведущаяся во имя решения ограниченных задач (например, незначительные территориальные приращения) другое – война, которую стороны ведут на сокрушение друг друга. «...Политическая цель, являющаяся первоначальным мотивом войны, служит мериллом как для цели, которая должна быть достигнута при помощи военных действий, так и для определения необходимых усилий»,²⁶ - писал Клаузевиц.

Разумеется, война это наиболее радикальный способ разрешения конфликтов и достижения политических (или экономических) целей. В то же время, этот способ связан с наибольшими издержками, людскими потерями, рисками. И задолго до Клаузевица мыслители пришли к выводу, что цели войны могут быть достигнуты средствами политики. «Лучшее из лучшего – покорить нужную армию не сражаясь. Поэтому самая лучшая война – разбить замыслы противника; на следующем месте – разбить его союзы; на следующем месте разбить его войска. Самое худшее – осаждать крепости»,²⁷ - писал древнекитайский военный теоретик V – VI вв. до н.э. Сунь-цзы. Перефразируя эту мысль применительно к реальностям XX века, английский военный теоретик Б.Х. Лиддел Гарт утверждал: «Убить человека в бою это значит всего-навсего уменьшить армию только на одного солдата, в то время как живой, но лишенный присутствия духа человек является носителем страха, способным вызвать эпидемию паники. Воздействие на психологию командира может свести на нет боеспособность его войск. Психологическое же воздействие на правительство страны может оказаться достаточным, чтобы лишить это правительство всех имеющихся в его распоряжении ресурсов, и тогда меч выпадет

---

²⁴ G. Friedman. The next 100 years. A Forecast for the 21th Century. NY, 2009, p. 5.

²⁵ Там же

²⁶ Клаузевиц. О войне. Т. 1, Изд. 4, М., 1937, с. 43.

²⁷ Цит. по: Б.Х. Лиддел Гарт. Стратегия не прямых действий. М., 1957, с. 19.

из его парализованной руки».²⁸ «С развитием общества чисто военные знания сами по себе стали недостаточными. Теперь войны включают не только армии, сражающиеся между собой на обособленных театрах войны, но целые государства; не только генералов, но и государственных деятелей и народ; не только стратегию, но и политику; не только военную науку, но и дипломатию, экономику и общественные науки. Тотальный характер войны, все охватывающий, всюду проникающий характер современного столкновения, ведет к тому, что все больше значение приобретают невоенные стороны войны»,²⁹ - писал еще в 1950-е гг. известный военный теоретик Л. Фарраго.

Такие методы ослабления противника, как подрыв его морального духа, устранение, нейтрализация или вербовка военных и политических лидеров и т.д. были описаны уже в Ветхом завете. Принцип «разделяй и властвуй» был известен и в Римской империи, которая в период своего упадка предпочитала защищаться от натиска «варваров» руками наемников из их среды, перешедших на ее сторону. В историю вошло искусство и коварство дипломатии Византийской империи, которые, не в меньшей степени, чем военная сила, позволила ей почти тысячелетие сохраняться в окружении в основном враждебных ей государственных образований и племен.

§ 2. Приемы ослабления внешних противников в Средние века и ранее Новое время

Разумеется, в каждую историческую эпоху ее специфика определяла рамки, возможности и характер использования невоенных средств борьбы с конкурентами.

Так, к числу факторов уязвимости европейских государств Средневековья и отчасти Нового времени, которые использовались их соперниками, относились следующие.

Во-первых, ключевую роль в принятии политических решений играл узкий круг лиц, монарх и его ближайшее окружение. История этого времени дала обильный материал многим писателям, в частности В. Скотту, А. Дюма, для написания увлекательных романов, она преисполнена придворными интригами, заговорами, в которых нередко участвовали послы и резиденты иностранных держав.

При этом прослеживается четкая тенденция: при слабых монархах, склонных полагаться на свое окружение, основные усилия внешних противников государства прилагались к тому, чтобы устранить от двора наиболее ярких и одаренных лиц. При сильных, или хотя бы способных самостоятельно принимать решения властителях они сами становились объектом интриг, поскольку смена первого лица государства в результате заговора создавала вероятность изменения политического курса.

Например, российский император Павел I (1796-1801), недовольство которым в среде высшей знати было довольно велико³⁰ пал жертвой заговора лишь тогда, когда по его решению Российская империя вышла из коалиции стран, противостоящих революционной Франции и начала подготовку к войне с Англией, походу на Индию. Великобритания выиграла эту войну, даже не дав ей начаться. Английский посол в Петербурге Уитворт, не жалея денег, наладил контакты с враждебными императору офицерами гвардии, высшими чиновниками – итогом стал

²⁸ Там же, с. 300.

²⁹ Ладислас Фарраго Война умов. Анализ шпионажа и разведки – М., 1956. – С. 13

³⁰ В отечественной науке довольно прочно утвердился взгляд на Павла I как самодура, правление которого было опасно для будущего страны, соответственно его свержение изображается благом (см., например, А.С. Орлов, В.А.Георгиев, Н.Г.Георгиева, Т.А.Сивохина, «История России», М., МГУ, 2002,Изд. 2-е., с. 170-171). Однако более подробный анализ политики Павла I, предлагаемый рядом авторов, дает не столь однозначную картину (см., например, «История России». Санкт-Петербург, «Нева», 2006, с. 206-212).

переворот и убийство Павла I в Михайловском замке. Пришедший ему на смену Александр I вернул страну к участию в антифранцузских коалициях.³¹

Несколько иной была ситуация в странах Востока где традиционно существовала весьма влиятельная прослойка государственной бюрократии, игравшая решающую роль в управлении. Без ударов по этой прослойке дестабилизировать общество было невозможно. Соответственно возник и инструмент выполнения подобной функции. В XI веке дала о себе знать ставшая ныне легендарной секта [Хашашаинов](#) («курителей гашиша») или в европейском произношении, «ассасинов». Первоначально ее возглавлял некто Хасан ибн ас-Саббах (так называемый «Царь горы»). По всей видимости, для подготовки ничего не боящихся и хорошо подготовленных убийц-смертников использовались методы зомбирования. В течение последующих полутора веков ассасины убили сотни халифов и султанов, военачальников и представителей официального духовенства существенно дестабилизировав политическую ситуацию в странах Востока. Мотивы их действий до сих пор не ясны. Исходили они из неких религиозных представлений или выполняли платные заказы – неизвестно. Впоследствии они были уничтожены монгольскими завоевателями.³²

Во-вторых, в эпоху, когда не было понятия «гражданства» (в Европе оно впервые возникло в годы Великой Французской революции), его заменяли такие категории, как подданство и лояльность. Распространение сомнений в легитимности верховной власти подрывало стабильность общества. Верность государю заменяла патриотизм XIX – XX веков, соответственно, если монарх оказывался «не настоящим» или появлялся кандидат на трон, способный доказать обоснованность своих претензий, государство оказывалось охвачено хаосом.

Вопрос о том, кто имеет право занимать тот или иной престол нередко становился причиной династических войн. Такими были Столетняя война между Англией и Францией, война Алой и Белой розы в Англии, война за Испанское наследство, многочисленные усобицы на Руси за право занимать трон Великого князя и т.д.

На Руси особая роль монарха породила такое явление, как самозванчество. Выдвижение и поддержка самозванцев, претендующих на тот или иной трон, стали одним из инструментов невоенного достижения политических целей. Так, Речь Посполитая в XVII веке едва не выиграла противоборство с Москвой за контроль над русскими землями, поддержав Лжедмитрия I, а затем и Лжедмитрия II. В Крестьянской войне XVIII века вождь повстанцев, Емельян Пугачев, выдавал себя за чудом спасшегося от смерти императора Петра III. По мнению некоторых историков, он даже получал финансовую помощь от зарубежных недругов Екатерины Великой, недовольных победами России над Османской империей.³³

Даже в «просвещенном» XIX веке декабристы в России выбрали для переворота момент, когда страна временно оказалась без суверена. Как хорошо известно, после смерти Александра I присягу начали приносить его старшему брату, Константину, который отрекся от престола в пользу младшего брата, Николая. Декабристы рассчитывали захватить правящий Сенат врасплох и заставить сенаторов принять Манифест об отмене самодержавия. Поскольку они опоздали, и

---

³¹ Подробнее см. А.З. Манфред. Наполеон Бонапарт. М., 1973, с. 374; Б. Башилов. Рыцарь времен прошедших. <http://lib.ru/POLITOLOG/OV/pavel.htm>

³² Подробнее см. http://ru.wikipedia.org/wiki/205_%D0%A3%D0%9A%D0%A0%D0%A4

³³ Л.Девятых. Тайны пугачевского бунта. <http://www.hrono.ru/statii/2009/devyat.html>

сенаторы успели присягнуть новому императору, восстание оказалось обречено на поражение.³⁴

Отречения от престола императора Николая II в России в феврале 1917 г., равно как и кайзера Вильгельма II в Германии в 1918 г. также имели далеко не чисто символическое, условное значение, как это может представляться в XXI веке. Это освободило тех, кто еще считал себя подданными государей от присяги (а это была значительная часть кадрового офицерства), обеспечив им возможности выбора своего места в борьбе за определение будущности своих стран как их граждан.

В-третьих, особую роль в политической жизни прошлого играли религиозные факторы. В странах Европы, социальные по своей сути выступления против существующих порядков, освященных как незыблемые католической церковью, нередко сопровождались выдвижением еретических с ее точки зрения идей.

Например, в 1524—1525 гг. земли Священной Римской империи германской нации были охвачены Крестьянской войной, которая началась под религиозными лозунгами. В среде восставших особой популярностью пользовались идеи анабаптистов. Они отрицали не только официальную католическую церковь, но и Священное Писание, считая, что каждый верующий может получить откровение Господа, обратившись к нему душой и сердцем.

Главной идеей восстания, охватившего Швабию, Вюртемберг, Франконию, Тюрингию, Эльзас и альпийские земли Австрии, было установление Царства Божия на земле. Как считал один из его духовных лидеров Т. Мюнцер (1490—1525), путь к этому царству лежит через ниспровержение монархов, уничтожение монастырей и замков, торжество полного равенства. Восставшие требовали восстановления общинного землевладения, отмены повинностей и реформы церкви.

Подъем «третьего сословия», приобретающего экономическую власть, но бесправного в политическом отношении, сопровождался возникновением различных протестантских учений, отвергавших роль католической церкви. Лютеранство, кальвинизм, англиканство, пресвитерианство и другие религиозные течения обеспечивали идейную основу первых буржуазных революций в Нидерландах и Великобритании.

Поддержка единоверцев в других странах, выдвижение религиозных идей, равно как апелляция к защите традиционных религиозных ценностей играли весьма значимую роль в межгосударственном соперничестве. «Дранг нах остен», натиск на Восток средневековых германских рыцарей в X-XIII вв., сопровождался внедрением на покоренных славянских землях католической религии. Во время войн, которые вели католические Испания и Франция против англиканской Великобритании в раннее Новое время, приверженцы католицизма на территории последней (особенно многочисленны они были в Ирландии) подвергались преследованиям как возможные союзники внешнего врага. Во Франции таковыми считались гугеноты, принадлежащие к протестантской ветви христианства.

Напротив, верность православию помогла русским землям выстоять в годы Великой смуты XVII века. Слухи о том, что Лжедмитрии, а затем претендовавший на Московский престол польский королевич Владислав намерены ввести в стране католичество, были важнейшим фактором, позволившим собрать ополчение под руководством Минина и Пожарского.

Возможности экономического воздействия в период преобладания натурального хозяйства были ограничены, тем не менее, оказание финансовой помощи единомышленникам по вере или по политическим целям в других странах

---

³⁴ Подробнее см. А.С. Орлов, В.А. Георгиев, Н.Г. Георгиева, Т.А. Сивохина. История России. Изд. 2-е., М., 2002, с. 228-229.

выступало неотъемлемым элементом влияния на их развитие. Инструментом политического влияния (или давления) выступало и предоставление займов на определенных условиях.

§ 3. Инициирование политической нестабильности в промышленную эпоху

XIX и особенно XX века ознаменовались глубокими переменами в политической жизни ведущих стран мира, особенно Европы, что весьма существенно изменило возможности и средства дестабилизаций.

Прежде всего, роль монархического начала в общественной жизни даже там, где сохранились монархии, сократилась. Главной консолидирующей основой нации стал выступать не принцип верности суверену, а идеи гражданственности, патриотизма, закрепленные в конституциях. Они фиксировали, кто может иметь статус гражданина, какие права и обязанности из этого вытекают. В ряде стран царствующие дома сохранились – но лишь как дань традиции, их властные функции были существенно урезаны.

Далее в политическую жизнь в странах демократии, по мере расширения рамок избирательного права, все больше вовлекались широкие слои населения, формировалось разнородное, раздираемое внутренними противоречиями, гражданское общество. Сложилось массовые политические партии, членом которых консолидировала приверженность определенной идеологии, политической программе. Фактически, они заместили (хотя и не полностью вытеснили) идентичность на основе религиозных факторов.

Появились новые каналы влияния на восприятие массами реальностей окружающего их мира. Уже в XIX веке возникли первые средства массовой информации (СМИ) – газеты, листовки, прокламации, которые с распространением грамотности стали оказывать возрастающее воздействие на умы людей. В XX веке их дополнило радио, получившее широкое распространение еще в 1920-е гг., с 1930-х гг. в наиболее развитых странах начались эксперименты и с телевидением.

На политику государств, вступивших в промышленную, а затем и индустриальную эпоху, большое влияние стали оказывать интересы захвата и сохранения рынков сбыта продукции, доступа к выгодным сферам вложения капиталов или внешним источникам финансирования собственного развития, сырью и ресурсам, торговым путям. Возникли такие мотивы ведения войн, как обеспечение свободы торговли (пример – опиумные войны против Китая в 1840-1842 гг. и в 1856-1860 гг.), захват ключевых позиций на морских коммуникациях. Так испано-американская война 1898 г., главным образом, должна была обеспечить военноморское присутствие США на Филиппинах и на Кубе, что было важным этапом политики обеспечения американского контроля над акваториями Атлантического и Тихого океанов.

В новую эпоху приемы и методы невооруженного воздействия на политику зарубежных государств также претерпели определенные изменения. Их арсенал пополнился таким средством воздействия, как экономическая блокада. Ее результативность оказывалась тем выше, чем больше ставшее ее жертвой государство зависело от внешней торговли. Большие надежды на действенность этой меры возлагал Наполеон I, введший континентальную блокаду против Великобритании (1806-1814). Правда, она оказалась малоэффективной. Англия уже начала превращаться в «промышленную мастерскую мира» и от блокады больше

пострадали экономики Франции и подчиненных ей стран, чем господствующая на морях Британия.³⁵

Политические убийства не полностью ушли из арсенала средств достижения целей внешней политики, но они стали играть иную роль, чем в прошлом. Роль личностей в политической жизни в какой-то мере сократилась. К власти, во всяком случае, в странах демократии, чаще всего приходили команды единомышленников, связанные определенными предвыборными обязательствами, идеологией возглавляемой ими партии. Смена лидера в результате болезни, случайной смерти или его дискредитации как правило, не могла привести к радикальному пересмотру политики, скорее – каких-то отдельных ее аспектов.

Можно отметить, что даже в тоталитарных режимах, классическим признаком которых является наличие харизматического лидера, его преждевременный уход из жизни не вел к кардинальным переменам. Если тоталитарная идеология уже достаточно прочно утвердилась в обществе и еще не была дискредитирована событиями, смена первого лица усиливала или ослабляла режим, но не меняла его качественные характеристики и внешнеполитические цели. Так, смерть В.И. Ленина не привела к отказу от целей строительства социализма в СССР, поддержки, по линии Коминтерна, революционных движений за рубежом.³⁶ Уход из жизни Ким Ир Сена не изменил политического облика Северной Кореи.

Были, конечно, и исключения связанные с теми, относительно несущественными с точки зрения общей направленности политики аспектами, которые имели большую значимость для определенных, заинтересованных в их изменении кругов. Например, в 1934 г. гитлеровской агентурой были убиты король Югославии Александр и министр иностранных дел Франции Ж.Л.Барту, сторонники создания системы европейской безопасности, что затруднило бы Германии развязывание войны реванша. Никто не мог питать уверенности, что останься эти лидеры в живых такая система была бы создана – у нее было немало противников, особенно в Великобритании и Польше. Тем не менее, руководство фашистской Германии предпочло не рисковать.

Относительно новым явлением, связанным с политическими убийствами в XIX – XX веках стала революционно-террористическая деятельность.

Сам термин «терроризм», как понятие, впервые стал официально использоваться в годы Великой французской революции. Тогда он подразумевал государственный терроризм, запугивание общества властью репрессиями, физическим уничтожением ее реальных и возможных противников.

О терроре как инструменте дестабилизации общества начали говорить и писать примерно со второй половины XIX века. Террор того времени предполагал не отдельные, «точечные» политические убийства, а серию акций, направленных против заметных фигур во властных структурах, это напоминало действия ассасинов средневековья. Инициаторы террористических актов рассчитывали парализовать деятельность государственных институтов, заставить их изменить свою политику, побудить общество говорить о себе и своих целях. Как писал один из

---

³⁵ Подробнее см. А.З. Манфред. Наполеон Бонапарт. М., 1973, с. 647-648.

³⁶ В годы перестройки получила широкое распространение точка зрения, согласно которой превращение И.В. Сталина в харизматического лидера привело к деформации исходных ленинских идей. Это весьма сомнительная позиция. Хотя индивидуальные особенности данного лидера наложили свой отпечаток на методы и характер решения возникающих в ходе индустриальной модернизации советского общества проблем, сами они не были порождением злой воли лидера. Любой руководитель, стремящийся к ускоренной модернизации страны с огромной массой сельского населения, столкнулся бы с сопротивлением ей значительной части общества, инертностью масс, которую пришлось бы, так или иначе, преодолевать.

руководителей партии эсеров Б.Савинков, террор это – «борьба с существующим строем посредством устранения тех представителей его, которые будут признаны наиболее преступными и опасными врагами свободы. Устраняя их, Боевая организация не только совершает акт самозащиты, но и действует наступательно, внося страх и дезорганизацию в правящие сферы, и стремится довести правительство до сознания невозможности сохранить самодержавный строй».³⁷

При этом, организации, прибегающие к методам террора, как правило, не ограничивались им. Они также вели пропаганду в массах, готовили революционные выступления. Нередко последнему придавалось большее значение, чем собственно террору. Важная особенность их тактики состояла в том, что они стремились, насколько это было возможно, ограничивать, в общем-то, неизбежные жертвы среди рядовых граждан.³⁸ Террор не был направлен против всех государственных чиновников, офицеров полиции и армии, а лишь против тех, кого революционеры относили к наиболее злостным сатрапам противостоящих им режимов. Иначе говоря, вынесению «приговора» предшествовал своего рода «революционный суд», что придавало терроризму ореол своего рода законности. Эта тактика нередко вызывала симпатии тех слоев общества, которые крайне негативно относились к властям, но не были готовы открыто бросить им вызов.

Очень показательным было в этом плане дело В.И. Засулич. Она в 1878 году стреляла в градоначальника Петербурга Ф.Ф. Трепова (он был ранен), по распоряжению которого к политическим заключенным применялись меры физического воздействия. Суд присяжных оправдал В.И. Засулич, а Трепов был вынужден уйти в отставку. Это наглядно показывает настроения, существовавшие в российском обществе, его отношение к «бомбистам» и «террористам».

Первыми в Европе приобрели широкую известность заговорщически - террористические организации в Италии. Примерно в 1820-е гг. широкие масштабы приобретает деятельность братства карбонариев, которые сначала предупреждали, а потом убивали помещиков, притесняющих крестьян, чиновников монархических режимов, представителей австрийских властей, контролирующих земли северо-востока Италии. Знаменитая мафия, зародившаяся на Сицилии, первоначально стремилась к установлению неформальной, негосударственной власти на острове, защищающей интересы простого народа от чиновников монархического режима Бурбонов, правящих Неаполитанским королевством. В самом Неаполе возникла тайная организация «Коммора», ведущая борьбу с монархией Бурбонов.

На протяжении XIX века деятельность нелегальных и полуправовых террористических и революционных организаций (не все они прибегали к террору) приобрела общеевропейские масштабы. Их развитию, несомненно, способствовало то обстоятельство, что при отсутствии демократии или ограничении (возрастным,

---

³⁷ http://www.terrorunet.ru/history/details/newsdetail.html?n_no=31

³⁸ По имеющимся, возможно, завышенным данным, в течение года, начиная с октября 1905 года, в Российской империи было убито и ранено 3611 государственных чиновников. К концу 1907 года это число увеличилось почти до 4500 человек. Вместе с 2180 убитыми и 2530 ранеными частными лицами общее число жертв в 1905 — 1907 годах оценивается числом более 9000 человек. По официальной статистике, с января 1908 года по середину мая 1910 года произошло 19957 террористических актов и экспроприаций, в результате которых было убито 732 госчиновника и 3051 частных лиц, еще 1022 госчиновника и 2829 частных лиц были ранены. Общее число убитых и раненых в результате террористических актов в 1901 — 1911 годах оценивается числом около 17000 человек. См. Интернет, Википедия, Революционный терроризм в Российской империи.

имущественным цензом, цензом оседлости) избирательных прав, противники существующих политических режимов не могли рассчитывать на достижение своих целей конституционными средствами.

Лидеры и идеологи политических организаций, запрещенных на родине, подвергаясь преследованиям, нередко вынуждены были какое-то время проводить в эмиграции. Так эсеры, анархисты, социал-демократы, покидая Россию, фактически создавали заграничные филиалы руководства своих партий в более свободных странах, обычно Швейцарии и Великобритании.

Постепенно произошло сближение идейно-теоретических установок многих антисистемных, революционных организаций разных стран, что облегчило им налаживание международных связей. Наиболее далеко на этом пути продвинулись социал-демократы, опирающиеся на марксистскую идеологию. Небезуспешно сотрудничали анархисты и анархо-синдикалисты, идеи первых были популярны в молодежной среде, вторые имели опору во многих профсоюзах. Фактически в промышленных странах возникла система сетевых организаций, координирующих свои действия, но не имеющих единого руководящего центра. Попытки его создания в виде Коммунистического Интернационала, и I Интернационала завершились неудачно, поскольку их деятельность незамедлительно оказывалась в центре внимания полицейских служб. Обе эти организации вынуждены были самораспуститься. Иной была судьба II Интернационала, представлявшего собой объединение в основном легально и самостоятельно действующих социалистических и социал-демократических партий. Он не пытался непосредственно руководить ими и прекратил свое существование лишь с началом первой мировой войны.

В России многие местные организации эсеров и социал-демократов возникали стихийно, не имели постоянных контактов с руководящими звеньями своих партий.³⁹ Это крайне затрудняло силам охраны правопорядка борьбу с революционными и террористическими организациями. Уничтожение одной-двух их ячеек наносило им лишь незначительный ущерб, не позволял выйти на центральные, руководящие структуры. Более эффективным методом выступало использование тайных агентов таких, как Е. Азеф в партии эсеров. Департамент полиции Российской империи начал систематически отслеживать деятельность революционных организаций за границей, в том числе путем внедрения в них своей агентуры с 1883 г.⁴⁰

Расхождения в тактике, представлениях о конечных целях побуждали антисистемные структуры конфликтовать и полемизировать друг с другом (например, анархисты были исключены из I Интернационала, российские социал-демократы вели ожесточенную дискуссию с народниками и эсерами). Однако в тех ситуациях, когда можно было нанести удар такому общему противнику как властные структуры, антисистемные силы, с готовностью шли на сотрудничество друг с другом (позднее нередко сменявшееся конфронтацией). Здесь уместно вспомнить примеры Парижской Коммуны, первой и второй революций в России, гражданской войны в Испании 1936-1939 гг. и т.д.

Возникновение международной сети конкурирующих и взаимодействующих нелегальных и полуполигальных структур, в рядах которых было немало агентов тайной полиции европейских держав, создало возможности взаимодействия последних в борьбе с революционерами и террористами, которые нередко

---

³⁹ По мнению отечественного исследователя К.Н. Морозова, местные террористические организации партии эсеров нередко возникали стихийно и действовали самостоятельно. См. К.Н. Морозов. Партия социалистов-революционеров в 1907-1914 гг. М., 1998.

⁴⁰ Подробнее см. В.К. Агафонов. Парижские тайны царской охранки. М., «Русь», 2004.

воспринимались как общая угроза. В то же время, с обострением соперничества между ведущими странами мира возник соблазн - руками внутренней радикальной оппозиции ослабить своих конкурентов на международной арене. С началом XX века учащаются попытки использования внутренних антисистемных сил для дестабилизации недружественных держав.

Так известно об усилиях Японии во время русско-японской войны повлиять на ситуацию в Российской империи. В заговоре участвовали бывший военный атташе Японии в Петербурге М. Акаси и один из лидеров революционного движения Финляндии К. Циллиакус. На полученные от японской разведки деньги было закуплено 16 тыс. винтовок, 3 млн. патронов, 3 тыс. револьверов, взрывчатые вещества. На пароходе «Джон Графтон» это вооружение должно было быть доставлено из Великобритании тогда союзной Японии к побережью Финляндии, однако он налетел на мель, и большую часть оружия удалось перехватить властям.⁴¹

§ 4. Опыт политики дестабилизаций в мировой войне 1914-1918 гг.

К методам инициирования политической нестабильности во враждебных ей государствах прибегла и Германская империя в условиях, когда ей начало грозить поражение в первой мировой войне.

Первым объектом вмешательства стала Ирландия – «белая колония» Великобритании, в которой никогда не угасали стремления к обретению независимости. На вооруженную борьбу против британского правления ирландцы поднимались неоднократно – в 1798, 1803, 1848 и 1867 годах.

Один из лидеров ирландского освободительного движения Дж. Конноли еще в годы англо-бурской войны выдвинул лозунг – «Трудности для Англии – шанс для Ирландии», фактически упредив идею В.И. Ленина о «превращении империалистической войны в гражданскую». Ко времени первой мировой войны в Ирландии действовали массовые организации, видящие свою программу-минимум в изменении ее статуса в составе Соединенного Королевства, программу-максимум – в достижении независимости.

Немцы еще до войны установили связи с лидерами национально-освободительных движений Ирландии. 26 июля 1914 года ирландские революционеры получили из Германии 1,5 тыс. винтовок и 45 тыс. патронов.

С наступлением 1916 года начинается непосредственная подготовка к восстанию. К этому времени один из активистов ирландского национального движения – сэр Р. Кейсмент при содействии германского командования формирует в Германии из военнопленных ирландцев Ирландскую бригаду.

9 апреля 1916 г. из германского порта Любек вышло судно с грузом из 20 тыс. винтовок, предназначенных ирландским революционерам. Но корабль был перехвачен британцами. 22 апреля 1916 г. его команда открыла кингстоны и потопила судно. Оружие, предназначавшееся повстанцам, пошло на дно.

В другом немецком порту – Вильсхавене 12 апреля 1916 года Кейсмент поднялся на борт субмарины U-19 германских ВМС, которая должна была доставить его в Ирландию. Именно ему предстояло встать во главе восстания. Однако высадившийся на берег, Роджер Кейсмент был арестован офицерами Королевской Ирландской полиции.

Тем не менее, в понедельник 24 апреля 1916 г. в 12:00 часов в Дублине начинается восстание. Около двух тысяч повстанцев захватили несколько зданий в центре города, главпочтамт и вокзалы, провозгласили создание временного правительства.

⁴¹ Подробнее см. Сб. «Предчувствие новой «холодной войны». М., 2007, с. 232-234.

Британские вооруженные силы оперативно отреагировали на создавшуюся угрозу. К 30 апреля 1916 года английские войска восстановили контроль над городом. Все руководители восстания, 15 человек, были расстреляны. А 3 августа 1916 года состоялась казнь Р. Кейсмента, обвиненного в государственной измене.⁴²

Организованная на территории Великобритании операция не принесла ее инициаторам каких-либо положительных результатов. Англичанам даже не потребовалось снимать с европейского театра военных действий какие-либо части для переброски их в метрополию.

Вместе с тем Пасхальное восстание спровоцировало другие незапланированные немецкими военными результаты, которые уже не могли им помочь в войне.

Репрессии англичан при подавлении этого выступления быстро превратили его зачинщиков в глазах большинства ирландских католиков в героев. Начиная с 1919 года, на территории Ирландии развернулась партизанская война, которая привела к освобождению большей части «Зеленого острова» (кроме шести графств Северной Ирландии, где значительную часть населения составляли протестанты). Но к этому времени Германия уже проиграла войну.

Успешнее действовала германская агентура на территории Российской империи.

Инициирование политической нестабильности Германией на территории России началось задолго до первых залпов первой мировой войны. Хорошо известна история разоблачения шпионского центра, действовавшего в России в 1909 – 1915 г. под руководством полковника Мясоедова, близкого к военному министру Сухомлинову.⁴³ Однако агентурной разведкой дело не ограничивалось. С последней трети XIX века в Российскую империю, при финансовой поддержке германского правительства, начинается массовый приток иммигрантов из Германии. По данным переписи 1897 г. среди жителей царской России, число немцев (т.е. людей, считающих немецкий язык родным) составляло 1813 тыс. чел., из них 1488 тыс. жили в приграничных с Германией и Австро-Венгрией губерниях. Селились они в стратегически значимых районах, возле крепостей Дубно, Ковно, Ивангород, вдоль магистралей Киев – Брест-Литовск, дорог, ведущих к Петербургу и Москве. Когда в 1887 г. в России был принят закон, запрещающий иностранным подданным селиться и приобретать недвижимость в приграничных районах, немцы стали принимать «двойное подданство». Еще в 1881 г. генерал Косич, начальник штаба Киевского военного округа писал: «Наплыв немецких поселений в Юго-западном крае дал основание предполагать, что все это идет систематически и поддерживается германским правительством, что у нас организуется и обучается целое германское воинство».⁴⁴ Если учесть также значительный масштаб присутствия германского капитала в России то следует заключить, что разведка и генштаб Германии были прекрасно осведомлены о состоянии ее армии, экономики и общества.

Немцы как и в случае с Ирландией не создали, а использовали немногочисленную радикальную революционную группу – РСДРП(б). Германская разведка отслеживала деятельность всех организаций революционного спектра в России. Особое внимание привлекла позиция такого политического лидера, как В.И. Ленин, во всеуслышание заявлявшего о желательности поражения своего

---

⁴² Подробнее о Пасхальном восстании см. П. Керженцев. Ирландия в борьбе за независимость. М., 1936; Х.Т. Загладина. Джеймс Конноли. М., 1985.

⁴³ Сейчас появилась версия, согласно которой обвинения против С. Мясоедова были ложными, связанными с придворными интригами. http://www.hrono.ru/biograf/bio_m/myasoedov_sn.html

⁴⁴ А. Сейдаметов, Н. Шляпников. Германо-австрийская разведка в царской России. М., 1939, с. 9.

правительства в империалистической войне и необходимости превращения войны мировой в войну гражданскую. Он, как и заговорщики в Ирландии, считал начавшуюся войну благоприятным моментом для вооруженного выступления и захвата власти.

Тот факт, что группа русских революционеров во главе с В.И. Лениным прибыла в Петроград из нейтральной Швейцарии через территорию находящейся в состоянии войны с Россией Германии, никогда не отрицался советской историографией, хотя сам по себе он достаточно красноречив и одиозен. Но, при этом, в официальных изданиях подчеркивалось, что лидер большевиков не вступал в какие-либо прямые контакты с представителями германских властей, все переговоры с ними велись через Ф.Платтена, секретаря Швейцарской социалистической партии. Отмечалось, что по территории Германии российские революционеры ехали в запломбированном вагоне, в условиях строгой секретности.⁴⁵

Когда в июле 1917 г. Временное правительство⁴⁶ обвинило руководство партии большевиков в том, что оно финансируется Германией и является германской агентурой, эти обвинения были категорически отвергнуты и опровергались до тех пор, пока не рухнула власть КПСС. Однако зарубежные историки не были ограничены идейно-политическими соображениями. Открытие материалов министерства иностранных дел Германии после ее поражения в 1945 г. позволило доказать, что до 31 января 1918 г. правительство Германии выделило на «пропаганду» в России 40 млн. марок (марка тогда была несколько меньше царского рубля) В одной из записок министра иностранных дел Германии Рихарда фон Кюльмана, говорилось: «Главную цель нашей дипломатии в войне составляло разрушение Антанты и последующее создание приемлемой для нас политической конъюнктуры. Россия, как нам представлялось, была важнейшим звеном во вражеской цепи. Поэтому нашей задачей стало постепенное ослабление и, по возможности, удаление этого звена. Таковы были цели подрывной деятельности, которую мы вели в России в тылу, - развитие сепаратистских тенденций и поддержка большевиков. Только получив от нас существенную постоянную помощь (по разным статьям и через разные источники), большевики смогли создать свой главный орган – газету «Правда» - и вести через него энергичную пропаганду, а значит, расширять изначально узкую социальную базу своей партии».⁴⁷

Наиболее подробно схему поступления денег большевикам из Германии описал известный историк Д.А. Волкогонов. Со стороны Германии связь поддерживал немецкий социал-демократ, выходец из России, предприниматель Александр Лазаревич Парвус (Гельфанд), со стороны большевиков – Яков Станиславович Ганецкий (Фюрстенберг), доверенное лицо В.И. Ленина. Ганецкий создал в столице нейтральной Швеции Стокгольме фирму, которая на германские

---

⁴⁵ См. Владимир Ильич Ленин. Биография. М., 1960, с. 295.

⁴⁶ Существует гипотеза, что Февральская революция 1917 г. была инспирирована союзными России Англии и Франции, а во Временное правительство входили как их, так и немецкие «агенты влияния», совместно делавшие все возможное, чтобы ослабить Россию и привести ее к капитуляции. См. Н. Стариков. Февраль 1917 г. Революция или спецоперация? М., «Эксмо», 2007. С точки зрения авторов данной работы, речь идет о классической «теории заговора». В подтверждение своей версии Стариков приводит лишь умозрительные рассуждения, о том, что страны Антанты не хотели делиться с Россией плодами победы над Германией, в которой они, якобы, уже были вполне уверены и, фактически, предали своего союзника, осуществив совместно с немецкой агентурой ее дестабилизацию. Нет, однако, ни одного документа, подтверждающего подобную концепцию.

⁴⁷ См. Р. Пайпс. Русская революция. Т. 1. Большевики в борьбе за власть, 1917-1918. М., «Захаров», 2005, с. 102-103.

средства закупала различные товары, затем они реализовывались в России. Полученные от этой операции «отмытые» деньги размещались в различных банках, и затем использовались на нужды партии большевиков (выпуск газет, листовок, закупка оружия, выплата зарплат «профессиональным революционерам» и т.д.).⁴⁸ Как убедительно доказывают историки М. Геллер и А. Некрич, малочисленная партия, казна которой к февралю 1917 г. была почти пуста, без внешней поддержки никак не смогла бы издавать в апреле 1917 г. 17 ежедневных газет тиражом в 320 тыс. экземпляров.⁴⁹

Более того, большевики продолжали получать помощь от Германии и после взятия ими власти и заключения Брест-Литовского мира. Так, 5 июля 1918 г. посол Германии в Москве, граф Мирбах, шлет шифрограмму в Берлин в которой говорится: «Фонд, который мы имели в своем распоряжении для распределения в России, весь исчерпан. Необходимо поэтому, чтобы секретарь имперского казначейства предоставил в наше распоряжение новый фонд. Принимая во внимание вышеуказанные обстоятельства, этот фонд должен быть по крайней мере, не меньше 40 млн. марок.»⁵⁰

Получение германской помощи лидерами большевиков можно считать доказанным, но проблема оценки их действий остается спорной. Наиболее простое суждение – высказанное Д. Волкогоновым, состоит в том, что «Ленин совершил величайшее предательство нации, стал историческим преступником».⁵¹ Эта оценка представляется излишне эмоциональной и малоубедительной.

К В.И. Ленину отнюдь не подходят такие определения, как «агент Германии» или «агент влияния» Германии. Напомним, что под «агентом» следует понимать засланного или завербованного платного сотрудника зарубежных спецслужб, послушно реализующего их указания. «Агент влияния», по тем или иным мотивам, чаще всего по своим убеждениям, осознанно выбирает модель поведения объективно, полностью или частично, отвечающую интересам той или иной зарубежной державы, не обязательно рассчитывая на какие-то личные выгоды для себя (хотя это тоже не исключено). Однако В.И. Ленин не был ни «платным агентом», ни германофилом.

В.И. Ленин и его окружение пытались использовать заинтересованность германского генштаба в выходе России из войны для достижения собственных целей, связанных с инициированием «мировой революции». При этом сама Германия рассматривалась как первый и основной объект инициирования политической нестабильности. Как пишет известный ученый и политик В.Л. Шейнис, «Не тороплюсь признать предательством «немецкие деньги» у Ленина: можно посчитать, что вождь большевиков помогал германскому генштабу выводить Россию из войны, а можно – что генштаб оказался орудием Ленина по развязыванию германской революции, и каждая версия будет опираться на факты».⁵²

Большевики в краткосрочном плане проиграли. Россия, ставшая Советской, не только потеряла значительную территорию, выплатила контрибуцию, но и сделала решающий шаг к гражданской войне. Унизительные условия мира оттолкнули от большевиков их политических союзников, левых эсеров, которые начали готовить новый переворот. Значительная часть интеллигенции, офицерства, первоначально занявших нейтральную позицию по отношению к Советской власти, стали

⁴⁸ Подробнее см. Д. Волкогонов. Семь вождей. Кн.1, М., Из-во «Новости», 1995, с. 56-57.

⁴⁹ См. М. Геллер, А. Некрич. История России 1917-1995, т. 1, М., «МИК», 1996, с. 32.

⁵⁰ Д. Волкогонов... с. 57-58.

⁵¹ Там же, с. 58.

⁵² В.Л. Шейнис. Русский XX век. Историческое повествование от Гавриила Попова. М., 2010, с. 49.

склоняться к поддержке антибольшевистских сил. Страны Антанты, США и Япония получили повод для захвата портов России (Мурманска, Архангельска, Владивостока). Там находились склады оружия и боеприпасов, которые большевики, якобы, собирались передать Германии. Наконец уже начинающаяся, вялотекущая гражданская война на окраинах страны стала серьезной угрозой власти большевиков после мятежа чехословацкого корпуса. Он был сформирован из военнопленных – чехов и словаков, граждан Австро-Венгрии, готовых сражаться за независимость своих народов. Несмотря на то, что была достигнута договоренность о выводе корпуса (около 50 тыс. чел.) с территории России через Владивосток, слухи о том, что большевики намерены сдать его властям Австро-Венгрии не прекращались. Попытки разоружить корпус подтолкнули его к мятежу, который стал прологом к распространению гражданской войны на большую часть территории страны.

Тем не менее, стратегически большевики переиграли германский генштаб. В советской историографии развитие революционного движения в Германии рассматривалось как преимущественно спонтанный процесс, вызванный факторами внутреннего развития этой страны в условиях изнуряющего ее продолжения военных действий. Влияние Советской России ассоциировалось исключительно с силой примера, вдохновившего германских «левых», спартаковцев, на действия, ведущие к захвату власти с использованием опыта партии большевиков. Однако обменом опытом дело не ограничивалось. Каналы связи с Германией и другими странами через нейтральную Швецию позволили большевикам установить контакты с единомышленниками за рубежом. Уже в январе 1918 г. в Петербурге собирается совещание представителей левых фракций социал-демократического движения ряда европейских стран, это был первый шаг к созданию Коминтерна. Совещание обращается ко всем левым силам, готовым «стать на путь революционной борьбы против своих правительств» и поддержать Советскую власть. При ЦК РКП(б) создается Федерация иностранных групп, сконцентрировавшая внимание на работе с военнопленными из Германии и союзных ей стран. Возвращаясь из плена после заключения Брест-Литовского мира они вели работу по подготовке революций в своих государствах. При этом, речь шла о тысячах человек, принявших большевистскую идеологию.⁵³

Особенно большие масштабы операции по дестабилизации Германии приобрели с открытием в Берлине 19 апреля 1918 г. советского полномочного представительства (посольства). В Берлине и Гамбурге появились советские консульства, в ряде городов Германии и нейтральной Голландии открылись отделения советского Берлинского информационного бюро.

Посольство выполняло обычные для дипломатических представительств функции – вело легальную разведывательную деятельность, налаживало контакты с германскими бизнесменами, привлекая их перспективами выгодных вложений в Россию, с влиятельными политиками и лидерами партий, при этом явное предпочтение отдавалось спартаковцам. Однако все это было лишь прикрытием основной деятельности. Посольство финансировало (и соответственно определяло содержание) более десяти легальных лево-социалистических газет. Одновременно нелегально распространялись сотни тысяч листовок, печатание которых было налажено в самой Германии с помощью спартаковцев. Дипкурьеры (до 200 человек) распространяли их в соседних с Германией странах, а через нейтральную Голландию революционная литература попадала и в страны Антанты. Наконец, действующие в подполье ячейки спартаковцев получали по нелегальным каналам

---

⁵³ Подробнее см. Коммунистический Интернационал. Краткий исторический очерк. М., 1969, с. 50-51.

оружие и боеприпасы. Как писал в 1919 г. полномочный представитель Советской России в Германии Иоффе, «в подготовке германской революции российское посольство все время работало в тесном контакте с германскими социалистами». На эту работу было израсходовано не менее 14 млн. германских марок.⁵⁴ Поскольку собственными крупными финансовыми средствами Советская Россия тогда не обладала, остается предположить, что революция в Германии готовилась на деньги германского генштаба, ранее переданные большевикам.

В.И. Ленин признавал, что в нарушение статьи 2 Брест-Литовского договора, запрещающей сторонам вмешиваться во внутренние дела друг друга и вести деятельность по свержению существующих правительств, российское посольство такую деятельность осуществляло. Выступая на VI Всероссийском чрезвычайном съезде Советов в ноябре 1918 г. Ленин отметил: «германское правительство превосходно знало, что в русском посольстве пользовались гостеприимством германские социалисты», а в посольстве, как раз накануне начала революции в Германии, «было общее собрание социалистов русских и германских во главе с Либкнехтом».⁵⁵

Разумеется, германские власти знали, что советское посольство поддерживает связи с революционным подпольем Германии. Однако это не стало поводом для разрыва отношений или прямого конфликта. Слишком велика была заинтересованность в соблюдении Россией условий мира. Кроме того, спартаковцы строго соблюдали требования конспирации, ограничивались пропагандой и не проявляли какой-либо активности в виде террористических действий, экспроприаций и т.д., способной привлечь внимание властей, явно недооценивавших их потенциал. Между тем, германские революционеры лишь выжидали подходящего момента для выступления. Он наступил в начале ноября 1918 г., когда флот отказался выполнить самоубийственный приказ командования о выходе в море и атаке превосходящих сил английских эскадр. 3 ноября в портовом городе Киле начались манифестации под антивоенными и антимонархическими лозунгами. Попытка подавления выступлений привела к тому, что флот поднял красные флаги, повсеместно в городах стали возникать Советы, многие из них возглавляли вышедшие из тюрем спартаковцы. 4 ноября правительство разорвало отношения с Советской Россией, но было уже поздно: механизм ИПН заработал. Власть перешла к Совету народных уполномоченных.

Как известно, спартаковцы не смогли создать Советскую Германию. Тем не менее, можно констатировать, что российским большевикам все же удалось дестабилизировать ситуацию в достаточной мере, чтобы добиться крушения кайзеровского режима. Благодаря этому Советская Россия смогла избавиться от унижительных условий Брест-Литовского мира.

Фактически опыт периода первой мировой войны показал эффективность стратегии дестабилизации, использованной Германией против России, затем – Советской Россией против кайзеровской Германии. Другой вопрос, что эта стратегия применялась против стран с довольно высоким уровнем внутренних противоречий, обостренных неудачами на фронтах. С этой точки зрения, наступление стран Антанты на Германию содействовало попыткам ее «большевизации». В то же время Советская Россия, заключив Брестский мир с Германией, фактически не прекратила против нее боевых действий, только осуществляла их невоенными средствами. Ей удалось приблизить выход Германии из войны, тем самым Россия поспособствовала победе государств Антанты. По этой причине, восприятие политики большевиков как

⁵⁴ Р. Пайпс. Русская революция, 1917-1918, М., 2005, с. 369-371.

⁵⁵ В.И. Ленин. Полн. собр. соч., т.37, с.151.

исключительно «изменнической» не вполне соответствует действительности. Однако вполне реальный вклад большевиков в победу стран Антанты над Германией не был ими понят и оценен.

§ 5. Межвоенный период: дестабилизации в стратегии Коминтерна

Опыт первой мировой войны, в которой методы дестабилизации враждебных держав оказались довольно эффективными, был взят на вооружение многими государствами в межвоенный период.

С наибольшей интенсивностью этот опыт применялся Советской Россией, затем – СССР. Созданный по инициативе советского руководства в 1919 г. Коминтерн (основные принципы его деятельности были утверждены на II Конгрессе в 1920 г.) стал, с одной стороны, одним из самых мощных орудий дестабилизации в истории, с другой – самым малоэффективным.

Большинство лидеров и рядовых членов национальных секций Коминтерна (коммунистических партий) были молоды, искренне привержены идеям марксизма-ленинизма, убеждены в близости «мировой революции», которая сделает соответствующие секции (партии) правящими в своих странах. Личные амбиции подкреплялись верой в правильность, справедливость и достижимость целей, которые ставило руководство этой международной организации.

Так же как I Интернационал Коминтерн формально был негосударственной организацией, но его секции опирались на поддержку крупной державы – Советской России (СССР), которая оказывала им весьма весомую материальную поддержку (деньгами, оружием, подготовкой кадров), что значительно расширяло возможности каждой из секций. В Советском Союзе действовали такие учебные центры, как Международная Ленинская школа, где готовились руководящие кадры компартий, Коммунистический университет национальных меньшинств стран Запада имени Мархлевского, Коммунистический университет трудящихся Востока им. И.В. Сталина, Коммунистический университет трудящихся Китая. Они работали с начала 1920-х до 1936-38 гг., когда были ликвидированы или реорганизованы, продолжительность обучения составляла три года. За это время были подготовлены тысячи активистов, владеющих основами нелегальной, террористической деятельности, умением разжигать и использовать межнациональные противоречия, вести пропаганду в массах.

Во многих странах секции Коминтерна действовали легально (хотя при этом использовали и нелегальные методы работы), что открывало большие возможности пропагандистской деятельности, которой придавалось особое значение. Характеризуя тактику компартий по дестабилизации общества, Д.Волкогонов выделил следующие основные черты: «Максимально возможная обработка общественного мнения, своеобразный «массаж» обыденного сознания. Исступленное культивирование образа классового врага... Разложение армии и государственного аппарата с помощью ничем не ограниченной демагогии. Подталкивание к хаосу, распаду государственности и власти. Переворот в момент, когда государственная власть окончательно обессилена и скомпрометирована. Установление жесткой диктатуры, отменяющей «буржуазные свободы и права». Террор, как решающий метод сдерживать миллионы людей в узде диктатуры. Война без правил – безбрежная гражданская война».⁵⁶

Коминтерн не сразу стал послушным инструментом советской политики. Первоначально лидеры его зарубежных секций, как и руководители партии большевиков, исходили из убеждения, что в странах, измученных мировой войной, осуществить захват власти вполне возможно. Одновременно существовала

---

⁵⁶ Д. Волкогонов...с. 65.

уверенность в невозможности «мирного сосуществования» ставшей Советской России с окружающим ее капиталистическим миром. Соответственно, удары Красной Армии по буржуазным государствам предполагалось сочетать с их дестабилизацией изнутри секциями Коминтерна.

Так, еще на VII съезде РКП(б), в резолюции «О войне и мире», которую тогда было решено не публиковать, заявлялось, что «социалистический пролетариат России будет всеми силами и всеми находящимися в его распоряжении средствами поддерживать братское революционное движение пролетариата всех стран». Съезд уполномочил ЦК партии «во всякий момент разорвать все мирные договоры с империалистическими и буржуазными государствами, а равно объявить им войну».⁵⁷

В марте 1919 г. на VIII съезде РКП(б) Ленин ставит вопрос о том, что «существование Советской республики рядом с капиталистическими государствами продолжительное время невыносимо. В конце концов, либо одно, либо другое победит. А пока этот конец наступит, ряд самых ужасных столкновений между Советской республикой и буржуазными государствами неизбежен».⁵⁸

В советско-польской войне 1919-1921 гг. компартия Польши действовала совместно с Красной Армией. По свидетельству В. Кривицкого, бывшего сотрудника советской военной разведки, «Члены Польской компартии помогали нам, организуя саботаж, диверсии, мешали транспортировке военного снаряжения из Франции. Мы организовали забастовку в Данциге, чтобы не допустить поставку французского оружия для польской армии. Я ездил в Варшаву, Краков, Лемберг, в немецкую и чешскую Силезию и в Вену, чтобы не допустить разгрузки оружия».⁵⁹

Красная армия оказалась недостаточно сильна, чтобы сломить сопротивление Польши которой помогали державы Антанты. Более того, после Генуэзской конференции и Раппальского договора оказалось, что мирный диалог со странами Запада для СССР вполне возможен. В лексиконе партии большевиков появился тезис о «мирной передышке». Тем не менее, на XI съезде РКП(б) в 1922 г. (последнем, на котором он присутствовал лично) В.И. Ленин заявил: «...Как только мы будем сильны настолько, чтобы сразить весь капитализм, мы незамедлительно схватим его за шиворот. Наши силы возрастают и очень быстро».⁶⁰ Иначе говоря, в возможность стабильных, мирных отношений с внешним миром лидеры РКП(б) не верили (миф о том, что идея «мирного сосуществования» принадлежит В.И. Ленину был изобретен намного позже), но вынуждены были признать, что Красная Армия пока недостаточна сильна, чтобы осуществлять «экспорт революции» военными средствами. Тем не менее, попытки дестабилизировать зарубежные страны силами поддерживаемых и направляемых из Москвы секций Коминтерна в 1921-1927 гг. продолжались.

Наибольшие усилия предпринимались по дестабилизации ситуации в Германии, которая испытывала значительные экономические трудности после поражения в войне. В 1921 г. Компартия Германии, по предложению Коминтерна, выдвинула фактически нереализуемые в существовавшей ситуации лозунги повышения зарплаты, выплаты пособий по безработице, освобождения политических заключенных, создания отрядов рабочей самообороны. В поддержку этих требований выступило около 100 тыс. рабочих, разделяющих идеалы коммунистов. Забастовки, попытки захвата предприятий созданными вооруженными отрядами были довольно быстро подавлены армией и полицией.

⁵⁷ ВКП(б) в резолюциях и решениях съездов, конференций и Пленумов ЦК. Ч. 1., М., 1940, с. 278-279.

⁵⁸ Там же, т. 38, с.139.

⁵⁹ В. Кривицкий. Я был агентом Сталина. Записки советского разведчика. М., 1991, с. 96.

⁶⁰ В.И.Ленин, ПСС, Т. 42, с. 60.

Оккупация французскими войсками Рурской области в 1923 г. поставила экономику Германии на грань катастрофы. В этих условиях, КПГ призвала к созданию «рабоче-крестьянского правительства», начала подготовку к очередному вооруженному восстанию. Однако начавшееся в Гамбурге выступление также было быстро подавлено.

В 1923 г. в Польше, в условиях экономического кризиса и обострения социальных противоречий, коммунистам удается спровоцировать вооруженные столкновения рабочих и армии, однако в революцию они не перерастают. Тогда же, в 1923 г. коммунистическая партия поднимает своих сторонников на вооруженное выступление в Болгарии, однако оно быстро терпит поражение.

1 декабря 1924 г. предпринимается попытка начать вооруженное восстание в Эстонии, которое не получило никакой поддержки масс, но привело к фактическому уничтожению соответствующей секции Коминтерна.

Неудачи попыток инициирования политической нестабильности в странах Европы, побудили лидеров Коминтерна и Советской России искать другие «слабые звенья», где можно было бы разжечь пожар «мировой революции». Ими были сочтены колониальные и зависимые страны, где существовали влиятельные национально-патриотические силы, недовольные засильем капитала развитых государств Запада, США и Японии.

Наиболее масштабный характер приобрело вмешательство Коминтерна и СССР в Китае, где для этого сложились благоприятные условия. Национально-патриотическая партия гоминдан первоначально возглавляемая Сунь Ятсеном, затем Чан Кайши вела борьбу против феодально-милитаристских кланов, правящих большинством провинций и рассчитывала на помощь СССР, которая была незамедлительно оказана. Гоминдан и Компартия Китая (КПК входила в гоминдан, сохраняя организационную самостоятельность), с помощью Советского Союза, создали Национальную революционную армию (НРА). Опираясь на помощь советских военных советников, которыми руководили выдающиеся военачальники – В.К. Блюхер, М.М. Бородин и др. НРА в 1925-27 гг. заняла крупнейшие города страны.

В Коминтерне гоминдан рассматривался как весьма неоднородное движение, объединяющее крупную национальную буржуазию, опасавшуюся углубления революции и мелкую буржуазию, сохранявшую значительный революционный потенциал. Согласно решениям VII расширенного Пленума Коминтерна (ноябрь-декабрь 1926 г.) КПК должна была вести «систематическую и решительную борьбу с правыми гоминдановцами».⁶¹ Иначе говоря, Коминтерн предполагал осуществить своего рода переворот в гоминдане, трансформировать эту организацию из национально-демократической в революционную. Однако руководство гоминдана перехватило инициативу. 12 апреля 1927 г. силы Чан Кайши нанесли удар по Компартии Китая, против которой были развернуты массовые репрессии. Китайской секции Коминтерна удалось сохранить контроль лишь над так называемыми Освобожденными районами вблизи границы с Монголией, однако ее численность сократилась с 60 тыс. до 10 тыс. чел.⁶²

Фактически осуществлявшаяся СССР по линии Коминтерна стратегия инициирования политической нестабильности в зарубежных странах вела к бессмысленной растрате сил и ресурсов, неоднократно вызывала обострения отношений Советского Союза с ведущими державами мира, но не давала никаких фактических дивидендов. В этих условиях после внутривластных дискуссий 1925-

⁶¹ Коммунистический Интернационал в документах, 1919-1932. М., 1933, с. 677.

⁶² Краткая историческая энциклопедия, т. 2., М., 2002, с. 338.

1927 г. в партии большевиков утвердилась идея И.В. Сталина о «возможности построения социализма в одной отдельной взятой стране». Для Коминтерна эта идея имела очень большое значение. «Мировая революция» перестала рассматриваться как неперемное условие «выживания» СССР в капиталистическом окружении и, соответственно, сохранения власти у партии большевиков.

Секции Коминтерна продолжали вести работу по дестабилизации своих стран, однако центр тяжести их усилий постепенно стал смещаться на оказание поддержки «международному отечеству пролетариата» - СССР. Это подразумевало создание позитивного имиджа Советского Союза за рубежом, оказание давления на «свои» правительства в пользу принятия тех или иных его инициатив по развитию торгово-экономических отношений. Зарубежные коммунисты содействовали СССР в осуществлении пятилетних планов путем вербовки инженеров и техников, «друзей СССР», готовых принять участие в реализации индустриальных проектов, развитии советской науки и техники.

Принято считать, что зарубежных коммунистов не привлекали к разведывательной деятельности в пользу Советского Союза из опасений дискредитировать компартии. Это не совсем так. Члены компартий охотно и добровольно передавали в СССР любую информацию, которая, по их мнению, могла представить интерес для советской разведки. Коммунисты содействовали советским разведслужбам в вербовке агентов, которые не афишировали свое членство в секциях Коминтерна. Как писал В. Кривицкий, «...Будучи в Москве, я сказал руководителю нашей военной разведки в США, что, по моему мнению, он зашел слишком далеко, вербуя такое количество американских партийных активистов для разведывательной работы. Его ответ был типичным:

- Что тут плохого? Им хорошо платят за это. Революцию им никогда не совершить. Так пусть хоть отработывают свои деньги.

...Шпионская сеть компартии на службе ОГПУ выросла до небывалых размеров и проникла в недоступные дотеле сферы. Тщательно скрывая свою принадлежность к партии, коммунисты заняли сотни ключевых должностей. Москва получила возможность влиять на должностные лица, которым не пришлось бы в голову близко подойти к агенту ОГПУ или Коминтерна».⁶³

Поворот в политике Коминтерна произошел не сразу, однако надо учитывать, что руководство партии большевиков обладало почти неограниченными возможностями влияния на его зарубежные секции.

Во-первых, все они зависели от финансирования Москвой.

Во-вторых, авторитет партии, основанной В.И. Лениным, среди рядовых членов зарубежных компартий был еще очень высок и невыполнение тем или иным лидером указаний московского «центра» почти автоматически вело к его остракизму и смещению.

В-третьих, деятельность зарубежных секций Коминтерна очень жестко контролировалась советскими органами госбезопасности, и в 1930-е гг. по ним также прокатился вал массовых репрессий. После этого зарубежные коммунисты без каких-либо оговорок следовали весьма сложным поворотам в политике СССР 1930-х годов. В годы Великого кризиса 1929-32 гг., когда вновь возникли надежды на «революционный подъем» в ведущих странах мира, зарубежные секции Коминтерна сосредоточились на борьбе с влиянием социал-демократии на трудящихся. Периоду, когда руководство Советского Союза надеялось на создание системы коллективной безопасности в Европе, соответствовала ориентация коммунистов на приоритет антифашистской борьбы, создание Народных фронтов с готовыми к

---

⁶³ В. Кривицкий... с. 126-127.

сотрудничеству левоцентристскими силами, в том числе с социал-демократией. После Мюнхенского сговора 1938 г. и сближения СССР с гитлеровской Германией в 1939 г., начала мировой войны, коммунисты оказались вынуждены отказаться от жесткой антифашистской позиции. Она вновь оказалась востребована с нападением Германии на СССР.

Есть все основания предположить, что советское руководство было разочаровано в возможностях секций Коминтерна. Именно поэтому, а не только из-за стремлений упрочить антифашистскую коалицию он и был распущен в 1943 г. Приходу коммунистов к власти в большинстве стран Восточной Европы предшествовало их освобождение от фашизма Советской армией. При этом в рамках созданного в 1947 г. Коминформа И.В. Сталин и его окружение относились к коммунистическим лидерам восточноевропейских государств примерно как к проштрафившимся секретарям обкомов СССР, что привело их к конфликту с югославским лидером И.Б. Тито, пришедшим к власти самостоятельно.

Неудачи попыток дестабилизаций зарубежных государств секциями Коминтерна не доказывают, что инициировать политическую нестабильность вообще невозможно. Основная причина провала большинства революционных выступлений – ошибочная оценка положения дел в соответствующих странах руководством Коминтерна, осуществлявшимся из Москвы, его догматическая уверенность в том, что достаточно небольшого толчка, чтобы начать «мировую революцию».

§ 6. Роль «пятой колонны» в политике фашистской Германии

Основную ставку в реализации планов завоевания «жизненного пространства» для арийской расы фашистская Германия делала на военную силу. Как писал еще А. Гитлер в библии нацистов «Майн кампф»: «Ясно, что политику завоевания новых земель Германия могла бы проводить только внутри Европы. Колонии не могут служить этой цели, поскольку они не приспособлены к очень густому заселению их европейцами. В XIX столетии мирным путем уже нельзя было получить таких колониальных владений. Такие колонии можно было получить только ценой очень тяжелой борьбы. Но если уж борьба неминуема, то гораздо лучше воевать не за отдаленные колонии, а за земли, расположенные на нашем собственном континенте. Такое решение конечно можно принять только при наличии полного единодушия. Нельзя приступать с колебаниями, нельзя браться лишь наполовину за такую задачу, проведение которой требует напряжения всех сил. Такое решение надо принимать лишь тогда, когда все политические руководители страны вполне единодушны. Каждый наш шаг должен быть продиктован исключительно сознанием необходимости этой великой задачи. Необходимо отдать себе полный отчет в том, что достигнуть этой цели можно только силой оружия и, поняв это, спокойно и хладнокровно идти навстречу неизбежному».

Тем не менее, пока Германия не была готова к войне, она для достижения своих целей довольно эффективно использовала ненасильственные средства. Так операция по присоединению Австрии к Германии была проведена преимущественно с использованием средств дестабилизации. В этой небольшой средневропейской стране, после распада Австро-Венгрии, даже раньше чем в Германии, возник ряд организаций фашистского толка, штурмовые отряды – «Хеймвер». Часть из них придерживались прогерманской ориентации, часть – проитальянской, это обеспечивало центристским лидерам относительную свободу маневра.

Еще до установления национал-социалистской диктатуры в Германии, в 1930 г. австрийские фашисты стали отделением гитлеровской НСДАП. В 1931 г. А. Гитлер

назначает руководителя австрийского «краевого отделения» НСДАП (Т. Габихта). На выборах в Австрии 1932 г. НСДАП получает 16 % голосов (в крупных городах – 30 %).⁶⁴ В 1933 г. канцлер Австрии Э.Дольфус, сторонник сохранения независимости Австрии, устанавливает авторитарный режим, запрещает деятельность всех партий, кроме возглавляемого им Отчественного фронта. Активисты НСДАП, социал-демократов и коммунистов оказываются в концлагерях.

В феврале 1934 г. против режима Дольфуса, который коммунисты считали фашистским, левые партии (коммунисты и социал-демократы) подняли восстание, которое власти подавили менее чем за неделю. Более эффективными были действия национал-социалистов. 25 июля 1934 г. атаке подверглась резиденция канцлера Дольфуса, который вскоре скончался от ран. В нападении участвовал О.Скорцени, впоследствии один из самых известных бойцов «тайной войны». Правительство ставшего канцлером К.Шушинга пыталось продолжать политику Дольфуса, надеясь, что соперничество Германии и Италии за влияние на Австрию позволит избежать утраты независимости. Однако Италия не пошла на конфликт с Германией по этому вопросу. В 1938 г. канцлер вынужден был, по требованию Германии, отменить запреты на деятельность НСДАП в Австрии. В марте 1938 г. ее отряды начали захват правительственных учреждений. Возглавивший, по требованию Германии, правительство Зейсс-Инкварт пригласил в страну немецкие войска для восстановления «порядка и спокойствия». 14 марта Австрия стала провинцией «Третьего рейха».

Методы дестабилизации были использованы и при расчленении Чехословакии, одобренной Мюнхенским договором 1938 г. В 1933 г. в Судетской области, населенной преимущественно немцами, возникает партия Немецкий патриотический фронт, возглавленная К.Генлейном (с 1935 г. - Судетская немецкая партия, СНП). Первоначально она требовала автономии для судетских немцев, затем их воссоединения с Германией. Кампания, организованная СНП о притеснениях немцев в Чехословакии была немаловажным козырем А.Гитлера на переговорах с лидерами Англии и Франции о судьбах этой восточноевропейской страны. Впоследствии Генлейн стал рейхскомиссаром Судетской области.

Политика «дестабилизаций» Австрии и Чехословакии раскрывает важную особенность политики распространения влияния Германии невоенными средствами. Она, будучи построена на тезисе об избранности «арийской расы», апеллировала к национальным чувствам немцев, проживающих за пределами страны.

Еще в 1931 г. было создано Заграничное отделение при руководстве НСДАП. Его задача состояла в вербовке в ряды национал-социалистов немцев, проживающих вне Германии и руководстве заграничными отделениями партии. После прихода А. Гитлера к власти, отделение было названо «Немцы за границей», в 1934 г. его переименовали в Заграничную организацию НСДАП, с 1937 г. она передается в ведение МИД Германии.

Заграничная организация к 1938 г. контролировала деятельность примерно 600 зарубежных отделений НСДАП в десятках стран.⁶⁵ Их задачи были весьма многообразны. Первоначально они включали распространение идей национал-социализма в немецких землячествах, содействие созданию школ, где воспитание детей из немецких семей осуществлялось в духе преданности этим идеям, оказание помощи нуждающимся семьям, установление контроля над детскими, юношескими, молодежными, женскими, спортивными организациями. Затем создавались штурмовые отряды, предприниматели немецкого происхождения, сочувствующие

⁶⁴ <http://www.hrono.ru/sobyty/1919avst.html>

⁶⁵ Ю.М. Григорьян. Германский империализм в Латинской Америке. М., 1974, с. 118,119.

нацизму, организовывали экономическую помощь «рейху», налаживалась поставка разведывательной информации. Через контролируемую прессу осуществлялось давление на общественность, политику правящих кругов с тем, чтобы склонить их если не к союзу с Германией, то к дружественному нейтралитету. В странах подвергшихся вторжению руководители зарубежных отделений НСДАП оказывали прямую помощь агрессору, а затем занимали руководящие посты в оккупационных администрациях.

Проблема для Германии состояла в том, что помимо Австрии и Чехословакии в других странах немцы составляли лишь небольшую долю населения, кроме того, далеко не все они попадали под влияние нацистской пропаганды. В силу этого, «пятая колонна» могла играть лишь вспомогательную роль. Точно так же обстояло дело и с приверженцами фашистской идеологии в «неарийских» странах, которые также получали поддержку гитлеровской Германии. Расовая составляющая идеологии нацизма объективно уменьшала число возможных сторонников создания тоталитарного государства и объединения неарийской нации. Именно по этой причине местные прогерманские структуры в большинстве европейских стран приобрели определенное политическое влияние лишь после их оккупации. Например, даже в союзной Германии Венгрии, пока у власти находился адмирал Хорти, откровенно профашистское движение «скрещенных стрел» или салашистов подвергалось преследованиям. Лишь в 1944 г., после того, как Хорти попытался выйти из войны, и Венгрия подверглась германской оккупации, салашисты были приведены к власти.

«Пятую колонну» Германия, как и Япония, пытались создать в колониальных и зависимых странах, представляя свою политику борьбой с англо-французским колониализмом. Однако Германии удалось обеспечить лишь ограниченную поддержку в исламском мире, не оказавшую существенного влияния на ход войны. Прогерманский мятеж в Ираке в 1941 г. был быстро подавлен британскими войсками, а занятие территории Ирана силами Великобритании и СССР пресекло деятельность фашистской агентуры в этой стране.

Более успешно действовала Япония, выдвинувшая лозунг «Азия для азиатов». Ей удалось заручиться поддержкой ряда лидеров национально-освободительного движения в странах Юго-Восточной Азии. Но беспощадная эксплуатация их ресурсов и местной рабочей силы привела к быстрому разочарованию в «освободительной» миссии Токио.

§ 7. Дестабилизации: основное орудие «холодной войны»

На начальном этапе «холодной войны» лидеры СССР и США с определенным скептицизмом относились к возможностям нанести существенный урон потенциальному противнику методами дестабилизаций. Учитывался опыт предвоенного времени и второй мировой войны. Так значительные пропагандистские усилия США и Великобритании с одной стороны, СССР с другой, не помешали гитлеровской Германии сражаться до последней возможности. Действия оппозиционных фашизму групп различной направленности – от коммунистов до либералов – позволяли получать разведывательные сведения, устранять отдельных высших сановников рейха, даже организовать покушение на А. Гитлера – но все это имело лишь ограниченный эффект. Более результативными оказались действия США против Италии, где разведслужбы сумели установить контакт с сицилийской мафией, ущемленной жесткой, авторитарной политикой Б. Муссолини и содействовавшей почти беспрепятственной высадке войск союзников в Сицилии и на Юге Италии.

Как в Вашингтоне, так и в Москве, учитывали, что Германия и ее союзники были сокрушены, прежде всего, военной силой, а все прочие методы и приемы воздействия на враждебные государства играли второстепенную, вспомогательную роль. Также принималось во внимание, что «друзья СССР» - зарубежные коммунисты смогли прийти к власти лишь в тех странах, куда вступили советские войска. Не было исключением и Китай, где Советский Союз, занявший в ходе войны с Японией территорию Манчжурии, передал ее, а также захваченное им японское оружие Компартии Китая. В начавшейся в стране гражданской войне (1946-1949 гг.), помощь СССР КПК оказалась более эффективной, чем США – гоминдану. Советский Союз только в 1945 г. помог КПК подготовить 300 тыс. бойцов (по другим данным – до 1 млн.), кроме того в Народно-освободительную армию Китая были направлены советские военные инструкторы, имеющие опыт Великой Отечественной войны.⁶⁶

Все это, как и гражданская война в Греции, (1944-1949) начатая и проигранная коммунистами, стремившимися после освобождения страны от германо-фашистской оккупации прийти к власти, не имело никакого отношения к достижению целей войны невоенными средствами. Показательно, что поскольку СССР не мог осуществить военное вмешательство в Греции, И.В. Сталин, судя по воспоминаниям югославского (впоследствии) диссидента М. Джиласа, выражал крайний скептицизм по поводу перспектив победы греческих коммунистов.⁶⁷

Интересно отметить, что, несмотря на изобилие измышлений относительно «подрывных действий» стран Запада против СССР, родившихся в годы холодной войны, один из ведущих советских специалистов по идеологической борьбе Н.Н.Яковлев констатировал интересную особенность. Как он писал, в США разработка планов военных действий с использованием атомного оружия против Советского Союза как потенциального противника началась еще в 1945 году. В то же время подрывная деятельность, а к ней он относил засылку агентуры, поиск контактов с вооруженными группами, которые вели борьбу против советской власти со времени фашистской оккупации (Западная Украина, Прибалтика), по его мнению, «приобретает широкий размах с 1949 года».⁶⁸

Это, видимо, не случайная дата, это год, когда США лишились монополии на ядерное оружие. Конечно, до паритета в ядерной мощи в 1949 г. было еще далеко, даже в 1961 г. американские арсеналы ядерного оружия в 17 раз превосходили советские (5000 ядерных боеприпасов против 300).⁶⁹ Однако, что имело принципиальное значение, на протяжении всего периода «холодной войны» ни разу не возникало такой ситуации, при которой политическое руководство Советского Союза или Соединенных Штатов было бы убеждено в возможности достижения легкой и быстрой военной победы над оппонентом. Даже в период, когда США обладали ядерной монополией и господством на морях Вашингтон вынужден был считаться с тем, что на возможных театрах военных действий в Европе и Азии СССР успешно проводил линию «на создание и поддержание подавляющего преимущества в обычных средствах борьбы».⁷⁰ Кроме того, Советский Союз обладал довольно эффективной системой ПВО, а его истребительная авиация, как показала война в Корее (1951-1953 гг.) по меньшей мере, не уступала американской.

---

⁶⁶ Подробнее см. Новейшая история Китая, 1917-1970, М., 1972, с. 216; <http://anubis.ucoz.ua/publ/61-1-0-373>

⁶⁷ <http://tverdyi-znak.livejournal.com/17110.html>

⁶⁸ Н.Н. Яковлев. ЦРУ против СССР. М., 1983, с. 32, 111.

⁶⁹ История военной стратегии России. М., 2000, с. 416.

⁷⁰ Там же, с. 378.

Соответственно, военные США не могли быть абсолютно уверены, что ядерная бомбардировка целей на территории СССР окажется возможной.

В свою очередь, советское руководство не могло не учитывать быстрый рост ядерных арсеналов США, а также относительную неуязвимость их территории, сохранявшуюся до появления у СССР межконтинентальных баллистических ракет (МБР начали приниматься на вооружение в 1959 г.).

Обе стороны искали выход из сложившейся патовой ситуации за счет количественного наращивания и качественного совершенствования военных арсеналов. В итоге очень быстро был перейден порог «разумной достаточности» в накоплении запасов оружия массового поражения. Его применение в глобальной войне с участием обеих сверхдержав вполне вероятно привело бы к уничтожению основных центров человеческой цивилизации.

Возникшая после второй мировой войны ситуация не означала, что прямое военное столкновение между СССР и США и созданными ими системами союзов в принципе стало невозможным. Эскалация какого-либо из локальных конфликтов, техническая ошибка могли вовлечь сверхдержавы в омут взаимоничтожения. Советский Союз и Соединенные Штаты несколько раз оказывались вблизи рубежа, перейдя который было бы трудно избежать войны. Это, в частности, Берлинский кризис 1948 г., война в Корее 1950-53 гг., Берлинский кризис 1961 г., Карибский кризис 1962 г. Однако в каждой из этих ситуаций правящие элиты обеих стран приходили к выводу, что время для решающей пробы сил еще не пришло.

Патовое положение в области военного соперничества получило и официальное признание. Еще в 1956 г. на XX съезде КПСС прозвучал вывод о том, что новая мировая война не является фатально неизбежной. С началом разрядки 1970-х гг., с заключением договора ОСВ-1, констатировавшего бессмысленность дальнейшего наращивания количества стратегических носителей ядерного оружия, СССР и США начали оговаривать своего рода «кодекс» противоборства, позволяющий свести до минимума риск глобального военного конфликта.

При этом противоречия между двумя «сверхдержавами» и их системами союзов оставались неразрешенными. Различия в идеологии, принципах организации политической и экономической жизни были слишком велики, чтобы рассчитывать на мирную «конвергенцию» двух систем. Но если такой быстрый и радикальный путь решения существующих антагонизмов как глобальная война оказывался неприемлемым для обеих сторон, то на первый план начали выходить иные цели и средства политики, допускавшие лишь ограниченное использование военной силы.

Если цель – сокрушения оппонента прямым, масштабным применением военной силы оказалась недостижимой, то вполне логичным было поставить промежуточные задачи. И США, и СССР стремились расширить свою систему союзов, ослабить внутреннее единство стран, рассматривавшихся в качестве потенциальных противников.

Для решения этих задач использовались идеологические, политические, экономические и военные средства, включая тайные операции и терроризм, причем каждая из сторон имела свои сильные и слабые стороны. Естественно, характер использования этих средств и соотношение между ними были различными, зависели от того, каким был объект вмешательства.

Гонка вооружений не прекращалась хотя, начиная с 1970-х гг. она служила не столько подготовке к взаимному истреблению, сколько средством – создать инструменты политического шантажа потенциального противника, заставить его тратить ресурсы на создание новых средств ОМП. Так широко разрекламированная Р. Рейганом в 1983 г. программа создания оружия «звездных войн» при

существовавшем тогда уровне технологий не могла быть быстро реализована. Однако советское руководство в последующие годы, при М.С. Горбачеве, пошло на существенные уступки, чтобы побудить США отказаться от планов милитаризации космоса.

а) Идеино-пропагандистские средства

Обе стороны в годы «холодной войны» придавало особое значение пропаганде, идеологической борьбе. Каждая из них стремилась представить свое общество в наиболее выигрышном свете, одновременно изображая оппонента «империей зла». При этом первоначально Советский Союз имел определенные преимущества. Будучи «закрытой» страной со строжайшей цензурой он имел возможность фильтровать и фабриковать информацию, как на «входе», так и на «выходе», в этом ему помогали действующие легально во многих государствах коммунистические и рабочие партии. Представляя общественности Запада идеализированный имидж СССР, контролируемые ими СМИ публиковали сведения о забастовках, стачках, ущемлении прав трудящихся в США и союзных им странах, которые воспроизводились советской прессой. Симпатии к Советскому Союзу и интерес к «коммунистическому эксперименту» длительное время проявляли многие, в том числе и беспартийные интеллектуалы в странах Запада.

Разумеется, информация о репрессивном характере режима, нехватке продуктов первой необходимости во многих районах страны, убогости быта доходила до общественности стран Запада от так называемых «невозвращенцев», корреспондентов западных изданий, которым удавалось увидеть что-нибудь кроме относительно благополучной Москвы. Но эти разоблачения дезавуировались левыми, коммунистическими СМИ как злопыхательские и злонамеренные. Однако со временем прочность «железного занавеса» стала слабеть.

Сильным ударом по международному престижу СССР было разоблачение культа личности И.В. Сталина на XX съезде КПСС. Косвенно, это подтвердило правильность негативных суждений о советском строе. Оно положило начало трениям в международном коммунистическом движении, возникновению напряженности в отношениях между КПСС и Компартией Китая.

Постепенно режим «закрытости» стал уходить в прошлое. Граждане СССР, получая соответствующее разрешение, получили возможность выезжать в зарубежные страны, убеждаясь, что жизнь в них далека от тех образов, которые представляла официальная пропаганда. С ростом уровня жизни в Советском Союзе населению стали доступны радиоприемники с коротковолновым диапазоном способные, несмотря на глушение, принимать передачи зарубежных радиостанций, что создавало известный плюрализм в освещении событий. По возможно завышенной оценке Д. Эбшайра, помощника госсекретаря США в 1970-73 гг. «аудитория» зарубежного вещания в Советском Союзе достигала 35-40 млн. чел.⁷¹ «Закрытость» восточноевропейских стран, союзных СССР, в силу их географической, культурной близости к Западной Европе, завершилась даже раньше. По мнению Д.Эбшайра, зарубежное вещание достигало, по меньшей мере, половины жителей Восточной Европы.⁷² Массированная кампания «контрпропаганды» начатая в СССР при Ю.В. Андропове и частично сдублированная в восточноевропейских союзных ему государствах отдачи не дала.

Сам по себе идеологический плюрализм, многообразии различных суждений об обществе, текущих событиях, доступных широким массам населения, отнюдь не

⁷¹ David M. Abshire. International Broadcasting: a New Dimension of Western Diplomacy. The Washington Papers 35, Beverly Hills/London, 1976, p. 35.

⁷² Ibidem.

являются фактором дестабилизации. Напротив, как показывает опыт демократических стран Запада, они создают «информационный шум», который глушит радикально-экстремистскую пропаганду, фрагментирует общество и препятствует появлению сильной антисистемной оппозиции (если для ее появления нет весомых объективных причин).

Однако для стран так называемого «реального социализма» возрастающая идеологическая «проницаемость» «железных занавесов» стала источником серьезных проблем. Легитимность правления коммунистических и рабочих партий строилась не на волеизъявлении избирателей, завоеванном в ходе соревнования на свободном рынке идей, а на претензиях на обладание абсолютной истиной – как построить совершенное общество, отвечающее вековым мечтам человечества. Утрата веры значительной части населения в обоснованность этой претензии вела к дискредитации правящей партии.

При этом вполне возможно, что при исходно свободной конкуренции на рынке идей, предполагающей сопоставление действительных достижений, так называемый «реальный социализм» не был бы фатально обречен на поражение.

Сторонники либерально-демократической идеологии акцентировали внимание на том, что страны Запада обеспечили человеку значительно более широкий спектр индивидуальных прав и свобод, чем государства «реального социализма» и в то же время, в послевоенные годы, сумели придать рыночной экономике социальную направленность. Итогом стало повышение уровня жизни большинства населения. Создание довольно эффективных механизмов регулирования рыночной экономики обеспечило возможность значительного смягчения негативных последствий циклических кризисов.

В СССР же действительностью стало то, чего не было во многих странах Запада. Это бесплатное и доступное для выходцев почти из всех слоев общества образование (в том числе и высшее); бесплатное, хотя и несколько уступающее по качеству зарубежному платному, медицинское обслуживание (средняя продолжительность жизни в СССР в 1988 г. достигала 70 лет, в то время, как в ведущих странах Запада – 75-76 лет).⁷³ Уровень жизни большинства граждан СССР был ниже, чем «среднего класса» в странах Запада, но в 1970-1980-е гг. в стране практически не существовало нищих, очень бедных и обездоленных, разрыв в уровнях дохода высшего и низшего децилей населения был намного меньшим, чем в США.

Советские идеологи довольно убедительно указывали на то, что успехи в области обеспечения благосостояния могли быть большими, если бы не колоссальные жертвы, потери и разрушения в годы Великой Отечественной войны, необходимость поддерживать высокий уровень военного потенциала. Тем не менее, в условиях «перестройки» с началом периода гласности и демократии, когда цензура была фактически отменена, авторитет официальной, партийной пропаганды КПСС, в том числе связанной с освещением деятельности и намерений лидеров, инициировавших «перестройку», начал стремительно падать.

Можно предположить, что главная причина была в шоковой реакции граждан СССР на разоблачение лживости официальной советской пропаганды, которая десятилетиями замалчивала многие факты Отечественной истории, игнорировала создание социально ориентированной рыночной экономики в странах Запада, решение ими многих противоречий, которые догматы марксистско-ленинской теории представляли в качестве неразрешимых.

---

⁷³ Народное хозяйство СССР в 1988 г. М., 1989, с. 664.

Едва ли есть основания утверждать, что большинство населения СССР перешло на «антисоветские» позиции. Скорее, речь шла о возникновении ситуации идеологической дезориентированности, растерянности, которая была благоприятна для деятельности весьма активного меньшинства ориентировавшегося на западные, либерально-демократические ценности. По оценке директора Центра Ю.Левады Л.Д. Гудкова, в конце 1980-х гг. модель либерально-демократического развития представлялась привлекательной лишь 16-18 % советских граждан, 6-8 % были приверженцами социал-демократической, шведской модели социализма, примерно 40 % верили в возможность перехода к обновленной и очищенной от недостатков версии советской системы.⁷⁴

б). Политические средства дестабилизаций

Оказание поддержки антисистемным политическим силам, действующим на территории стран отнесенных к «недружественным» выступало важнейшим инструментом «холодной войны». Основным критерием выбора союзников выступало совпадение идейно-политических позиций, хотя этот принцип нередко нарушался.

Основным и естественным союзником СССР за пределами границ его системы союзов выступали коммунистические и рабочие партии, которые, как и во времена Коминтерна, получали финансовую поддержку (через закупку по заведомо завышенным ценам части тиражей зарубежных коммунистических изданий, помощь в подготовке кадров, совместные фирмы и т.д.). Как утверждал В. Бакатин, недолгое время после провала заговора ГКЧП возглавлявший КГБ, речь шла о суммах, порядка 22 млн. долл. ежегодно, последний такой взнос был сделан в 1989 г., в 1990 г. сумма была урезана вдвое.⁷⁵

Несмотря на это, Советский Союз столкнулся с определенными проблемами в сфере взаимоотношений с зарубежными коммунистическими и рабочими партиями.

Малочисленные и маловлиятельные в своих странах компартии твердо стояли на позициях отстаивания интересов СССР, но они не имели достаточного влияния, чтобы стать инструментом их «дестабилизации». Компартии, добившиеся существенного влияния (Италия, Франция, позднее Испания) могли его расширить лишь доказав избирателям, что они не являются деструктивной для политических систем своих стран силой. Соблазн оказался достаточно велик, чтобы в 1970-е гг. зародилась концепция «еврокоммунизма», подразумевавшая дистанцирование ряда компартий от КПСС и СССР. Эта концепция предполагала, что «еврокоммунисты» будут следовать национальным традициям своих стран, соблюдая нормы либеральной демократии, идеологического и политического плюрализма. Начавшая полемика КПСС с «отступниками» отнюдь не способствовала укреплению международных позиций СССР.

Значительное внимание Советский Союз уделял многочисленным движениям гражданских инициатив – антивоенным, экологическим, молодежным, женским и т.д. - надеясь выявить в них «антикапиталистический» потенциал. Однако большинство подобных организаций тяготели к позиции «равноудаленности» от СССР и США.

На вопрос о том, поддерживал ли Советский Союз структуры, прибегающие к методам террора для дестабилизации положения в своих странах, ответ будет положительным. Оказывалась помощь коммунистическим и рабочим партиям,

---

⁷⁴ Социокультурные особенности российской модернизации. Материалы круглого стола, проведенного Институтом современного развития совместно с московским офисом Института Кеннана на тему «Социокультурные особенности российской модернизации. Сбылись ли прогнозы Дж.Ф.Кеннана? М., Экон-Информ, 2009, с. 20.

⁷⁵ В. Бакатин. Избавление от КГБ. М., «Новости», 1992, с. 64.

легальная деятельность которых была запрещена и, действуя в подполье, они использовали соответствующие средства борьбы. В то же время руководство СССР стремилось избегать прямых связей с некоммунистическими организациями, рассматриваемыми в странах Запада в качестве террористических.⁷⁶

Исключение, судя по имеющимся документам, делалось для структур, которые рассматривались как национально-освободительные движения, вели борьбу (в том числе и методами террора) против колониальных властей, прозападных правительств в странах «третьего мира», режима апартеида в ЮАР, израильской оккупации палестинских территорий.⁷⁷ Как, например, отмечалось в широко разрекламированной в странах Запада в начале 1990-х гг. совместной работе известного специалиста по секретным операциям К. Эндрю и перебежчика из СССР О.Гордиевского: «Не КГБ породило ближневосточный терроризм, но оно не стояло от него в стороне». Как отмечали авторы, в СССР прошли обучение сотни активистов Организации освобождения Палестины (ООП), возглавлявшейся Я. Арафатом, о причастности которых к террористической деятельности в Москве не могли не знать.⁷⁸

Судя по имеющимся данным, с ведома советского руководства, значительная часть работы по поддержке радикальных сил в странах Азии, Африки, Латинской Америки и даже Западной Европы, выполнялась спецслужбами восточноевропейских стран, особенно ГДР. Как стало известно, «...В 1975 году военные консультанты из ГДР и сотрудники "Штази" работали в Южном Вьетнаме, участвовали в разработке и подготовке операции по захвату Сайгона. Путчу 1964 года на Занзибаре предшествовало посещение острова сотрудниками "Штази", одним из которых, говорят, был легендарный Маркус Вольф, шеф разведки "Штази". Палестина, Судан, Южный Йемен, Мозамбик, Ангола, Эфиопия, Родезия, Зимбабве, ЮАР, Намибия – во всех этих горячих точках идеи марксизма-ленинизма внедрялись при поддержке "Штази"... Именно инструкторы из ГДР обучали арабских террористов и членов "Rote Armee Fraktion" - RAF, лево-экстремистской подпольной организации, державшей в семидесятые годы в страхе Западную Германию».⁷⁹

Весьма сомнительно, что поддержка леворадикальных, коммунистических группировок в странах Азии и Африки была тем фактором, который позволил СССР в 1950-1970-е гг. значительно расширить свою систему союзов. В большинстве стран, с которыми Советский Союз развивал отношения дружбы и сотрудничества (Египет, Сирия, Ирак, Ливия, Сомали, Ангола, Эфиопия, Южный Йемен, Ангола, Мозамбик и др.) тогда к власти пришли национально-патриотические силы. В основном, их возглавляли не коммунисты, а выходцы из военной среды, неудовлетворенные зависимостью своих стран от государств Запада, ориентирующиеся на цели модернизации. Рассчитывая на получение помощи от СССР они, порой использовали коммунистическую риторику, соглашались с «социалистической ориентацией» развития. При этом в Советском Союзе закрывали глаза на то, что во многих странах якобы «социалистической» ориентации

---

⁷⁶ Например, в 1989 г. просьба Рабочей партии Ирландии, участвующей в террористических действиях против Великобритании об организации подготовки для нее кадров была отклонена. См. <http://psi.ece.jhu.edu/~kaplan/IRUSS/BUK/GBARC/pdfs/terr-wd/ira89-2.pdf>. Правда, не исключено, что ранее, до времени утверждения «нового политического мышления» подобные просьбы удовлетворялись.

⁷⁷ См. <http://mendkovich.livejournal.com/474335.html>

⁷⁸ С. Andrew, O. Gordiewsky. KGB. The Inside Story. On its Foreign Operations from Lenin to Gorbachev. New York, 1991, p. 546.

⁷⁹ См. «Штази» и самый страшный этап в истории ГДР. <http://www.dw-world.de/dw/article/0,,870757,00.html>

деятельность компартий была запрещена или ограничена. Главным критерием определения «друзей» для СССР в условиях холодной войны была антиамериканская, антизападная направленность их внешней политики. Не учитывалось, что она может быстро меняться.

В итоге, единственными последовательными и принципиальными союзниками СССР стали Монголия, Куба и Вьетнам, на деле предпринявшие попытку построить социализм с использованием советского опыта. Большинство национально-патриотических режимов, исходя из прагматических соображений или после смены лидера (нередко насильственной) со временем начали дистанцироваться от СССР. Наиболее резким был разрыв с Египтом, который в 1972 г. выслал из страны советских военных советников, а затем, приняв посредничество США, пошел на нормализацию отношений с Израилем.

Причины охлаждения отношений СССР с дружественными ему режимами в развивающихся странах были довольно многообразны. В какой-то мере сказалась ограниченность его возможностей – удовлетворять растущие запросы на экономическую помощь. Для части обогатившейся элиты и чиновничества обременительными стали рассуждения о «социалистической» ориентации. Негативную роль сыграла политика СССР в Афганистане. Ввод войск в нейтральную, неприсоединившуюся страну, к тому же сопровождавшийся свержением правительства Амина, просившего о военной помощи, вызвал возмущение во многих странах Азии и Африки. Наконец, сказалась и американская политика «дестабилизации» близких к СССР режимов.

Политика США, в годы холодной войны, была подчинена логике противостояния с СССР, что также порождало «двойные стандарты», расхождение реально проводимого курса с его идеологическим обоснованием.

На словах страны Запада отстаивали идеалы либеральной демократии, осуждали режимы, нарушавшие или ограничивавшие гражданские права и свободы. Применительно к СССР, другим странам Варшавского договора слова соответствовали делам.

Массовые политические партии, разделяющие ценности либеральной демократии здесь, вплоть до апогея перестройки в Советском Союзе, не могли возникнуть, деятельность оппозиции правящим партиям незамедлительно пресекалась. Однако немногочисленные группы правозащитников (их деятельность активизировалась с подписанием СССР и его союзниками Хельсинских соглашений и принятия ими обязательств соблюдать права человека) пользовались значительной зарубежной поддержкой. Да и сами правозащитники прекрасно понимали, что их разоблачения ситуаций, связанных с преследованием людей за убеждения, а не за действия, злоупотреблениями властью партийной бюрократией, пренебрежения ею интересами рядовых граждан бесполезно адресовать руководству правящих компартий. Они исходно апеллировали к общественному мнению и лидерам стран Запада, надеясь на то, что руководители СССР пойдут на уступки внешнему давлению, не захотят, чтобы у стран «реального социализма» сформировался имидж тоталитарных, репрессивных государств.

Эти апелляции встречали отклик. Деятельность правозащитников широко освещалась зарубежными СМИ, в том числе и ведущими вещание на страны Варшавского договора. Тема прав человека неизменно поднималась на всех встречах на высшем уровне. В случае вынужденной эмиграции, активисты правозащитного движения из СССР и стран Восточной Европы могли рассчитывать на вполне приличные условия жизни и работы.

Здесь уместно напомнить о различиях между «агентами» и «агентами влияния». Правозащитники в Советском Союзе, бесспорно, не были платными агентами государств НАТО. Более того, правозащитное движение играло определенную позитивную роль. Оно, в какой-то мере, будоражило страну, противостояло бюрократическому аппарату власти, заводящему ее в тупик. Показательно также, что многие «диссиденты», такие как А.Солженицын, А. Зиновьев, Э. Лимонов и другие, получив возможность относительно свободно высказывать свои взгляды, отнюдь не стали выступать с «прозападных» позиций. Основатель и редактор диссидентского журнала «Континент», издававшегося в Париже, В. Максимов писал в одной из последних своих работ: "Вы можете прочесть все мои труды, перелистать все изданные мной журналы и убедитесь, что я никогда не выступал против России. Я выступал против идеологии. Я считал, что это - единственный груз, который мешает России развиваться, становиться более великой, могущественной страной. Это была моя большая трагическая ошибка. И о ней на старости лет я весьма сожалею. И все же я думаю, что если бы нам шаг навстречу был бы сделан вовремя, обошлось бы без таких потерь".⁸⁰

Руководство КПСС считало, что в Советском Союзе нет почвы для возникновения оппозиции. Соответственно люди, выступающие с критикой власти или отдельных ее представителей, стремящиеся критически оценить положение дел в обществе, в лучшем случае рассматривались как «политические неустойчивые», попавшие под враждебное идеологическое влияние. В худшем – как агенты зарубежных спецслужб или психически ненормальные, подлежащие принудительному лечению. «Инструкция о неотложной госпитализации психически больных, представляющих общественную опасность» была принята еще в 1961 г. В 1967 г. было создано отдельное, пятое Управление КГБ по организации контрразведывательной работы по борьбе с идеологическими диверсиями противника. Судя по ежегодным отчетам Управления перед ЦК КПСС, масштабы диссидентской деятельности были довольно значительны. В 1970-е гг. ежегодно проводились «профилактические беседы» с 15-20 тыс. человек, совершивших «политически вредные поступки». Иначе говоря, людей вызывали в КГБ и предупреждали о неизбежности применения против них карательных мер, если они не изменят характер своего поведения. Этот метод, введенный по инициативе Ю.В. Андропова, был довольно эффективен и позволял сократить число арестов и судебных преследований. Так, по статистике КГБ, из 63108 человек, подвергнутых превентивным мерам в 1971-1974 гг., лишь 50 впоследствии создали проблемы для органов госбезопасности.⁸¹

Каждый год пресекалась деятельность десятков «националистических и антиобщественных» групп, изымались десятки тысяч листовок и самиздатовских работ, выявлялись их авторы. Осуществлялся и социологический анализ диссидентства, который, в частности показывал, что оппозиционные настроения затрагивают все слои общества. Например, в 1975 г. среди выявленных «авторов» (числом 1277) 26,3 % были рабочие, 19,3 % - служащие и ИТР, 2,6 % - колхозники, 4,9 % - студенты, 15,4% - пенсионеры, 17,1 % - учащиеся техникумов, школ и ПТУ, 12,8 % - лица без определенных занятий, ранее осужденные. Небезынтересно отметить, что почти треть «выявленных» несогласных были членами КПСС и кандидатами в члены КПСС. Изучались и мотивы оппозиционных настроений и

---

⁸⁰ В. Максимов. Пока вы красите церкви, они красят авианосцы... Российская газета, N 3936, 28 ноября 2005 г.

⁸¹ А. Север, А. Колпакиди. КГБ. Академия спецслужб. М., ЭКСМО, 2010, с. 472.

показательно, что лишь 8,5 % признали, что находились под влиянием передач зарубежного радиовещания.⁸²

Неудивительно, что в условиях холодной войны любые критики существующего режима рассматривались властными структурами как «агенты влияния» зарубежных спецслужб. При этом утрачивалась возможность диалога с критически мыслящими людьми, своевременное выявление реально существующих в обществе проблем. Фактически, руководители КПСС повторили ошибку охранительной политики самодержавия, подготовили крушение СССР.

Репрессии в отношении инакомыслящих, правозащитного движения, позволяли странам Запада обеспечивать реализацию двух целей, оборонительной и наступательной.

С одной стороны дискредитировали СССР и идею «реального социализма» в своих метрополиях. Показательно, что те компартии, которые приняли концепцию «еврокоммунизма» также критиковали СССР и союзные ему страны за репрессивную внутреннюю политику.

С другой стороны существовали надежды, что со временем диссидентские движения смогут стать серьезным фактором политической жизни своих стран. Это произошло в Венгрии в 1956 г., когда разоблачение сталинизма вылились в антикоммунистическую революцию; в Чехословакии в 1968 г., когда правящая компартия попыталась осуществить идею «социализма с человеческим лицом»; в Польше в 1980-1981 гг., когда возникло массовое движение «Солидарность», отрицавшее право коммунистов править от имени рабочего класса.

В этих ситуациях, по линии спецслужб, частных фондов, профсоюзов, общественных организаций стран Запада силам, оппозиционным коммунистам, начинала оказываться весьма существенная поддержка. Точные суммы и масштабы ее пока неизвестны. Например, «Солидарности» оказывалась финансовая помощь, контролируемые ею СМИ получали технику, необходимую для увеличения тиражей, предоставлялась гуманитарная помощь (продукты питания, одежда, обувь и т.д.), которая распределялась среди населения от имени мятежного профсоюза.⁸³

Однако и здесь проявились «двойные стандарты». Так, на словах симпатизируя идее «социализма с человеческим лицом», когда она была выдвинута в Чехословакии, правящие круги США крайне негативно воспринимали фактически принявшую ее Компартию Италии. В публикациях весьма влиятельного Совета по международным отношениям – организации, объединяющей политическую, академическую, деловую и военную элиту Соединенных Штатов, прямо и недвусмысленно ставился вопрос о том, что приход к власти коммунистов, даже принявших отдельные либерально-демократические ценности, в стране НАТО неприемлем.⁸⁴

Если рассматривать политику США под углом зрения приоритетности для Вашингтона интересов ведения холодной войны, то никакого противоречия не возникает. Переход любой страны Варшавского договора от жесткого авторитарного режима советского типа к либерально-демократической модели, пусть и опирающейся на социалистические ценности, был бы выигрышем для НАТО, обещающим отход соответствующего государства от односторонней ориентации на политику Москвы. Напротив, транзит от либеральной демократии к социализму «с

---

⁸² Там же, с. 485-487.

⁸³ Я. Стенковский. Солидарность с «Солидарностью». Новая Польша, № 7-8, 2007.

<http://www.nowpol.ru/index.php?id=830>

⁸⁴ См. Eurocommunism and Détente. A Council of Foreign Relations Book. Ed. R.L. Tokes. NY, 1978.

человеческим лицом» в Италии, стране НАТО, обещающий «потепление» ее отношений с СССР, стал бы поражением США.

Аналогичный прагматический подход преобладал в Вашингтоне и в иных ситуациях. На словах декларируя приверженность демократическим ценностям, США открыто поддерживали диктаторские режимы, при условии их враждебности коммунизму (Южная Корея, Южный Вьетнам, Индонезия и др.). Более того, они инициировали свержение правительств, пришедших к власти демократическим путем, если их политика начинала идти вразрез с интересами Соединенных Штатов, что и произошло в Чили в 1973 г.

Готовность видеть союзников в любой политической силе, негативно относящейся к СССР, впоследствии стала источником серьезных проблем для самих США. Так, поддерживая и вооружая исламских радикалов, развернувших вооруженную борьбу против советских войск, вступивших в Афганистан в 1978 г., Вашингтон не учитывал, что фундаменталисты относятся к странам Запада не менее враждебно, чем к СССР. Уже в 1988 г., когда стало ясно, что советские войска готовы уйти из Афганистана, был создан «Международный исламский фронт джихада против иудеев и крестоносцев», военным крылом которого стала «Аль-Каида» руководимая Усамой Бен Ладаном.⁸⁵ Основной мишенью «фронта» стали США и Израиль.

в). Экономическое оружие дестабилизаций

В условиях углубления международного разделения труда, роста международной торговли, объем который после второй мировой войны увеличивался более высокими темпами, чем производство, становления интеграционных процессов, «экономическое оружие» дестабилизаций, хотя оно и не привлекало к себе столь пристального внимания, как пропагандистские кампании и политические убийства, стало играть важнейшую роль.

Такой инструмент провоцирования трудностей в странах, где к власти пришли нежелательные западным «центрам силы» режимы как экономическая блокада, был известен достаточно давно. Абсолютным оружием в годы «холодной войны» она не стала. Так, введение в 1949 г. ограничений на торговлю с СССР и союзными ему странами, создание, под эгидой США КОКОМ (Координационного комитета по экспортному контролю) нанесло определенный ущерб, хотя оценить его размеры трудно. СССР обладал достаточным научно-техническим, разведывательным и экономическим потенциалом, чтобы достичь в конце 1960-х – начале 1970-х гг. паритета со странами НАТО в военной мощи.

Но не исключено, что именно «отсечение» стран Варшавского договора от мирового рынка, от быстро развивающихся в странах Запада «высоких» технологий стало не последней причиной возникновения «механизма торможения», приведшему к крушению СССР и его систему союзов.

Введение США запретов на торговлю с Кубой, Северным Вьетнамом несмотря на высокую степень зависимости этих стран от внешней торговли, не привели к падению или изменению политики «дестабилизируемых» режимов. Советский Союз смог прийти на помощь Кубе, став покупателем основной ее экспортной продукции – сахарного тростника, поставляя ей все необходимое для более или менее стабильного развития. Советские корабли прорывали блокаду портов Северного Вьетнама, ВМС США не решались их топить, что использовалось вьетнамцами для своих целей. По докладу министра морского флота СССР В. Бакаева, «вьетнамские морские власти искусственно задерживали выгрузку советских судов, считая, что

---

⁸⁵ Подробнее см. Загладин Н.В., Путилин Б.Г. Международный терроризм: истоки, проблемы, противодействия. М., 2006.

чем больше советские суда будут находиться в Хайфоне, тем дольше сохранится относительная безопасность в порту. Более того, транспорты ставились у зенитных береговых батарей, имея в виду, что американцы воздержатся от их бомбежки, так как на них находятся русские. Особое беспокойство у министра вызывало то, что во время американских налетов к советским кораблям подходили вьетнамские катера и из-под их бортов открывали огонь по самолетам противника, вызывая тем самым огонь с американских самолетов по советским судам».⁸⁶

Тем не менее, ресурсы и возможности Советского Союза имели свои пределы, и противостоять всем попыткам экономической дестабилизации, предпринимаемым США и их союзниками, он объективно не имел возможности. Подорвать экономику крупной страны, имеющей развитую систему международных связей, было бы довольно затруднительно, но борьба в годы холодной войны велась, в основном, вокруг стран «третьего мира», глубоко интегрированных в мировую рыночную экономику.

Классическая модель их экономической дестабилизации включала такие акции, как:

- спекуляции на мировом валютном рынке, сбивающие курс национальной валюты, что вело к росту цен на основные потребительские товары;
- искусственное понижение цен на традиционные предметы экспорта, что сокращает валютные поступления, приводит к дефициту торгового баланса;
- взвинчивание цен на традиционные продукты импорта, особенно товары первой необходимости, что порождает их нехватку и ускоряет инфляцию;
- транснациональные корпорации и банки (ТНК и ТНБ), связанные с ними местные предприниматели организуют «бегство» капиталов из страны, что ведет к спаду деловой активности, сокращает внутренние источники экономического роста;
- ТНК и ТНБ сворачивают производство на своих филиалах внутри страны, что вызывает рост безработицы и социальной напряженности;
- Международный валютный фонд (МВФ) и консорциумы транснациональных банков отказываются выделять кредиты, или выставляют такие условия их предоставления (ликвидация дефицита госбюджета за счет сокращения государственных расходов на социальные нужды), которые заведомо вызовут социальные протесты.

Вопрос о том, насколько были эффективны меры экономических дестабилизаций в прошлом, носит дискуссионный характер. Например, как доказывается в докторской диссертации К.А. Белоусовой, «нефтяное эмбарго», введенное арабскими странами в 1973 г. против США и их союзников в ответ на поддержку ими Израиля в очередной его войне с исламскими государствами, не оказало особого воздействия. Напротив, оно способствовало внедрению давно разработанных энерго- и ресурсосберегающих технологий, которые не использовались в условиях низких мировых цен на нефть.⁸⁷

Вместе с тем, американский публицист П. Швейцер, приводя довольно обширную доказательную базу, приводит аргументы в пользу того, что крушению СССР и его системы союзов во многом способствовал сговор между правящими кругами США и Саудовской Аравии. Они, якобы, согласовали резкое снижение цен

---

⁸⁶ Россия (СССР) в локальных войнах и вооруженных конфликтах второй половины XX века. М., 2000, с. 82.

⁸⁷ К.А. Белоусова. Политика США на Ближнем Востоке в 1945-1975 гг. Диссертация на соискание ученой степени доктора исторических наук. МПГУ, М., 2010.

на нефть, которая еще в 1970-е гг. стала основным источником валютных поступлений в СССР.⁸⁸

Рассматривая опыт применения методов экономической дестабилизации в годы холодной войны важно учитывать, что они применялись в сочетании со всем арсеналом иных средств (идеологических, политических, подрывных и т.д.), что повышало их эффективность. Наиболее изученным, благодаря расследованию деятельности спецслужб США после Уотергейтского скандала, можно сказать классическим вариантом дестабилизации стала подготовка переворота в Чили. Она началась в 1970 г. с приходом к власти неугодного США президента С.Альенде и завершилась с осуществлением военного переворота в 1973 г.

Комплекс подготовительных мер включал следующее.

Во-первых – упрочение связей с верхушкой вооруженных сил, и так довольно тесное (большинство командного состава стран Латинской Америки проходило военную подготовку в США). В 1970 г. был убит командующий вооруженных сил Чили генерал Р.Шнайдер, известный как приверженец конституционного строя. Вдвое увеличилось количество военнслужащих Чили, проходящих обучение и стажировку в Соединенных Штатах. Размер военной помощи был увеличен с 7 млн. долл. в год до 70 млн., ВВС Чили получили новейшие истребители-бомбардировщики «Тайгер» с телеуправляемыми ракетами, ранее латиноамериканским странам не поставлявшиеся. Впоследствии они были использованы для штурма президентского дворца в Сантьяго.

Во-вторых, на поддержку политических сил, враждебных Альенде, были выделены значительные суммы. Непосредственно после победы Альенде оппозиционные ему СМИ и консервативные партии по линии ЦРУ получили 5 млн. долл., на муниципальные выборы 1973 г. пошло еще 1,5 млн. долл. Кроме того, оппозицию щедро финансировали американские ТНК, такие как International Telephone and Telegraph (ИТТ).

В-третьих, большое внимание уделялось экономической дестабилизации. Усилиями США были сбиты мировые цены на медь, являющуюся основным экспортным товаром Чили, что привело к бюджетному дефициту. Контролируемые зарубежными корпорациями предприятия закрывались, что вело к быстрому росту безработицы. Крупные (не менее 1 млн. долл.) средства предоставлялись чилийским профсоюзам (в частности, водителей грузовиков), начавшим в 1973 г. забастовки, в ходе которых выдвигались заведомо невыполнимые требования. В итоге, в городах начались перебои с поставками товаров первой необходимости.

В-четвертых, постоянно предпринимались усилия по созданию в стране атмосферы напряженности. Активизировались различные левацкие, экстремистские организации, действующие в духе учения Че Геварры (не исключено, что также при поддержке ЦРУ), стремящиеся актами насилия инициировать в Чили «подлинную» революцию. Это дискредитировало власть С. Альенде и левых партий. Армия и полиция получали предлог проводить погромы в рабочих кварталах. Отдельные воинские части периодически проявляли неповиновение, что также служило подготовке мятежа.⁸⁹

---

⁸⁸ П. Швейцер. Победа. Роль тайной стратегии администрации США в распаде Советского Союза и социалистического лагеря. Минск, 1995.

⁸⁹ Материалы слушаний в конгрессе США были частично опубликованы в СССР. См. «Заговоры ЦРУ», М., 1979. О подготовке переворота в Чили см. также Королев Ю.Н. Чили: революция и контрреволюция. М., 1976: Кудачкин М., Борисов А., Ткаченко В. Чилийская революция. Опыт и значение. М., 1977.

Фактически, к моменту переворота экономика Чили была дезорганизована, уровень жизни катастрофически падал, ощущалась нехватка товаров первой необходимости, действия сельских и городских партизан нервировали население. Мощная пропагандистская кампания представляла все происходящее итогом политики «левого», «прокоммунистического» режима С. Альенде. В итоге, его свержение стало представляться многим чилийцам единственно возможным выходом, необходимым для спасения страны.

Разумеется, в каждом отдельном случае методы дестабилизации выбирались в соответствии с положением в стране, ставшей объектом вмешательства, оно тщательно изучалось. Осуществлялась четкая координация действий спецслужб США (прежде всего – ЦРУ), военных ведомств, американских ТНК, профсоюзов (АФТ/КПП) и СМИ.

Возможности противодействия дестабилизациям со стороны СССР оказались ограниченными. Там, где это было возможно, он использовал тот «козырь» которым располагал – военную мощь. В итоге, чем дальше, тем больше Советский Союз втягивался в косвенные противостояния с США и их союзниками. В 1970-е гг. их ареной стали не только Юго-Восточная Азия и Афганистан, но и Африканский континент (Ангола, Мозамбик, Эфиопия, Ливия), Центральная Америка (Никарагуа).⁹⁰

Вне зависимости от исхода каждого из этих конфликтов, общий результат был один: Советский Союз тратил все больше ресурсов на военные операции на территориях, не имеющие для него жизненно важного стратегического значения, отвлекая их от насущных нужд развития собственного общества. Здесь тоже сказались действия механизма «застоя». Не умеющие последовательно мыслить категориями национально-государственных интересов, стареющие лидеры страны считали своим долгом откликаться на большинство просьб зарубежных «друзей», не задумываясь о возможных негативных последствиях. Фактически, руководители СССР помогали своим противникам по «холодной войне» формировать образ «империи зла», стремящейся к мировому господству, пренебрегающей нуждами и потребности населения собственной страны.

Вопрос об ограниченности ресурсов СССР, судя по имеющимся документам, начал ставиться после ввода советских войск в Афганистан. Так на заседании Политбюро ЦК КПСС 10 декабря 1981 г. рассматривался вопрос об оказании помощи Польше, столкнувшейся с кризисом, вызванном подъемом движения «Солидарность». Большинство участников заседания высказались против как ввода войск в Польшу, так и против предоставления ей дополнительной экономической помощи, о чем просил В. Ярузельский. Наиболее резкую позицию занял Ю.В. Андропов. Он заявил: «...Постановка вопроса о выделении товаров в качестве экономической помощи носит нахальный характер, и все это делается для того, чтобы, если потом мы что-то не поставим, им можно было бы всю вину свалить на нас... Мы не можем рисковать. Мы не намерены вводить войска в Польшу. Это правильная позиция, и нам нужно ее сохранять до конца. Я не знаю, как будет обстоять дело с Польшей, но если даже Польша будет под властью «Солидарности», то это будет одно. А если на Советский Союз обрушатся капиталистические страны, а у них уже есть соответствующая договоренность с различного рода экономическими и политическими санкциями, то для нас это будет

---

⁹⁰ Подробнее см. Россия (СССР) в локальных войнах и вооруженных конфликтах второй половины XX века. М., 2000, Приложение 2.

очень тяжело. Мы должны проявлять заботу о нашей стране, об укреплении Советского Союза. Это наша главная линия...».⁹¹

К сожалению, чтобы занять столь взвешенную позицию, советским лидерам пришлось столкнуться с негативными последствиями появления «ограниченного контингента» в Афганистане. Трудно сказать, какими путями пошло бы мировое развитие, прояви они такое здравомыслие раньше, хотя бы в 1970-е годы.

§ 8. Уроки распада СССР

Причины распада СССР и его системы союзов, что оказалось совершенно неожиданным для большинства профессиональных экспертов стран Запада, до сих пор вызывают массу споров и дискуссий. Довольно широкое распространение получила точка зрения, легко воспринимаемая общественностью, мало информированной относительно реального положения дел в СССР 1980-х – начала 1990-х гг., состоит в том, что все произошедшее является итогом стратегии «дестабилизации» извне, предательства, в котором обвиняли М.С. Горбачева и его окружение.

Однако считать, что при очень жесткой системе отбора кадров, которая существовала в советские времена, к власти могли прийти агенты зарубежных спецслужб крайне наивно. Еще более несерьезно полагать, что руководители высшего звена, члены Политбюро и ЦК КПСС, стали работать на зарубежные спецслужбы.⁹² Все было намного сложнее.

Еще Ю.В. Андропов став Генеральным секретарем ЦК КПСС совершенно справедливо констатировал, что «мы не знаем общества, в котором живем». Однако ни при его кратковременном правлении, ни в последующие годы существования советской власти, ни у кого не хватило смелости отвергнуть догмы, родившиеся на базе механистического понимания формационной теории К. Маркса и Ф. Энгельса. Все учебники декларировали, что страны так называемого «реального социализма» принадлежат к новой более высокой, чем капитализм, коммунистической формации (пусть и не выявившей все свои черты). Согласно теории, каждая новая формация обладает качественными преимуществами над своими предшественницами, выходит на недостижимый для них уровень развития производительных сил, науки и техники, в том числе и военной. Иначе говоря, согласно логике марксизма для победы над «капитализмом» Советскому Союзу надо было просто развиваться и при условии, что его лидеры не наделают грубых ошибок, непреложные законы истории обеспечат ему торжество над якобы «загнивающими» буржуазно-демократическими государствами.

Бесспорно в период осуществления индустриализации, в годы Великой Отечественной войны, послевоенного восстановления экономики, борьбы за «паритет» в военной мощи со странами НАТО, созданная в СССР система централизованного планирования и распределения ресурсов, продемонстрировала довольно высокую эффективность. Это укрепляло уверенность советских лидеров в правильности их идеологических установок. Между тем уже начиная с середины 1960-х гг. появились симптомы того, что на качественно новый уровень развития производительных сил, изменения социальной структуры общества выходят якобы «загнивающие» страны с рыночной экономикой. Автоматизация и роботизация

---

⁹¹ «К вопросу о положении в Польше». Из протокола заседания Политбюро 10 декабря 1981 г. Россия, которую мы не знали. 1939-1993. Хрестоматия. Челябинск, Южно-уральское книжное издательство, 1995, с. 255.

⁹² По утверждению Ю.И. Дроздова, ветерана СВР, «некоторые люди в высших эшелонах власти» не заслуживали доверия». Однако он не называет ни фамилий, ни должностного статуса этих людей, едва ли они принадлежали к числу лиц, принимающих окончательные решения.

<http://www.politonline.ru/ventilyator/4977.html>

производства, развитие информационных технологий, новые приемы земледелия привели к сокращению занятости в промышленности и сельском хозяйстве, возвышению относительно благополучного «среднего класса», росту занятости в сферах образования, здравоохранения, науки.

Попытки проведения частичных, ограниченных реформ по инициативе Н.С. Хрущева, затем А.Н. Косыгина успеха не принесли и не могли принести. Их осуществлению мешали идеологические догматы и стереотипы. Советские лидеры не могли признать, что никакой новой, пост – капиталистической формации в СССР создать не удалось.

То, что сложилось в современных терминах можно определить как милитаризованную и в какой-то мере социально ориентированную государственно-монополистическую систему, управляемую привилегированной бюрократией. Если применять исторические аналогии, ближе всего это стояло к восточной деспотии.

Более или менее эффективно эта система работала в условиях, когда правящий слой постоянно пополнялся «свежей кровью» и одновременно «пропалывался» беспощадной верховной властью, рассматривавшей любые проявления некомпетентности, непрофессионализма, неэффективности, коррумпированности как злонамеренную диверсию. С осуждением массовых «чисток» и репрессий XX съездом КПСС системе не давали загнивать постоянные и не всегда удачные хозяйственные эксперименты Н.С. Хрущева, проводимые им «перетряски» кадров. С приходом к власти Л.И. Брежнева правящая бюрократия, наконец, получила лидера, гарантировавшего ей стабильность, несменяемость и почти полную бесконтрольность власти на местах и в ведомствах. Рост националистических настроений на местах, расползание коррупции и злоупотреблений властью замалчивался местными и ведомственными партийными бонзами, действующими по принципу «сор из избы не выносить». В итоге центр власти не знал – и не хотел знать – реального положения в стране.

С приходом к власти Ю.В. Андропова, который лучше других понимал, что в стране сложилась предкризисная ситуация, были предприняты попытки ее изменить. Последовали такие меры, как отстранение от власти и привлечение к ответственности ряда руководителей ведомств, союзных республик, повышение уровня трудовой и исполнительской дисциплины. Однако время, отведенное бывшему руководителю КГБ, было недостаточным, чтобы разгрести авгиевы конюшни советской бюрократии. Состояние народного хозяйства СССР вообще не подверглось в то время серьезному анализу.

Главная проблема состояла в том, что с развитием экономики, усложнением структуры связей в народнохозяйственном комплексе, централизованное планирование стало утрачивать эффективность. Постоянно возникавшие «узкие места», сбои поставок комплектующих и оборудования, заставляли руководителей предприятий прибегать к титаническим усилиям, чтобы обеспечить выполнение спущенных им сверху плановых заданий. Именно в экономике возник «механизм торможения», преодолеть который в период существования СССР так и не удалось.

Во-первых, директора заводов занижали производственные возможности свои предприятий, завышали потребности в энергии и ресурсах на выпуск единицы продукции с тем, чтобы легче (и даже с небольшим перевыполнением) выполнять плановые задания, получая дополнительные фонды.

Во-вторых, они были не заинтересованы во внедрении новой, более производительной техники, поскольку ее ввод в эксплуатацию привел бы к

повышению уровня плановых заданий. В итоге новое оборудование, закупленное в странах Запада, не вводилось в строй, списывалось, выводилось из строя.⁹³

В-третьих, они создавали сверхнормативные нигде не учтенные запасы дефицитной продукции (промышленной и потребительской) которые можно было предложить срывающим поставки смежникам в обмен на их товары. Фактически, в стране – еще со времен первых пятилеток - действовал никем не регулируемый и не учитываемый рынок в основном безличного, натурального обмена «излишками» дефицита. Без этого «дополнения» к плановой системе она уже давно привела бы к полной остановке многих производств.

Существующие в СССР законы определяли подобную хозяйственную деятельность как криминальную, однако руководители ведомств, понимая ее неизбежность, предпочитали закрывать на нее глаза, в том числе и в тех ситуациях, когда часть «сверхнормативных» фондов использовалась для личного обогащения отдельных чиновников.

Возможности экстенсивного развития экономики за счет создания новых предприятий к середине 1980-х гг. были исчерпаны. Для этого уже не хватало ресурсов рабочей силы кроме того при низкой рентабельности производства на поддержание каждого нового предприятия практически требовалось столько же (если не больше) затрат, чем оно было способно дать продукции.

Однако среди высших руководителей СССР второй половины 1980-х гг., в силу особенностей их менталитета, не было и не могло быть людей, которые бы решились открыто признать, что никакой новой, посткапиталистической формации в стране создано не было и надежды на проявление каких-то «чудес» демонстрирующих преимущество советского строя иллюзорны.⁹⁴

Как утверждал в 1999 г. академик, в прошлом член Политбюро ЦК КПСС отвечавший за идеологию А.Н. Яковлев, он «давным-давно, более 40 лет назад... понял, что марксизм-ленинизм – это не наука, а публицистика – людоедская и самоедская...», стал «убежденным антикоммунистом». По его словам, после XX съезда КПСС у него сложился круг ближайших друзей и единомышленников, разработавших план демократизации страны и общества. Он подразумевал возможность «авторитетом Ленина ударить по Сталину, по сталинизму. А затем, в случае успеха, Плехановым и социал-демократией бить по Ленину, либерализмом и «нравственным социализмом» - по революционаризму вообще».⁹⁵

Иначе говоря, вопрос ставился о возможности «группы единомышленников», людей, занимающих определенные властные позиции в партийной номенклатуре, постепенно ослабить влияние господствующей идеологии, заменить ее идеями, допускающими продвижение страны к демократии и «открытому обществу». При

---

⁹³ Как, например вспоминает генерал-майор внешней разведки КГБ В.Никольский: «В 1962 году для Братского промышленного комплекса у шведов был заказан целлюлозный комбинат... Через год, зимой, один из инженеров нашего торгпредства в Стокгольме, посетив во время отпуска Братский комплекс решил полюбоваться и на «свой» комбинат. С болью в сердце он обнаружил, что импортное оборудование из-за срочной поставки которого шведами мы потеряли немалую сумму в валюте, валяется в беспорядке под снегом. Торгпред по докладной написал жалобу в Москву и прослыл... «склочником»...». См. В. Никольский. «Аквариум-2». ТОО «Гея», Москва, 1997, с. 244.

⁹⁴ Следует констатировать, что неудача попыток советских лидеров «построить» новую формацию в одной, отдельно взятой стране что, кстати сказать, противоречило основополагающим идеям К.Маркса и Ф. Энгельса, считавшим, что она должна появиться в передовых странах и носить глобальный характер, в общем-то, опровергает не их теорию формационного развития, а ее догматически-доктринерские истолкования и основанную на них практику.

⁹⁵ А.Н. Яковлев. Большевик – социальная болезнь XX века. В кн. С. Куртуа, Н.Верд, Ж-Лю Панне, А. Пачковский, К. Бартошек, Ж-Л. Марголен. Черная книга коммунизма. Преступления, террор, репрессии. М., «Три века истории», 1999, с. 13-14.

этом реформаторы вынуждены были скрывать свои подлинные цели. «...Лобовой, таранный реформизм был бы немедленно остракизирован, изничтожен, изолированным в тюрьмах и лагерях», - писал Яковлев. По его мнению, «Советский тоталитарный режим можно было разрушить только через гласность и тоталитарную дисциплину партии, прикрываясь при этом интересами совершенствования социализма».⁹⁶

Иначе говоря, для идеологической трансформации общества в демократическом направлении предполагалось использовать тоталитарные методы, представляя новые, в том числе и «промежуточные» истины в качестве единственно правильной позиции. Но этим можно было добиться только идеологической дезориентации общества, а не его адаптации к объективно сложившимся реальностям, готовности принять назревшие перемены.

Во-первых, на повестке дня стоял отказ от жесткого централизованного планирования экономики, внедрения гармоничного сочетания плана и рынка (возможно, в каких-то деталях близкого к современной китайской модели), а также решения проблемы дефицита многих видов продукции за счет «встраивания» в мировой рынок.

Во-вторых, требовалось признание того, что СССР, не обладая достаточным потенциалом, вовлечен в конфронтацию со странами, которые превосходят его по многим показателям технологического и экономического развития. Соответственно необходимо было искать выход из ситуации холодной войны, перехода к политике, позволяющей защищать в первую очередь национально-государственные интересы СССР, а такой термин как «социалистический интернационализм» предать забвению.

На первый взгляд, именно эти цели и преследовала политика М.С. Горбачева и его команды. На деле они слишком долго впустую тратили время на поиск чудодейственных ключей к выявлению преимуществ «новой формации», так называемого социализма. Именно эту цель преследовала политика «ускорения», затем критического анализа прошлого, выявления тех «ошибок», которые, якобы, помешали их раскрытию, обращения к опыту ленинской политики нэпа. Если для А.Н. Яковлева и его единомышленников ссылки на «улучшение» социализма были тактикой, призванной замаскировать их подлинные стремления, то для большинства руководителей СССР ситуация была иной. А.Н. Яковлев пишет: «Пройдя непростой жизненный путь... руководители страны многое видели. Немало узнали и постепенно начинали понимать, что жизнь упрямее догм. Они сумели подняться до больших высот в партии, государстве, науке, других сферах. И в прежней системе добились успеха, а потому искренне верили, что и система в целом может одолеть кризис, надо только ее почистить, подмазать, убрать ржавчину».⁹⁷

Здесь, однако, возникла «ловушка», ожидающая всех реформаторов. Любые перемены, так или иначе затрагивающие жизнь широких масс людей, требуют обоснования, что подразумевает внедрение в общество критического отношения к его прошлому и настоящему. В демократической стране, которая постоянно развивается и меняется, где понимание необходимости динамики движения вперед и возможности совершения ошибок, их постоянной коррекции и исправления не вызывает удивления, признание неудачи сделанного ранее выбора не становится источником неразрешимых проблем. После дискуссий в СМИ, в парламенте – иногда, довольно жестких, порой затяжных, все же находятся приемлемые альтернативы. В Советском Союзе такого не произошло.

---

⁹⁶ Там же. С. 14-15.

⁹⁷ Там же, с. 17.

После семи десятилетий правления партии, которая всегда претендовала на монопольное обладание истиной признание необходимости очень серьезных реформ, допущенных в прошлом просчетов, начало свободного обсуждения вопроса о том, какими должны быть преобразования могли привести только к политическому катаклизму. Сохранение власти КПСС – и М.С. Горбачеву – могла обеспечить лишь четко определенная и жестко внедряемая программа трансформаций, мотивированная не ссылками на ленинские идеи 1920-х гг., а реальностями мира рубежа XX – XXI веков. Однако такой программы – кроме понимания необходимости перемен – исходно не было, что и предопределило крах всего проекта преобразований.

Да, политическими решениями начали исподволь внедряться рыночные отношения. В 1987 г. был принят Закон о государственном предприятии (объединении). Производство переводилось на самоокупаемость и хозрасчет. Предприятиям предоставлялось право самим находить себе поставщиков, закупать сырье и после выполнения обязательного государственного заказа (около 85 % продукции) реализовать остатки самостоятельно, в том числе и на зарубежных рынках. Намечалось создание предприятий с участием иностранного капитала. Трудовые коллективы получили право выбирать руководителей, контролировать администрацию. В 1988 г. были приняты законы, разрешающие создание кооперативов и так называемую индивидуальную, фактически – частнопредпринимательскую трудовую деятельность. Сельские труженики могли выходить из колхозов и создавать фермерские хозяйства. Райкомы и обкомы КПСС были лишены хозяйственных функций, им запрещалось вмешиваться в деятельность предприятий.

Результаты реформ оказались катастрофическими. С 1988 г. начало сокращаться аграрное производство, с 1990 г. – промышленное. Спад производства валового национального продукта (ВНП) превысил 11 %, дефицит госбюджета к 1989 г. достиг 10 % ВНП, государственный долг (внешний и внутренний) достиг двух третей ВНП. Впервые за время существования плановой экономики пришлось признать существование инфляции, достигшей по официальным, вероятно заниженным, данным 4 %. Резко обострилась проблема нехватки товаров первой необходимости.⁹⁸

На основании этих цифр, да и последующих экспериментов 1990-х гг. с рыночной экономикой очень легко прийти к выводу, что к условиям России в силу ее «цивилизационной специфики» она не очень-то и подходит.⁹⁹ В действительности, дело не в «специфике», а в исходно допущенных командой М.С. Горбачева роковых ошибках «транзита» к рынку, предопределивших последующее развитие страны.

Прежде всего, по идеологическим соображениям было избрано дезориентирующее обоснование перехода к рыночным отношениям – со ссылкой на ленинскую политику нэпа. Не было учтено, что во времена нэпа речь шла о совершенно другой стране – с преобладанием мелкотоварного сельского хозяйства, разрушенной гражданской войной, голодом 1921-22 гг., политикой «военного коммунизма». Функция нэпа состояла в восстановлении нарушенного товарообмена между селом и городским, выродившемся до полукустарного уровня производством. Соответственно никаких особых законов, кроме разрешения крестьянам и кустарям на средневековом уровне полунатурального обмена самостоятельно распоряжаться

---

⁹⁸ Н.В. Загладин, С.И. Козленко, С.Т. Минаков, Ю.А. Петров. История России. XX - начало XXI века. М., Русское слово, 2008, с. 375.

⁹⁹ К подобному суждению, например, близок известный ученый С. Кара-Мурза (см. его труд «Матрица «Россия», М., 2007).

частью продуктов своего труда, не требовалось. Этот опыт ничего не мог дать для высокоиндустриального Советского Союза 1980-х гг., где переход к рынку, хотя бы и сочетающемуся с плановой экономикой, требовал соответствующего инфраструктурного и правового обеспечения.

В странах с рыночной экономикой, с сопоставимым уровнем развития, ее нормальное функционирование было бы невозможно без институтов, складывавшихся столетиями. И это отнюдь не «протестантская этика», на отсутствие которой в России нередко делают ссылки: рынок существует и нормально функционирует в государствах, далеких от протестантизма.

Во-первых, эффективную «работу» современных рыночных механизмов обеспечивает развитая инфраструктура их обеспечения – система бирж, банковского кредита, маркетинговых исследований, партнерства бизнеса, государства и институтов гражданского общества (прежде всего профсоюзов).

Во-вторых, высокоразвитое законодательство, гарантирующее выплату неустоек за невыполнение принятых торгово-коммерческих обязательств, наказывающее за невозвращение кредитов, монопольный сговор, уклонение от уплаты налогов, определяющее порядок заключения любых сделок.

В-третьих, существование контрольных, ревизионных и иных органов, обеспечивающих соблюдение данного законодательства.

В-четвертых, участие в международных соглашениях, гарантирующих защиту интересов государства в международных экономических отношениях.

Ничего этого у Советского Союза – и России, вплоть до начала XXI века практически не существовало, а частично нет и до настоящего времени. К чему же привел переход к «частичному» внедрению рыночных отношений без соответствующей основы?

Прежде всего, товарные биржи и частные банки стали возникать стихийно, вне всякого правового регулирования их деятельности. Они, как и прочие хозяйствующие субъекты попали под власть криминальных и полукриминальных структур. Закон заменили «понятия» преступного мира, но и они были лучше, чем откровенный диктат, к которым прибегали институты, обладающие властью.

За рубеж вывозились дефицитные ресурсы – уже историческим анекдотом стал пример вывоза титана, оформленного в виде лопат сделанных из этого редкоземельного металла. При этом продажи осуществлялись по бросовым с точки зрения мирового рынка ценам. На первый взгляд, руководители предприятий действовали просто безответственно, но это тоже было обусловлено политикой, проводимой «сверху».

Прежде всего, руководители утратили уверенность в своем будущем. С одной стороны, они не могли быть уверены, что политика реформ, с учетом ее жесткой критики рядом лидеров КПСС, продержится надолго. С другой – никаких гарантий их переизбрания трудовыми коллективами (эта популистская инициатива, введенная Горбачевым, не гарантировала их компетентности) не существовало. Иначе говоря, они были поставлены в критические условия «временщиков», что порождало соответствующую реакцию: либо ориентации на личное обогащение пока это возможно, либо на попытки реализации совершенно недостижимых целей. Обычно они обещали повышения зарплат и расширение выплат на социальные цели. Нередко эти обещания выполнялись, но за счет средств, предназначенных на расширение производства, путем распродажи (в том числе и за рубеж) основных фондов и запасов дефицитного сырья. В 1989 г., чтобы пресечь подобную практику, был введен прогрессивный налог на увеличение фонда зарплаты. Его, однако, легко

обходили, вводя в практику выплату зарплат «в конвертах» за счет средств кооперативов.

Эксперимент с кооперативами также провалился. Они создавались дирекцией и на их счета переводились средства предприятий. Под видом кооперативной продукции (цены на нее не регламентировались законом) перепродавались товары массового спроса, произведенные в рамках государственного заказа. В итоге, стоимость продукции быстро росла, увеличивалась инфляция. Какой-либо заинтересованности во внедрении новых технологий и повышении производительности труда также не возникло.

Фермерское хозяйство получило ограниченное развитие. Землю фермерам выделяли руководители колхозов и местные органы власти на основе договоров об аренде. Фермерам доставались худшие угодья, их обирала местная администрация, им не давали приобретать технику и удобрения. Не учитывалось, что в странах Запада фермеры получают значительные государственные дотации.

Фактически, Россия XXI века до сих пор переживает издержки экономической безграмотности М.С. Горбачева и его окружения. Все экономические проблемы 1990-х, разгул криминалитета – следствие их политики.

Показательно, что М.С. Горбачев, который не очень склонен признавать свои ошибки, писал в 1996 г. следующее. «Под напором популистских требований явно преждевременно, до создания нового экономического механизма, пошли на отмену контроля за соотношением производительности труда и заработной платы, что привело к необоснованному росту денежных доходов. Были приоткрыты (через кооперативы) каналы превращения безналичных денег в наличные. В надежде на рост производства в будущем стали допускаться излишества в принятии различного рода социальных программ. В обращение хлынул поток излишних денег, который привел потребительский рынок (и без того довольно скудный) в состояние неустойчивости. Из продажи стали исчезать то сахар, то табачные изделия, то мыло, то стиральные порошки. Массовый характер приобрели факты необоснованного завышения цен на товары первой необходимости, что вызвало законное возмущение потребителей...»

Критически оценивая свою роль в драматической судьбе «первой попытки хозяйственной реформы, должен признать, что мы недооценили противодействующие факторы. Слишком долго находились под влиянием иллюзий, считая, что речь идет только о трудностях психологической перестройки кадров. Позволив неоправданно растянуть сроки преобразований на 3-4 года, упустили самый благоприятный для них в экономическом и политическом отношении момент».¹⁰⁰

Признание весьма характерное – и столь же неполное, как и многое другое, что делалось в период правления М.С. Горбачева. Как давление «популистов» могло спровоцировать еще всесильного Генерального секретаря ЦК КПСС в 1997-1998 гг. на не обеспеченное соответствующими законами принятие принципов перехода к рыночной экономике? Давление, скорее, шло со стороны оппонентов такой трансформации. Как кооперативы могли спровоцировать рост массы наличных денег, вовлеченных в товарооборот, когда объем денежной массы контролировался и определялся государством? Кто, как и за что создал возможность перевода безналичных средств в наличные, явно запустив для этого печатный станок? Что бы дал выигрыш в 3-4 года, если у руководства страны отсутствовала вера в готовность общества принять перемены, связанные не с возвращением к нэпу, а с наступлением

---

¹⁰⁰ М. Горбачев. Жизнь и реформы. М., «Новости», 1995, т.1, с. 362-363.

новой, общемировой фазы постиндустриального развития, о которой В.И. Ленин даже и не мог помыслить?

Такие же «неприятные» вопросы встали и в сфере международной жизни, внешней политики.

Команде М.С. Горбачева казалось, что решение проблем СССР можно найти в «новом политическом мышлении» (НПМ) т.е. демонстративном и одностороннем отказе от политики конфронтации со странами Запада, принятии позиции защитников общечеловеческих ценностей, отстаивающих скорейшее решение глобальных проблем (экологии, развития, международной безопасности и т.д.). Однако с одной стороны, в 1980-е гг. значимость этих проблем не была столь острой, чтобы обеспечить Советскому Союзу массовую поддержку в зарубежных странах. Советское руководство как это не раз бывало и в прошлом, переоценило влияние тех сил в зарубежных странах, которые могли симпатизировать его политике. С другой стороны, вопрос о возможной весомости вклада СССР в решение глобальных проблем, его искренности вызывал сомнение у правящих элит и общественности зарубежных стран. Возникли подозрения, что речь идет о попытке реанимировать идею никому не нужной в странах Запада «мировой революции» под лозунгом общечеловеческих ценностей.

Весомых результатов политика НПМ не принесла, зато она привела к весьма существенным и неоправданным, с точки зрения национально-государственных интересов СССР, уступкам политике стран Запада по широкому кругу вопросов.

Можно, конечно, принять на веру утверждения сторонников политики «нового мышления», что в вопросе о судьбах стран Восточной Европы Советский Союз отнюдь не «уступил» Западу в одностороннем порядке, а предоставил ее народам возможность самостоятельного выбора своей судьбы.

На деле ситуация была иной, поскольку исходный импульс к переменам, демократизации во многих странах Восточной Европы был задан давлением извне, которое оказало руководство КПСС на лидеров правивших коммунистических и рабочих партий, привыкших послушно реагировать на сигналы Москвы. Профессор Оксфордского университета А. Браун, рассматривая вопрос о внешнем влиянии на процессы демократической трансформации в СССР и Восточной Европе, обоснованно констатировал, что важнейшим фактором перемен в странах Варшавского договора было влияние перестройки в Советском Союзе.¹⁰¹ Что касается воли народов, то рядовые восточноевропейцы конечно, были рады улучшению отношений СССР с США, поскольку это исключало угрозу превращения Восточной Европы в реальный, а не гипотетический театр военных действий между противостоящими военными блоками. Но что касается выбора дальнейшей модели развития, то здесь все обстояло не столь однозначно. Позиция руководства КПСС фактически отмежевавшегося от своих бывших политических союзников, не оставила им шансов на успешную адаптацию к меняющимся реальностям. Безальтернативным стал успех сил либерально-демократической ориентации. При этом граждане бывших стран СЭВ и помыслить не могли, что переход к рыночной экономике и интеграция в структуры Евросоюза будет сопряжен с довольно длительным (10-15 лет) переходным периодом. А он характеризовался экономическим спадом, возникновением безработицы, демонтажем систем социальной защиты, а затем сделал их жертвами глобального кризиса, начавшегося в 2008 г.

Единственная гарантия учета интересов СССР, полученная его руководством в обмен на отказ от поддержки бывших идейно-политических сторонников, роспуск

---

¹⁰¹ A.Brown. Seven Years that Changed the World. Perestroika in Perspective. New York, 2007, p. 235.

Варшавского договора состояла в устном обещании лидеров держав блока НАТО – воздержаться от его расширения «на Восток». Это обещание исходно нельзя было воспринимать всерьез, поскольку устав НАТО допускал возможность приема новых членов и, в случае четко выраженной воли населения восточноевропейских стран присоединиться к этой организации и их соответствия критериям членства, отказать им было бы сложно. Кроме того, общеизвестно, что устные обязательства, данные при одной администрации США, легко нарушаются ее преемниками. Тем более что для этого был найден формальный предлог: обязательства были даны руководству СССР, а не Российской Федерации, хотя в других вопросах (в частности долгов Советского Союза) она была признана его правопреемником.

Многие военные эксперты констатируют, что М.С. Горбачев пошел на необоснованно большие уступки при заключении договора о ликвидации ракет средней и меньшей дальности, поскольку включения последних в договор США даже не требовали.

В целом, следует констатировать, что основная причина крушения СССР состояла не в «заговорах» и «ошибках», а в кризисе советской системы, которая подошла к точке бифуркации, рубежа, на котором перемены становятся неизбежными. Во главе этой системы оказались люди ищущие, в чем-то талантливые, но не обладающие четким пониманием ситуации и достаточной политической смелостью, лишь постепенно публично отказывающиеся от сложившихся ранее догм, но это не их вина, а беда. Они постоянно отставали от хода развязанных ими же процессов.

А вот на усугубление трудностей и без того оказавшегося в кризисе общества, на формирование альтернативы – связанной с распадом СССР, переходом России к ортодоксально-рыночным методам преобразований экономики, нанесшим стране не меньший урон, чем вторая мировая война, методы дестабилизации оказали определенное влияние.

Основной лозунг сторонников радикальных и быстрых перемен «Иного не дано» предполагал, что коль скоро общество зашло в тупик, то необходимо как можно скорее встать на путь «демократического транзита», то есть скопировать модель рыночной экономики, политической системы, сложившейся в странах либеральной демократии. Как заявил один из ведущих экономистов XX века Д. Гэлбрейт, выступая на конференции по проблемам Центральной и Восточной Европы в Брюсселе 5 июля 1990 г., большинство рекомендаций, адресованных вступающим на путь реформ странам, принадлежало догматикам-ортодоксам рыночной экономики. По словам Гэлбрейта, ими «предлагается чисто идеологическая конструкция, существующая в основном, если не полностью, в воображении своих создателей». Они «предлагают заменить плохо функционирующую экономическую систему на полное отсутствие всякой системы». Ответственность за принятие порочных рекомендаций, обрекающих людей на «безработицу и голод» ложилась, по мнению Гэлбрейта, на новообращенных догматиков-рыночников в посткоммунистических странах, которые еще более фанатичны, чем авторы заимствованных ими идей.¹⁰²

Действительно, взгляды ортодоксов свободного рынка в постсоциалистических странах в значительной мере сформировались под влиянием теорий так называемой Чикагской школы М. Фридмана. Но при этом не учитывалось, что его воззрения были ответом на явно избыточное вмешательство государства в экономику в странах Запада, что дало о себе знать в 1970-е годы. В 1980-е гг. в Великобритании, затем в США была проведена частичная дестатизация

---

¹⁰² Загладин Н.В. США: общество, власть, политика. М., «Русское слово», 2001, , с. 160.

экономических отношений, в итоге сложилась довольно эффективная модель, которую называли «тэтчеризм» и «рейганомика». Однако в постсоциалистических государствах проблема состояла не только в демонтаже институтов централизованного планирования экономики и проведении беспрецедентной в истории приватизации, но и в создании новых государственных структур, способных эффективно регулировать рыночные отношения. О последнем сторонники скорейшего перевода экономики в режим свободного рынка не вспоминали.

Взгляды, а затем и политическая активность радикалов поддерживались странами Запада, неоднократно давались обещания, что в случае перехода СССР на путь радикальных демократических перемен будет оказана финансовая помощь, последуют массивные инвестиции в экономику страны. Эти обещания так и остались декларациями. На деле, державы Запада пользовались сложным положением СССР для того, чтобы добиться от него как можно больших уступок. Как писал в 1994 г. З. Бжезинский, правящие круги США давали необоснованные оптимистические политические и экономические оценки перспектив реформ в России «для того, чтобы облегчить достижение более конкретной и явно важной цели США - российско-американского ядерного разоружения».¹⁰³

Давление «справа» сочеталось с ростом сопротивления любым реформам «слева» со стороны ортодоксальных приверженцев марксистских идеологических догматов. И первое, и второе объективно «раскачивало лодку», ослабляя авторитет и позиции слабеющего центра власти. Свой вклад здесь видимо, внесла и деятельность А.Н. Яковлева и его единомышленников, которые, выступая от имени «центра» отрицали самоочевидные вещи, скрывая собственные цели. Как пишет сам А.Н. Яковлев: «Страна практически вступила на путь социал-демократического развития. На официальном партийном уровне в начале перестройки это упорно отрицалось, в том числе и мною (иначе и быть не могло), но в жизни восторжествовала именно концепция реформ».¹⁰⁴

В условиях, когда Москва инициировала перемены, итогом которых становился рост экономического хаоса (здесь, возможно, сказались меры по снижению цен на нефть, ставшую основным экспортным товаром СССР)¹⁰⁵ правящие элиты союзных республик, обеспокоенные сохранением своего властного статуса, начали дистанцироваться от союзного центра. При этом растущие и не встречающие серьезного отпора националистические настроения, выразителями которых, в частности, стали национальные фронты в республиках Прибалтики действительно поддерживались и стимулировались из-за рубежа. В частности, в разжигание страстей вокруг Нагорного Карабаха, приведшего к военному конфликту на территории СССР между Арменией и Азербайджаном, значительный вклад внесли зарубежные армянские общины, имевшие определенные возможности влияния на СМИ стран Запада, а также помощи своим соотечественникам на родине. Зато симпатии Азербайджану начала выражать Турция.

Фактически разгорающиеся на территории начинавшего распадаться СССР конфликты объективно затрагивали интересы многих зарубежных государств, что давало им повод и предлог для вмешательства в его внутренние дела, выдвижение новых требований к его центру власти.

¹⁰³ Бжезинский З. Преждевременное партнерство. Независимая газета, 20.05.1994.

¹⁰⁴ А.Н. Яковлев..., с. 31.

¹⁰⁵ Это точка зрения упоминавшегося выше американского публициста Швейцера. Однако не исключено, что это – один из вариантов перепева теории заговора, рассчитанной на эпатаж публики. Во всяком случае, серьезный британский ученый А. Браун, специально рассматривающий факторы крушения СССР, выделяет его зависимость от экспорта нефтегазовых ресурсов как один из источников политики «застоя», но не упоминает ни о каких спецоперациях.

История не знает сослагательного наклонения, что произошло, то и произошло. Тем не менее, нельзя не констатировать, что во второй половине 1980-х гг. Советский Союз вступил в полосу жесточайшего кризиса, вызванного внутренними и внешними причинами, из которого нельзя было выйти без затрагивающих основы его существования перемен. Однако в точке бифуркации всегда возможны альтернативы и с этой точки зрения, они могли быть как менее, так и более благоприятными.

Во-первых, был вероятен вариант, катастрофичный для всего мира: возникновения гражданской войны на территории СССР с перспективой утраты контроля «центра» над арсеналами ОМП. Такой сценарий мог стать реальным при приходе к власти жесткого лидера «застойного» типа, пытающегося игнорировать возникшие проблемы, отвечать репрессиями на проявления недовольства падающим уровнем жизни, растущей нехваткой товаров первой необходимости, в том числе и продовольствия. Итогом скорее рано, чем поздно, стали бы гражданские волнения, забастовки, возникновение при зарубежной помощи структур типа «Солидарности», рост недовольства в армии и структурах госбезопасности. К такому же итогу привела бы и победа заговора ГКЧП, инициаторы которого не имели никакого представления о том, как решать проблемы разваливающейся экономики.

Во-вторых, вероятным и реализовавшимся стал сценарий плавного, с минимальным числом вооруженных конфликтов и насилия, отхода от обладавшего инерцией семи десятилетий развития строя, зашедшего в тупик. При этом, следует признать: лидер и его окружение, настолько, насколько они могли, стремились избежать катастрофического развития событий, меняли свою позицию (хотя и с опозданием) искали диалога и взаимопонимания с оппозицией. Итогом стал распад СССР – сохранивший Россию как крупную, мировую державу.

В-третьих, маловероятным вариантом, в силу проводившейся при Л.И. Брежневе политике выдвигания на первые роли «середнячков», не способных оспорить лидерство стареющей партийной элиты, было бы утверждение у вершин власти талантливого, харизматического лидера, который сумел бы, осознавая вставшие перед страной проблемы, найти оптимальные пути их решения. Показательно, что А.Н. Яковлев не исключал подобного сюжета, он писал: «Рассуждая умозрительно, сверхцентрализованная забюрократическая система, намеренно лишенная обратных связей и настроенная на неограниченную эксплуатацию человека, которую мы так долго именовали «социализмом» все же могла быть частично реформирована. Но при условии ее как бы согласия на рассудочный, рациональный, прагматичный подход к преобразованиям, если бы система в целом, все ее главные подсистемы на деле поступились бы хоть чем-то в пользу человека и здравого смысла... Но ожесточенное сопротивление партийного и военного аппарата перечеркнуло подобный сценарий изначально и в корне».¹⁰⁶

Показательно, однако, что М.С. Горбачев и его окружение, в том числе и А.Н. Яковлев при первых же признаках неудачного течения процессов инициированной ими «перестройки», начали искать не пути консолидации партии и общества, а занялись поиском «противников» своей политики, действуя вполне в духе сталинских традиций. Тем самым они еще больше раскалывали общество. Программа его сплочения тогда, тогда, вероятно, подразумевала бы:

- перенос центра тяжести в идеологической работе с идеей построения «нового общества», «интернационализма» на обеспечение национально-государственных интересов СССР, в том числе за счет жесткого «торга» и разумных, ограниченных компромиссов со странами Запада;

---

¹⁰⁶ А.Н. Яковлев, с. 18.

- сохранение, насколько это было возможно, социальной ориентированности экономики;
- проведение экспериментов в рамках отдельных регионов, с развитием рыночных отношений, созданием «открытых экономических зон», которые позволили бы найти оптимальное соотношение плана и рынка в масштабах всей страны;
- постепенная коррекция законов, обеспечивающих одновременно возможности развития малого и среднего бизнеса с его защитой от параллельно возникающих структур рэкета, в том числе и государственного;
- жесткое ограничение деятельности «правой» и «левой» оппозиции, способной инициировать политическую нестабильность в стране.

Этот вариант не осуществился, но вполне вероятно, что он позволил бы избежать распада СССР и его системы союзов.

Иначе говоря, распад СССР не был предопределен, он стал итогом крайне сложного баланса взаимодействия внешних и внутренних факторов.

Глава 2. Глобализированный мир. Субъекты и объекты инициирования политической нестабильности в современных условиях

§ 9. Параметры глобализированного мира

С распадом системы союзов СССР и его самого не просто завершилась холодная война, начался совершенно новый этап мирового развития. Качественное изменение параметров состояния человеческой цивилизации проявило себя не сразу, и нет ничего удивительного, что оно не оказалось в центре внимания политиков и аналитиков. Первоначально дискуссии шли относительно того, какой будет структура грядущего миропорядка.

Было ясно, что «биполярный» мир при котором ситуация на международной арене определялась ходом противоборства двух военно-блоковых систем, взаимно «сдерживавших» друг друга, ушел в прошлое. Соответственно основные споры шли вокруг вопроса о том, станут ли США лидером «однополярного» мира, приобретет ли система международных отношений черты «многополярности», в рамках которой будут взаимодействовать и конкурировать несколько крупных государств и их союзов, или же роль «противовеса» США перейдет к Китаю. В отечественной науке широко обсуждался вопрос о том, какую роль сможет играть Россия в структурирующемся новом миропорядке. Естественно, наибольшей популярностью у российских экспертов пользовалась теория «многополярности», отводившая нашей стране роль одного, и достаточного влиятельного, если учесть сохранившийся арсенал ОМП и роль в мировой торговле энергоресурсами, центра силы.

Многие ученые стремились выйти за рамки дихотомии «однополярный» - «многополярный» мир. Например, по мнению отечественного ученого О.Н.Быкова, общей тенденцией выступает формирование многополюсности, однако это процесс приобрел сложный и затяжной характер. Более того, О.Н.Быков соглашался с мнением американского теоретика Д.Розенау, считающего, что «неопределенность и динамизм нынешнего периода являются скорее постоянными, чем преходящими чертами нового миропорядка».¹⁰⁷ Ряд исследователей, в том числе упомянутый Д.Розенау, считают, что происходит переход к сетевой системе организации миропорядка, субъектами которой будут не только государства, а

---

¹⁰⁷ См. О.Н. Быков. Международные отношения. Трансформация глобальной структуры. М., 2003, с. 380-381.

взаимодействующие государственные, наднациональные, негосударственные и смешанные структуры.¹⁰⁸

Действительно, восприятие перспектив миропорядка под углом зрения конфликта национально-государственных интересов стало с научной точки зрения не совсем корректным. Соответственно и мотивация действий государств геополитическими факторами начала утрачивать былую значимость.

Прежде всего, необходимо учитывать последствия экономической глобализации. С переходом Китая, стран Восточной Европы и СНГ к рыночной экономике, их отказом от централизованного планирования, возродилась целостность мирового хозяйства. Это содействовало углублению международного разделения труда, хотя не все постсоциалистические страны были удовлетворены тем местом, которое они в нем заняли. Начал формироваться единый рынок капиталов, товаров и рабочей силы. Ведущей силой мировой экономики стали транснациональные корпорации (ТНК) и даже их конгломераты, имеющие филиалы в десятках стран. Их интересы не обязательно совпадали со стремлениями страны происхождения.

Правда, оценки произошедших перемен остаются весьма неоднозначными. Как отмечает отечественный ученый М.О.Мнацаканян, сторонники «радикальных» взглядов полагают, что единство мирового рынка уже привело к стиранию национальных границ, утрате государствами своего суверенитета, превратившегося в фикцию. «Скептики» полагают, что ничего принципиально нового не происходит, «правительства по-прежнему способны контролировать процессы в экономике, финансах; национальные культуры сохраняют свои традиции, прежние модели развития и т.д.».¹⁰⁹

Действительно «скептики» приводят на первый взгляд довольно весомые аргументы. Так единство мирового рынка существовало и в конце XIX века, тогда уже складывалась общепланетарная система международного разделения труда, а крупнейшие корпорации создавали свои филиалы в зарубежных странах. Как писал известный американский социолог И. Валлерстайн, «Разумеется, прогресс технологий открыл возможности транспортировки огромных масс товаров на значительные расстояния, но я рискну утверждать, что структура и функционирование товарных цепочек не претерпела в XX веке кардинальных изменений, и таковые вряд ли произойдут даже под воздействием так называемой информационной революции».¹¹⁰

Эта позиция игнорировала качественные изменения, произошедшие в системе международного разделения труда, организации мирового рынка.

Во-первых, произошла так называемая «деиндустриализация» наиболее развитых стран мира. Многие производства из США, государств Западной Европы, Японии начали переводиться в государства, где сочетались такие факторы, как:

- довольно высокий уровень политической стабильности;
- наличие квалифицированной и относительно дешевой рабочей силы (в большинстве развивающихся стран средний уровень зарплаты в 5-10 раз ниже, чем в развитых);
- готовность властей предоставить привлекательную для иностранного капитала систему налогообложения.

---

¹⁰⁸ Подробнее см. М.М. Лебедева. Мировая политика. М., 2003, с. 151-152.

¹⁰⁹ М.О. Мнацаканян. Национализм и глобализм. Национальная жизнь в современном мире. М., 2008, с. 15-16.

¹¹⁰ И. Валлерстайн. Конец знакомого мира. Социология XXI века. М., 2003, с. 82.

При этом, «деиндустриализация» не означала утраты ведущими корпорациями Запада контроля над выпускаемой ими продукцией. Она стала итогом работы конвейера, разбросанного по многим странам. Например, располагающееся в Китае предприятие какой-нибудь японской компьютерной корпорации, скорее всего, будет использовать процессоры, выпускающиеся в Силиконовой долине в США, корпуса и трансформаторы, производимые в самом Китае, платы, изготавливающиеся где-нибудь на Тайване или в Южной Корее. Подобная система международного разделения труда качественно отличается от создания филиалов корпораций за рубежом, что практиковалось и в конце XIX и в середине XX века. Филиал, как правило, включал в себя всю производственную цепочку или большую ее часть. Его можно было национализировать и продолжать выпускать прежнюю продукцию. Современное «дочернее» предприятие, выпускающее постиндустриальную продукцию национализировать бесполезно – оно тут же перестанет получать комплектующие детали, наладить собственное производство которых очень сложно, если не невозможно, и незамедлительно остановится.

Масштабы подобной, качественно новой интеграции быстро растут. Уже 1990 г. 21 % экспорта ведущих стран Запада был сопряжен с вертикальной специализацией. С 1985 по 1996 г. объем экспорта готовой продукции машиностроения и транспортного оборудования 28 ведущих индустриальных стран увеличился в 2,5 раза, а экспорт частей, компонентов, отдельных узлов возрос в 3,7 раза.¹¹¹

Происходящие перемены порой воспринимаются в частности, президентом США Б. Обамой, как показатель «деградации» ведущих стран Запада. Уже в первом своем президентском послании он заявил: «Чтобы бизнес продолжал работать внутри наших границ наступило, наконец, время урезать налоговые льготы для компаний, создающих рабочие места за рубежом, и предоставить эти льготы тем компаниям, которые создают рабочие места в Соединенных Штатах Америки».¹¹² В действительности, ситуация выглядит несколько иначе.

Прежде всего, происходит оптимизация размещения производительных сил (высокие технологии стран Запада + дешевая рабочая сила Юга), что обеспечивает удешевление выпускаемой высокотехнологичной продукции, она становится доступной для более широких слоев потребителей во всех странах мира, что ведет к повышению если не уровня, то качества жизни людей на всех континентах.

В развитых странах высвобождается рабочая сила, которая может использоваться в секторах, связанных с «производством знаний», высокотехнологичным производством, информационными технологиями и т.д. Другой вопрос, что уровень квалификации большинства высвобождаемых работников равно как и выпускников многих учебных заведений оказывается недостаточным и не отвечает требованиям современного информационного общества. Однако проблема качественного совершенствования образования не решается дешевыми популистскими заявлениями о необходимости реиндустриализации с целью создания рабочих мест для людей, не желающих повышать свой образовательно–квалификационный уровень.

Развивающиеся страны получают доступ к инвестициям и высоким технологиям, а также часть доходов от экспорта производимой на их территории продукции, что обеспечивает им возможности ускорения развития. Так, высокая динамика экономического роста Китая на рубеже XX-XXI веков в большой мере объясняется притоком прямых иностранных инвестиций (в 2005 г. они достигли уже

¹¹¹ Мировая экономика: прогноз до 2020 года. ИМЭМО РАН, М., 2008, с. 50.

¹¹² <http://news.tts.lt/Pasaulyje/?more=6781>

600 млрд. долл.). Более 50 % китайского экспорта приходится на долю предприятий, созданных с помощью иностранного капитала.¹¹³ За 8 месяцев 2010 г. 46,7 % экспорта, в стоимостном выражении, состояло из комплектующих и материалов зарубежного производства. Иначе говоря, Китай является не столько новой «промышленной мастерской мира», сколько сборочным цехом глобализированной экономики.¹¹⁴

В американской литературе уже появился такой термин как «Cimerica» («Китаемерика»), он подразумевает очень тесное слияние экономик двух стран.¹¹⁵ Это не исключает расхождений между ними по многим вопросам международной жизни, кроме того Китай успешно развивает и собственную индустрию, основанную на высоких технологиях. Тем не менее, ни власти КНР, ни корпорации США, при достигнутом ими уровне взаимозависимости, не заинтересованы в каком-либо обострении отношений этих стран друг с другом.

Современный уровень международного разделения труда весьма существенно искажает картину экономических расчетов. Обычно сопоставляются такие показатели, как объем произведенного на территории страны валового внутреннего продукта (ВВП), его объем на душу населения и т.д. Но если примерно половина доходов от китайского экспорта оказывается в распоряжении корпораций США, то уместно ли зачислять эту сумму в ВВП Китая или какой-либо другой страны? Неизвестно как ТНК распорядятся полученными за пределами страны своего происхождения доходами.

Фактически мировой ВВП сейчас не равен сумме ВВП государств, поскольку из национальных счетов следует вычитать ВВП ТНК, которые самостоятельно определяют свою экономическую стратегию.

Это – вторая, качественно новая реальность современного мира. В прошлом, государства стремились контролировать трансграничные потоки капиталов. Однако с утверждением идеологии рыночной ортодоксии в 1990-х гг. этот контроль стал ослабевать. Согласно так называемому «Вашингтонскому консенсусу» 1998 г. страны ОЭСР договорились о либерализации международных транзакций капитала. Предполагалось что, будучи освобожденным от государственной опеки, капитал сам найдет оптимальные сферы своего приложения.

После глобального кризиса начавшегося в 2008 г. основной акцент в большинстве исследований делался на негативных последствиях либерализации финансовой сферы. Действительно, возникли многочисленные финансовые пирамиды, выпускались необеспеченные реальным капиталом ценные бумаги и долговые обязательства (деривативы), банки, столкнувшись с избытком капитала, начали выдавать кредиты под весьма сомнительное обеспечение. Уже в 2005 г. суммарная капитализация фондовых рынков всех стран мира составляла 37,6 трлн. долл., активы коммерческих банков – 55,7 трлн. долл., стоимость выпущенных в мире ценных бумаг и долговых обязательств – 58,9 трлн. долл. Общий объем всех отложенных и отсроченных платежей, включая деривативы, достиг 284,8 трлн. долл.¹¹⁶ Иначе говоря, как стало принято говорить, произошел отрыв финансового капитала от промышленного. А это делало глобальный кризис неизбежным.

В США возникла специфическая форма спекуляций, в которой участвовали десятки миллионов американцев, принадлежавших к среднему классу. Цены на

¹¹³ «Мировая экономика...», с. 305.

¹¹⁴ В.Кашин. За юань пострадают все. <http://www.forbes.ru/node/57832/print>

¹¹⁵ Впервые этот термин был использован американским историком Н.Фергюсоном и экономистом М. Шулариком в 2

¹¹⁶ Мировая экономика, с. 36-37.

жилье росли быстрее, чем проценты по банковским кредитам. Соответственно было выгодно брать кредит и покупать жилье впрок в надежде получить неплохую прибыль. Крушение пузыря высоких цен на недвижимость привело к тому, что выплата процентов по кредитам оказалась непосильной для многих семей, что поставило на грань краха банки.

Однако осуждая так называемую «ортодоксию» свободного рынка капиталов действительно, приведшую к серьезным проблемам в сфере функционирования мировых финансов, нельзя забывать причины, побудившие страны ОЭСР пойти на либерализацию деятельности банковской сферы.

В 1990-е гг. возник повышенный спрос на «свободный» капитал, что было связано с такими факторами как:

- быстрое развитие в большинстве стран мира информационных технологий, невозможное без значительных инвестиций в соответствующие отрасли;
- переход к рыночной экономике в Восточной Европе и государствах СНГ, что требовало больших вложений в приватизацию и модернизацию существующих производств, развитие сектора среднего и малого бизнеса;
- расширяющиеся возможности инвестиций в экономику Китая.

Возросшие потребности в дешевых кредитах и определили появление рынка псевдоценных бумаг, возместивших нехватку реальных денег. Можно предположить, что если бы страны ОЭСР не легализовали подобную практику она все равно, в иных формах, утвердилась бы.

Ужесточение государственного контроля над банковской деятельностью в отдельных странах, что предусмотрено реформами администрации Б.Обамы (едва ли они состоятся после победы на промежуточных выборах 2010 г. в Конгресс республиканцев) возможно, но эта мера качественно не изменит ситуацию, сложившуюся в глобальном масштабе. Она связана с тем, что транснациональные корпорации и банки уже приобрели высокую степень независимости от правительств стран своего происхождения и будут вести борьбу за ее сохранение. Тот факт, что они были спасены от разорения широкомасштабными государственными интервенциями за счет налогоплательщиков, не имеет решающего значения.

Третьим качественно новым фактором мирового развития выступают информационные технологии. Развитие сети Интернета, мобильной и факсимильной связи, цифрового и кабельного телевидения превратил мир в одну «большую деревню», что предсказывал еще в 1960-е гг. канадский социолог Д. Маклюэн. Последствия информационной революции весьма многообразны, они затрагивают все сферы человеческого бытия.

Значительно облегчаются международные транзакции капитала, в том числе и «отмывание» денег. Отследить многократные переводы средств международных криминальных групп, использующих оффшорные зоны, крайне сложно.

Меняется характер трудовой деятельности, все более широкое распространение получают ее дистанционные формы, при котором рабочее место находится там, где установлен подключенный к соответствующей сети компьютер, а общение работника с коллегами, начальством осуществляется через телеконференции или электронную почту. В принципе человек может жить в одной стране, а его работодатель в другой. Например, опытный врач способен руководить хирургической операцией, или даже осуществлять ее руками робота, находясь за тысячи километров от пациента. Все более широкое распространение получает дистанционное обучение, не требующее ни аудиторий, ни лекционных залов.

Естественно меняется характер связей между людьми, в том числе и в сфере организации политической жизни. Часто говорят о том, что благодаря Интернету

началось формирование глобального гражданского общества. Правда большинство рядовых пользователей Интернета, обсуждая в сети новую «стрелялку», понравившийся фильм или достоинства того или иного порносайта, не задумываются о том, что многие их собеседники находятся за пределами национальных границ, а портал, на котором они общаются, вполне возможно, зарегистрирован в США или Голландии. В то же время существуют и политизированные сегменты Интернета, объединяющие людей, имеющих сходные стремления и идеалы.

Сеть неправительственных, негосударственных организаций (НПО или НГО, далее по тексту НПО) в последние десятилетия развивалась очень быстрыми темпами. С 1980 по 2000 гг. их количество увеличилось в четыре раза, к 2005 г. оно достигло 50 тыс., численность добровольных активистов некоторых из них, в частности «Международная амнистия», составляет свыше 1 млн. чел. (платный штат офиса этой организации, находящийся в Лондоне – всего 320 чел.). Многие из НПО имеют статус консультативных организаций или наблюдателей при ООН. По существующим оценкам объем средств, которыми могут распоряжаться НПО превышает бюджет ООН, достигая, суммарно, десятков миллиардов долларов.¹¹⁷

Все это дает основание заключить, что современная глобализация является новым явлением, качественно отличающимся от своих аналогов в конце XIX – начале XX веков. Тогда в прошлом, как показал опыт первой мировой войны, полный или частичный разрыв внешнеэкономических связей мог стать источником определенных сложностей, но не вел к экономическому коллапсу. В современном мире внезапная изоляция государства, в большой степени вовлеченного в систему международного разделения труда, имела бы катастрофические последствия как для него самого, так и для стабильности мировых рынков.

§ 10. Новые субъекты и мотивы осуществления политики дестабилизаций в современном мире

Произошедшие на рубеже XX – XXI веков перемены оказали очень большое влияние на возможности и цели осуществления мер по инициированию политической нестабильности в зарубежных государствах.

Первое что здесь необходимо отметить, в прошлом единственным возможным субъектом осуществления дестабилизаций выступали государства, использующие в своих интересах те или иные политические, национальные, религиозные движения. В современном мире достаточными финансовыми ресурсами для подобных действий обладают транснациональные корпорации и банки, а также НПО, имеющие глобальный охват деятельности. При этом ТНК, ТНБ и НПО могут действовать совместно или параллельно с государствами, а также самостоятельно, на свой страх и риск. Все это крайне осложняет выявление главных акторов, вызвавших ту или иную ситуацию нестабильности, просчет мотивов их акций.

С некоторой долей условности, можно выделить следующие, наиболее типичные для современного мира, мотивы и факторы дестабилизаций.

Характерными становятся операции по ограниченной дестабилизации, предпринимаемые неправительственными коммерческими, деловыми структурами с целью обогащения. Наиболее характерный пример – действия фонда Сороса по «расшатыванию» курса британского фунта стерлингов, что принесло Дж. Соросу доход в 1 млрд. долл.¹¹⁸ Подобные операции порой предпринимаются по согласованию с

¹¹⁷ В. Степаненко. Глобальное гражданское общество: концептуализация и посткоммунистические вариации. Социология: теория, методы маркетинг. 2005, № 2, с.158.

¹¹⁸ Подробнее см. Дж. Сорос. Кризис мирового капитализма. Открытое общество в опасности. М., 1999, Изд. Дом ИНФРА-М.

влиятельными международными агентствами, оценивающими кредитный рейтинг тех или иных стран, степень сбалансированности их бюджета. Так Н. Кляйн приводит факты о том, что Международный валютный фонд в 1986-87 гг., публикуя данные о положении в экономике Тринидада и Тобаго фальсифицировал их. Он «более чем вдвое увеличил важнейшие статистические данные относительно стоимости труда в стране, чтобы система выглядела крайне неэффективной... В другом случае... фонд выдумал, породил буквально на пустом месте, сведения об огромном невыплаченном долге правительства».¹¹⁹ Итогом стало бегство капиталов из страны, возникновение серьезных проблем и обращение правительства к МВФ за предоставление кредитов. Они были выделены – но при условии принятия требований снижения зарплат, демонтажа системы социальной защиты, проведения приватизаций государственной собственности в пользу ТНК и т.д.

Более «жесткий» вариант воздействия, который могут самостоятельно осуществлять ТНК – дестабилизация положения в той или иной стране с целью добиться льготных условий эксплуатации ее природных ресурсов, снижения уровня налогообложения и т.д. При этом корпорации могут использовать не только инициирование политической нестабильности. Важной особенностью современности является утрата государствами монополии на применении вооруженной силы. Возникли частные военные структуры, поставляющие наемников как государствам, так и иным заказчикам. Разумеется, развязать «частную» войну против крупного государства они не способны, но «корпоративные» войны в странах Юга, особенно на Африканском континенте, стали правилом, а не исключением.

По имеющимся данным, в мире насчитывается более 3 тыс. частных военных компаний, они действуют более чем в 100 странах мира. Их годовой оборот достигает 100 млрд. долл. 55% крупнейших компаний такого рода базируются в США, 27% — в странах Европейского союза (в большинстве своем — в Великобритании), по 9% — на Ближнем Востоке и в Африке. Большинство «работ» они выполняют в Ираке, Афганистане, Иордании, Кувейте, Объединенных Арабских Эмиратах и Колумбии. Одна только крупнейшая военная компания – «Блэкуотер» располагает 2,3 тыс. наемников на действительной службе и 25 тыс. в резерве. Она располагает стрелковым оружием, бронетранспортерами и транспортными вертолетами.¹²⁰

Наемничество существовало всегда, но особый расцвет оно получило после начала военных кампаний в Ираке и Афганистане. Преимущество использования наемников для военных США состоит в том, что они не входят в состав вооруженных сил и их потери не учитываются официальной статистикой. Оплата услуг наемников не выше чем собственным военным, кроме того возможны «откаты» военным ведомствам. Далее наемникам, которые официально не являются военнослужащими, можно поручать любые задания – в том числе «зачистки» местности от гражданского населения, пытки военнопленных и иные задания, которые относятся к разряду военных преступлений. С правовой точки зрения, наемники не относятся к террористам и членам незаконных воинских формирований, поскольку представляющие их услуги фирмы официально зарегистрированы. Иначе говоря, в случае разоблачения тех или иных преступных, с точки зрения международного права действий, наемники, если удастся выявить конкретных лиц, будут отвечать только на индивидуальной основе в рамках уголовных законодательств соответствующих стран.

¹¹⁹ Н. Кляйн. Доктрина шока. Расцвет капитализма катастроф, М., 2009, Хорошая книга, с. 339.

¹²⁰ <http://postlink2007.wordpress.com/2007/11/14/blackwater-usa-krupnejshaya-chastnaya-armiya-mira/>

Масштабы использования наемных армий впечатляют. Так, имеются данные, что в Ираке и Афганистане используются силы 181 частной армии общей численностью около 48 тыс. чел.¹²¹ Фактически, США и их союзники могут официально вывести свои войска из этих стран, продолжая боевые действия силами наемников. Другой вопрос, что соответствующие компании тесно связаны с регулярными вооруженными силами, ими обычно руководят отставные высокопоставленные военные, способные обеспечить их как заказами государственных структур, так и поставками оружия.

Широкий масштаб приобрели дестабилизирующие действия со стороны НПО, которые также могут действовать самостоятельно, или же опираясь на поддержку тех или иных государств и/или ТНК.

Международные НПО, выступающие с правозащитных позиций, обладают определенным дестабилизирующим потенциалом по отношению к авторитарным режимам. Разоблачая нарушения прав человека, привлекая к ним внимание глобализированных СМИ и правительств ведущих стран мира, они содействуют укреплению позиций демократической оппозиции власти. Однако подобные НПО обычно стремятся дистанцироваться от непосредственного участия в акциях политического характера.

В других случаях речь идет об относительно безобидных акциях, предпринимаемых, например, антиглобалистами. Каждая встреча на высшем уровне лидеров «восьмерки» или «двадцатки» ведущих стран мира, конференции мировой деловой элиты сопровождаются массовыми протестами, нередко перерастающими в насильственные действия. Для того чтобы перебросить тысячи активистов в места подобных встреч, обеспечить им условия проживания и пропитания требуются немалые средства, которые едва ли могут быть покрыты взносами симпатизирующих. Речь идет о масштабных действиях, призванных привлечь внимание к лозунгам антиглобалистов и альтерглобалистов. Их идеологическая база крайне неоднородна, разнится от анархистских и ультранационалистических до общегуманистических представлений. Тем не менее, все они акцентируют внимание на том, что существующая модель глобализации выгодна крупным, имеющим выход на мировой рынок корпорациям, но не трудящимся, и не бизнесу, во всяком случае, мелкому и среднему.

К экстремистским, дестабилизирующим общество действиям порой склонны прибегать экологи. Часть экологических движений, возникших еще в 1970-е гг. приобрела вполне респектабельный характер, интегрировались в политические системы своих стран, обеспечили себе парламентское представительство. В то же время сохраняется течение радикального экологизма, склонного прибегать к актам насилия, несанкционированным акциям.

Самый опасный источник дестабилизаций – международный терроризм. Его после атаки 11 сентября 2001 г. на Нью-Йорк и Вашингтон, многих других террористических актов, обычно ассоциируют с исламскими экстремистами, мечтающими о создании Всемирного исламского халифата. На деле проблема современного терроризма намного сложнее.

Прежде всего, есть все основания считать, что в современном мире сложился своего рода международный криминально-террористический Интернационал, не имеющий единого руководства, представляющий собой систему взаимосвязанных и взаимодействующих сетевых структур. Так совершенно очевидно, что пиратство, международный терроризм, поддерживающие его движения, подобные «Талибану» в Афганистане, не могли бы существовать вне связи с рынками нелегальной торговли

---

¹²¹ Там же.

оружием и услуг наемников. При этом значительные средства «Талибан» явно получает от международного наркотрафика, важнейшим источником которого стал Афганистан.

Объединяющим эти и иные международные криминальные организации звеном, скорее всего, выступает система «отмывания» денег, связывающая их с банками, особенно действующими в оффшорных зонах. Кроме того можно отметить и определенную общность интересов. Объективно все криминальные структуры хотели бы видеть государственные институты, обеспечивающие охрану правопорядка коррумпированными или ослабленными, неэффективными, неспособными вести с ними борьбу. С этой точки зрения разгул терроризма, привлекающий особое внимание общества, правоохранительных органов может отвлекать их от борьбы с другими видами преступности.

Современный терроризм, таким образом, выступает ударным отрядом интернационализированного криминалитета. К его особенностям, отличающим его от террора прошлых времен, относится направленность террористических актов. Покушения на отдельных государственных деятелей, сотрудников силовых структур не исключены, однако жертвами терактов чаще всего становятся рядовые граждане. Логика террористов очевидна: взрывы в метро, в домах сопровождающиеся десятками жертв, захват сотен заложников, длительные переговоры об условиях их освобождения получают широкое освещение в СМИ, привлекают внимание многомиллионной аудитории. Рядовые граждане начинают думать о том, что они могут стать жертвой очередного теракта, испытывают раздражение по поводу бессилия власти защитить их от экстремистов. Появляющиеся в СМИ материалы сторонников «компромисса», «уступок» требованиям экстремистов начинают вызывать одобрение.

При этом, как и в начале XX века, структуры террористического «интернационала» явно сохраняют насыщенность агентурой спецслужб, имеют покровителей во властных структурах ряда государств. Судя по «утечкам» материалов с сайта «Викиликс», военная разведка Пакистана имеет тесные контакты с движением «Талибан» в Афганистане, а соответственно и с «Аль-Каидой». Не исключено, что с последней связан и ряд влиятельных лидеров Саудовский Аравии. Высказывались подозрения, что правящие круги Турции также оказывают поддержку (или не препятствуют ей) движениям, расценивающимся как террористические. С учетом того, что как Саудовская Аравия, так и Пакистан с Турцией являются союзниками США, все это вызывает серьезные сомнения, относительно искренности стремлений Вашингтона – положить конец международному терроризму. Не стал ли он жупелом, с помощью которого Соединенные Штаты обеспечивают себе поддержание статуса «мирового лидера», защищающего мировую цивилизацию от якобы, смертельно опасного ей вызова, заменившего в пропагандистских компаниях рухнувшую «империю зла» - Советский Союз?

Особая роль в дестабилизационных акциях СМИ и Интернета – еще одна характерная черта современности. С одной стороны, они абсолютно плюралистичны, производят в никогда ранее не существовавших масштабах «информационный шум», который казалось бы, затрудняет организацию массированных пропагандистских кампаний. С другой стороны, сохраняется монополия на предоставление базовой новостной информации, которую удерживают ведущие агентства стран Запада, такие как Си-Эн-Эн, Би Би Си, Евроньюс и ряд других. В итоге факты и события, которые ими игнорируются вроде бы и не существуют, а осуществленная ими дезинформация воспринимается в качестве реального факта. Наглядным примером выступает освещение информационными агентствами стран Запада конфликта России с Грузией в 2008 г. Исходные сведения отражали грузинскую трактовку событий, соответственно

последовавшие «плюралистичные» дискуссии в Интернете строились на тезисе, что именно Россия выступила в роли агрессора.

Иначе говоря, «информационная атака» основанная на лживости или искажении представленной мировому общественному мнению исходной информации остается возможной.

Интернет также не является безобидной игрушкой развлекающихся интеллектуалов. Он способен играть роль весьма опасного орудия дестабилизаций. Хакерские атаки на хорошо защищенные банковские сети доказывают, что под угрозой постоянно находятся также компьютеризованные системы жизнеобеспечения городов, экологически опасные производства. Чем выше технологический уровень развития государства, тем более они уязвимы для компьютерных атак. Разумеется, средства защиты сетей постоянно совершенствуются, но развиваются и хакерские технологии. Материалы, размещенные в Интернете (карты, материалы спутниковой съемки, фотографии, видеозаписи) могут использоваться для изучения местности возле избранного объекта теракта.

Далее сеть Интернета, как и мобильная связь, могут использоваться для координации террористических и криминальных действий. Доказательство этому – на первый взгляд относительно безобидные флеш-мобы, когда сотни человек, чаще всего никак не связанные друг с другом, получив условный сигнал, собираются в обусловленном месте и проводят некую акцию – например, одновременно сбрасывают одежду, выполняют гимнастические упражнения и т.д. – а затем так же быстро расходятся. Очевидно, по той же методе могут организовываться и антисистемные действия, в том числе и насильственного характера.

Наконец, в сети Интернета немало сайтов, объективно содействующих разжиганию расовой, национальной, религиозной, социальной розни, распространению экстремистской идеологии. По сути дела, эти сайты служат поиску и рекрутированию людей, особенно молодежи, в радикальные, антисистемные структуры. Кроме того, в Интернете можно найти информацию о методах осуществления терактов, изготовлении взрывчатых веществ, «советы» начинающим наркоманам и т.д. По данным МВД, в России существует около 185 сайтов, так или иначе связанных с террористической активностью.¹²²

Заккрытие экстремистских сайтов оказывается мало результативным, поскольку они появляются вновь под другими доменными названиями. В США практикуется такой метод, как отслеживание пользователей, регулярно посещающих сайты предположительно связанные с радикально-экстремистскими группировками.

§ 11. Проблемы идеологического обоснования дестабилизаций в современном мире

Ни одна акция по дестабилизации положения в том или ином государстве не осуществляется без определенного идеологического обоснования, которое необходимо как для активных сторонников и участников ИПН, так и для широких масс населения.

Как уже отмечалось выше, в годы холодной войны для США и их союзников идеологическое обоснование дестабилизаций было довольно простым. Достаточно было сослаться на необходимость противостояния коммунизму и прокоммунистическим режимам, советской экспансии и т.д. СССР, в свою очередь, мог обосновывать свои действия интересами борьбы с империалистической реакцией и контрреволюцией и их пособниками.

В мире рубежа XX-XXI веков идеологическая мотивация дестабилизационной политики (порой не имеющая никакого отношения к ее истинным целям) стала значительно более затруднительной. Это связано не только с завершением холодной

¹²² http://www.internet-technologies.ru/news/news_94.html

войны и исчерпанием влияния примитивной антикоммунистической и антиимпериалистической риторики. Не менее значимым фактором стали особенности идеологического развития ведущих стран мира в XX веке.

Первая половина XX века ознаменовалась вовлечением широких народных масс в политическую жизнь, возникновением многочисленных политических партий. Шел процесс подъема и соперничества идеологий – коммунистической, национал-социалистической, социал-демократической, либеральной, консервативной (на смену двум последним позднее пришли неолиберализм и неоконсерватизм). На политической арене действовали также приверженцы относительно маргинальных идей - анархизма, анархо-синдикализма, троцкизма, позднее маоизма и других. При этом для стран демократии идеологии, допускавшие или подразумевавшие установление тоталитарного или авторитарного режима, выступали дестабилизирующим, антисистемным фактором. Для тоталитарных и авторитарных режимов такую же роль играли идеи, предполагавшие утверждение плюралистической демократии, акцент на индивидуальные права и свободы граждан.

Вторая половина XX века, особенно последняя его треть, ознаменовались упадком или дискредитацией большинства идеологий, преобладавших в первой половине века. При этом, однако, ни одно из терявших влияние идеологических течений не исчезло полностью, претерпев значительные трансформации.

Первой потерпела крушение идеология национал-социализма, строившаяся на представлении о превосходстве арийской расы и ее «праве» доминировать над остальными. Военной мощи Германии и ее союзников (в частности, японцев, претендовавших на роль «арийцев Азии») не хватило для завоевания мирового господства.

Сокрушительное поражение в войне Германии и Японии, шок, который претерпели эти нации, привели к тому, что они полностью отrekliсь от своего прошлого. Частью послевоенной Конституции Японии стала статья, запрещающая использование вооруженных сил (сил самообороны) за пределами национальной территории. В Германии и Австрии использование фашистской символики стало рассматриваться как уголовное преступление. Расизм был осужден как противоречащий принципам Устава ООН.

В то же время, идеология национал-социализма не возникла на пустом месте. Она была развитием и возведением в абсолют представлений XIX века о «бремени белой расы», призванной править «неразумными» и «отсталыми» народами колоний (нередко имевших более давнюю историю, чем европейские государства) популярных в Великобритании. Она опиралась на идеи Гегеля о нации как воплощении «абсолютного духа» истории.

Отсечение экстремистского течения национализма не означало его кончины. Националистические и расистские составляющие присутствуют в идеологии так называемых неофашистских партий и движений, выступающих за «чистоту» расы и ее культуры, которым якобы, угрожают инкультурные иммигранты (их число в условиях глобализации рынка рабочей силы, быстро растет). Отдельные неофашистские группы (такие, как движение скинхедов, зародившееся в Великобритании) нередко прибегают к актам насилия против представителей расовых, религиозных и иных меньшинств, дестабилизирующим общество. Со своей стороны, молодежь кварталов, где преобладают иммигранты также прибегают к насилию и вандализму, в ряде стран эксцессы повторяются регулярно.

Более массовые организации, такие как Национальный фронт во Франции, возглавляемый Ле Пеном, не ставят под сомнение принципы демократии, участвуют в

предвыборных кампаниях и даже добиваются успеха. Так на президентских выборах 2002 г. Ле Пен получил рекордно высокий процент голосов, выйдя во второй тур.

С учетом того, что наплыв инокультурных мигрантов, отрицающих ценности страны пребывания действительно тревожит многих граждан развитых стран, единственная форма защиты от наступления ультра националистов для ведущих, традиционных политических партий – частичное заимствование их лозунгов, в частности обещания - ужесточить контроль над миграционными процессами, попытки принудить мигрантов «интегрироваться» в общество. К таким методам в свое время, прибегли М. Тэтчер в Великобритании, Н. Саркози во Франции. Однако эти меры, вызывающие недовольство этнорасовых меньшинств также могут дестабилизировать положение. Показательно, что канцлер ФРГ А.Меркель в 2010 г. признала остроту проблемы мигрантов в Германии и провал попыток построить гармонично развивающееся «мультикультурное» общество. Как она заявила на федеральном съезде молодежного отделения Христианско-социального союза (ХСС): «Мы – страна, которая еще в начале шестидесятых пригласила к себе гастарбайтеров. Сейчас они живут рядом с нами. Мы долгое время вращали себе, что они не останутся здесь навсегда, что когда-нибудь они уедут. Это неправда. И конечно попытка сказать «Давайте-ка сейчас устроим мультикультурализм и будем жить вместе и радоваться друг другу» провалилась. Абсолютно провалилась». Еще резче выступил лидер входящей в правящую коалицию ХСС Х. Зеехофер. По его словам, «ХСС выступает за немецкую ведущую культуру и против мульти-культу. Идея мульти-культу мертва!».¹²³

Национализм присутствует в идеологии многих сепаратистских движений, распространенных в тех районах стран мира, где существуют этнические и религиозные меньшинства. Глобализация также оказала свое влияние на положение национальных регионов. В процессе «деиндустриализации» развитых стран, оптимизации системы международного разделения труда или перехода к рыночной экономике постсоциалистических стран многие территории превратились в «зоны упадка» или не получили тех выгод, которые достались другим регионам. Это породило у части местных элит убежденность, что обретение независимости (или повышение степени автономии) от центральных властей позволит им действовать в рамках глобализованного рынка более успешно. Убедить население соответствующих территорий в том, что виновниками их проблем выступают центральные власти, не составляет больших проблем. В итоге, многие страны столкнулись с проблемой региональных сепаратизмов: Испания (проблема Басконии и, отчасти, Каталонии); Франция (Корсика); Бельгия (конфликт Фландрии и Валлонии); Россия (Чечня, «риски» существуют и в иных субъектах Федерации); Китай (Тибет, Синдзян-Уйгурский автономный округ) и другие. Подъем национал - сепаратистских движений – большая угроза стабильности государств, это доказывает опыт распада СССР, Югославии, Чехословакии.

С крушением СССР и возглавляемого им «социалистического содружества» коммунистическая идеология утратила характер глобального вызова для либерально-демократических стран Запада. Большинство коммунистических партий получавших «интернациональную» поддержку от СССР прекратили свое существование, слились с «системными» партиями социал-демократической ориентации или превратились в малочисленные сектантские группы, не имеющие серьезного политического влияния. Страны, не отказавшиеся от социалистических ценностей (Китай, Куба, Северная Корея, Вьетнам) пока не стремятся к их экспорту, кроме того по мере развития рыночной экономики они неизбежно приходят к углублению социальной

¹²³ С. Сумленный. Мигранты ответят за все. Эксперт № 42 (726)/25 октября 2010 г. http://www.expert.ru/printissues/expert/2010/42/migranty_otvetyt_za_vse?esr=17

дифференциации и эрозии уравнительно - эгалитаристской политической фразеологии.

В то же время среди интеллектуалов, молодежи сохраняются надежды на возможность построения более справедливого, чем либеральный капитализм общества, которое действительно будет строиться на принципе «равных возможностей», а не наследовании привилегий принадлежности к деловой, политической и военной элите. Какое-то время эти надежды ассоциировались с политикой социал-демократии (демократов в США), стремившейся придать рыночной экономике социально ориентированный характер.

Социал-демократы в 1950-е – 1970-е гг. действительно изменили облик большинства стран Запада. Классическим примером выступала шведская модель социализма. Она обеспечила снижение разрыва в доходах высшего и низшего децилей населения до пропорции один к четырем, чего не было даже в СССР. Использовались такие методы как дифференцированная шкала налогов, высочайший уровень налогов на наследство, налоги на недвижимость, высокий уровень минимальной зарплаты, пособия малоимущим, развитая система социальной защиты, участие работников в прибылях корпораций и т.д. Однако со временем социал-демократический путь развития утратил поддержку общественности. Фактически социал-демократы выполнили свою социальную функцию, устранили те социальные антагонизмы, которые К.Маркс и Ф.Энгельс считали органически присущим капитализму пороком. Своего рода новой модой стали неолиберальные и неоконсервативные взгляды, давление которых стало преобладающим в 1980-1990-е гг.

Формирование массового «среднего класса» (от 1/2 до 2/3 населения) состоящего из людей, способных обеспечивать себе не только удовлетворение базовых потребностей, но и некоторый избыток доходов, во многом был следствием «леволиберальной», социал-демократической политики. Однако именно этот класс стал уязвимым для праволиберальной (неоконсервативной) идеологии. Основные ее постулаты были предельно простыми. Избирателей убеждали в том, что они платят слишком большие налоги, содержат бездельников, не желающих трудиться и живущих на пособия, а также чиновников, которые недостаточно эффективно управляют слишком разросшейся государственной собственностью. Ведущие экономисты, лауреаты Нобелевских премий доказывали, что экономия на государственных расходах, возвращение ключевой роли собственникам позволят повысить эффективность производства, сделать товары массового спроса более дешевыми и доступными.

Неоконсервативная волна, наступление которой ознаменовали приход к власти М. Тэтчер в Великобритании (1979 г.) и Р. Рейгана в США (1980 г.) на время стала доминирующей в идеологии и политике стран Запада. Такие меры как приватизация жилья, части государственного сектора, содействие в развитии мелкого и среднего бизнеса, экономия на социальных программах, передача ряда функций, ранее выполнявшихся муниципальными службами частному бизнесу (ремонт улиц, уборка мусора и т.д.) оказались довольно эффективными. В 1980-2000 гг. страны Запада развивались довольно высокими темпами, без существенных кризисов и спадов. При этом демократы в США, лейбористы в Великобритании, социалисты и социал-демократы в государствах континентальной Европы вынужденно приняли на вооружение неоконсервативные (неолиберальные) методы и выдвинули концепцию «третьего пути». Она предполагала, что используются методы, приносящие позитивные результаты, без учета каких-либо идеологических соображений и ограничений. Фактически левоцентристские партии быстро утрачивали свое «идеологическое лицо»,

что открыло им путь к участию в коалиционных правительствах, но привело к падению их влияния на избирателей.

Разумеется, социал-демократы не исчезли с политической арены, они остаются довольно влиятельной силой в современном мире. Тем не менее, как констатировал на состоявшейся в 2010 г. в Институте Европы РАН конференции «Кризис европейской социал-демократии: причины, формы проявления, пути решения» В.Я. Швейцер, один из ведущих отечественных экспертов по социал-демократии, ее идейно-политическое ослабление продолжается и в XXI веке. Показателем этого он справедливо считает итоги выборов в Европарламент в 1999, 2004 и 2009 гг., где представительство социал-демократов неуклонно снижалось, а их основных конкурентов – демохристиан и консерваторов – возрастало. По мнению В.Я. Швейцера основная причина трудностей социал-демократии состоит в следующем: «Движение оказалось без значимых в европейском и международном масштабе фигур, с нечетко формулируемыми идеями, с трудностями организационного характера, с усилившимися в период кризиса разногласиями как внутри партий-членов, так и между ними».¹²⁴

Ортодоксальная либерально-рыночная идеология казалась, утвердилась надолго, если не навсегда. Однако ряд факторов подрывал ее влияние. Прежде всего, опыт постсоциалистических стран, в том числе и России, некритически принявших на вооружение либеральные догмы уже в 1990-е гг. показал, что следование им может приводить к крайне негативным последствиям. Азиатский кризис 1997 г., дефолт 1998 г. в России, экономическая катастрофа в Аргентине наглядно продемонстрировали, что рекомендации Международного валютного фонда (МВФ) основанные на тезисе о том, что свобода действия факторов рыночной экономики освобожденной от государственного контроля дает оптимальные результаты, оказались несостоятельными. Еще очевиднее это стало после начала в 2008 г. глобального финансового кризиса. Крах рыночного либерализма оказались вынуждены признать политики и аналитики ведущих стран мира, до этого с энтузиазмом отстаивающие его правильность. «Фундаменталисты считают, что рынок тяготеет к равновесию и что преследование участниками рынка личных интересов в наибольшей степени отвечает интересам общественным. Это неверно, потому что от кризиса финансовые рынки всегда спасало вмешательство властей», - заявил Дж. Сорос. «Идея, что рынки всегда правы — безумная идея. Идея невмешательства государства умерла. Идея всемогущих рынков умерла», - заявил президент Франции Н. Саркози.¹²⁵

«Пожарные» меры, призванные предотвратить перерастание кризиса в экономическую катастрофу (поддержка ведущих банков и корпораций, введения контроля над их деятельностью) не имели ничего общего с идеологическими установками правящих политических партий.

Кризис неолиберализма был особенно зримым на фоне экономических успехов таких стран, как Китай, Малайзия, Вьетнам, Индия, ряда исламских государств, которые не следовали рекомендациям МВФ, сохраняли высокий уровень государственного контроля над экономикой. Экономические потрясения развитых стран Запада их почти не затронули. Китай смог компенсировать падение доходов от экспорта за счет расширения внутреннего потребительского и промышленного спроса.

Фактически политика ведущих «системных» партий стран Запада стала определяться не идеологией, а прагматическими соображениями, определяющимися

---

¹²⁴ Социал-демократия в современном мире. Материалы международной научно-практической конференции «Кризис европейской социал-демократии: причины, формы проявления, пути решения». Москва, 19 апреля 2010 г. М., 2010, с. 52.

¹²⁵ <http://ru.wikipedia.org/wiki/>

необходимостью заглушить последствия глобального кризиса, не дать наступить его «второй» волне. Необходимость уменьшить дефицит государственных бюджетов понесших значительные потери после выделения значительных средств на поддержку экономики, заставляет проводить политику жесткой экономии на социальных расходах. При этом, стоящие у власти левоцентристские партии, входящие в Социнтерн (например, ПАСОК в Греции) оказываются вынуждены игнорировать массовые протесты трудящихся. Кризисное состояние системы пенсионного, медицинского обеспечения побуждает ведущих политиков, безотносительно к их идеологическим предпочтениям, отстаивать «пожарные» меры по их модернизации.

По сути дела большинство стран мира переживают «деидеологизацию» под которой следует понимать упадок ранее ведущих идеологий при отсутствии им приемлемых для массового сознания альтернатив. Об этом явлении, еще в 1970-е гг. писал известный американский социолог Д.Белл, однако он не смог предвидеть предстоявшего подъема ныне основательно дискредитированных идей неolibеральной ортодоксии. Но применительно к современным условиям данный термин вполне уместен. Ряд ведущих ученых уже обратили внимание, на тот факт, что в ходе предвыборных кампаний избиратели сопоставляют не столько содержательную сторону обещаний соперничающих партий, сколько личные качества конкурирующих лидеров, красочность и экзотичность их предвыборных шоу.

Произошедшая деидеологизация с точки зрения дестабилизаций имела неоднозначное значение.

В ведущих странах мира возник определенный идеологический вакуум, которые начали постепенно заполнять идейные течения, имеющие деструктивный характер по отношению к существующему строю, общественно-политическому порядку. Россия в 1990-е гг. уже пережила этот этап развития, ныне он охватывает страны Запада. Эти течения разобщены, не имеют единой доктрины но, тем не менее, обладают определенным потенциалом развития. К их числу можем быть отнесен религиозный (не только исламский) фундаментализм; религиозное сектанство; региональный национализм и сепаратизм; неофашизм; некоммунизм; ортодоксальный экологизм и антиглобализм; анархизм и т.д.

Универсально-привлекательных, наподобие «борьбы с коммунистической экспансией» или «империалистической агрессией» «наступательных» инструментов стратегии дестабилизации не осталось. Сохраняется возможность поддержки извне антисистемных движений существующих в отдельных странах, однако и с этим все не так просто. Большинство этих движений достаточно универсально, имеет глобальную систему связей. Соответственно, их усиление в одном регионе мира незамедлительно негативно сказывается на стабильности большинства государств. Не случайно в 2010 г. массовые протестные движения против экономии средств на социальных нуждах, начавшиеся в Греции, быстро перекинулись на Францию, Италию, Великобританию. Не следует забывать и исторический опыт кайзеровской Германии, поддержавшей большевиков и получившей в ответ «спартаковскую» революцию, инициированную Советской Россией.

В ситуации глобального кризиса и его пока непреодоленных последствий, единственно более или менее привлекательной остается идеология защиты национально-государственного интереса, оправдывающая и обосновывающая политический прагматизм. Однако содержание этой идеологии может варьироваться, приобретая, в том числе деструктивный для других стран характер. Большинство антисистемных, т.е. стремящихся нарушить нормальное, конституционное течение политических процессов сил склонно ограничиваться простыми и понятными рядовым обывателям обвинениями в адрес своих оппонентов. Это, обычно, упреки в

коррупционности, проведении политики, противоречащей национальным интересам, ущемляющей интересы рядовых граждан, нарушающей права человека и т.д.

§ 12. *Меняющаяся роль государства в осуществлении политики дестабилизации*

Привычным со времени «холодной войны» стало восприятие кризисной ситуации в любом государстве как следствия внешнего воздействия со стороны того или иного недружественного государства. В мире рубежа XX – XXI веков положение существенно осложнилось, поскольку исходное инициирование политической нестабильности перестало быть прерогативой только государств. Последним нередко приходилось определять свою позицию уже пост-фактум, после обострения ситуации в том или ином регионе.

С этой точки зрения, возникавшие ситуации ИПН периода после завершения холодной войны, можно разделить на три группы.

Во-первых, непосредственно инициированные теми или иными государствами.

Во-вторых, возникших в силу преимущественно внутренних причин, при ограниченной зарубежной поддержке.

В-третьих, инспирированные частью правящей элиты государства, отношение к которым внешних сил формируется в процессе развития ситуации.

Принято считать, что чаще всего после распада СССР к инициированию политической нестабильности в других государствах прибегали США. Действительно именно это государство неоднократно провозглашало своей официальной доктриной содействие распространению демократии, защиту прав человека в их либерально-демократическом понимании.

С одной стороны, американская политическая и научная элита исходила из идей эпохи Просвещения о том, что существуют «естественные права» человека к обеспечению которых стремятся народы, принадлежащие ко всем без исключения цивилизациям. Согласно этому убеждению, укрепившемуся после быстрого крушения «реального социализма» достаточно небольшого толчка извне, чтобы сохраняющиеся недемократические или не вполне демократические режимы сменились на подлинную демократию. С наибольшей степенью откровенности возобладавшие в США взгляды на перспективы мирового развития выразил в 1992 г. аналитик японского происхождения Ф. Фукуяма, провозгласивший скорее наступление «конца истории», унификацию жизни человечества, которое объединит приятие общих ценностей либеральной демократии и рыночной экономики.¹²⁶

С другой стороны, с точки зрения догматов американской политической науки, утвердившейся также в начале 1990-х гг., Соединенным Штатам выгодно всемерное распространение демократии, поскольку политика принявших ее стран более предсказуема, они не склонны прибегать к вооруженной силе друг против друга. Эта концепция, разработанная одним из ведущих политологов США, бывшим деканом факультета политологии Йельского университета Б. Рассетом,¹²⁷ стала одним из аргументов обоснования официальной доктрины утверждения демократии в глобальном масштабе.

В чем-то идеология правящих кругов США 1990-х гг. напоминала установки партии большевиков после их прихода к власти в октябре 1917 г. Та же вера в близость «мировой революции» (только не социалистической, а либерально-

¹²⁶ См. Y.F Fukuyama. The End of History and the Last Man. Free Press, 1992.

¹²⁷ См. B. Russet. Controlling the Sword. The Democratic Governance on National Security. Cambridge, Massachusetts, 1990.

демократической), убежденность в том, что небольшого толчка «извне» достаточно, чтобы рухнули все противящиеся ей силы.

Существует и аналогия с деятельностью Коминтерна. В странах Запада сложилась весьма влиятельная сеть НПО (многие из них получают государственные субсидии), основной акцент в деятельности которых делается на правозащитную деятельность, разоблачение нарушений прав человека недемократическими режимами, поддержку единомышленников в странах с авторитарными режимами. Практически во всех из них существуют группы людей, как молодых энтузиастов демократии, так и достаточно известных политиков из стран с авторитарными режимами (многие из них живут в эмиграции) по разным мотивам оказавшимся в оппозиции к власти. Как пишет Ф.Фукуяма, «к началу XXI века возникла широкая международная инфраструктура, призванная помогать народам в проведении первичного перехода от авторитарного правления к демократическому».¹²⁸

При этом разумеется, не только США, но и союзные им страны НАТО, особенно активно Великобритания, прилагали значительные усилия для «экспорта демократии». Однако при этом – и здесь сказывался прагматизм государств Запада, в том числе и в сфере идеологии – применялся выборочный поход, получивший название политики «двойных стандартов» (в действительности, этих стандартов было больше).

Например, многие аналитики, а также правозащитные НПО выражали озабоченность положением с правами человека в Китае, предлагали провести комплексную операцию по его дестабилизации. Так, американский эксперт К. Менгес доказывал, что рост военной мощи Китая и расходы по его «сдерживанию» будут большими, чем затраты на его дестабилизацию. Предложенный им сценарий, предполагающий субсидии на поддержку оппозиции, создание «парламента в изгнании» и т.д. был рассчитан на срок 12-20 лет и требовал, по его расчетам примерно 3,6 млрд. долл. ежегодно.¹²⁹

Однако кроме чисто символических протестов по поводу репрессий в Китае, официального приема далай-ламы, призванных «умиротворить» наиболее активных правозащитников, официальный Вашингтон никаких мер против Китая предпринимать не стал. Слишком велика была заинтересованность в сохранении стабильности КНР, гарантирующей защищенность инвестиций американских ТНК в этой стране. И вообще в глобализированном, экономически взаимозависимом мире дестабилизация крупного государства, играющего заметную роль в мировой экономике опасна, чревата возникновением «волны хаоса», способной захлестнуть ведущие державы мира.

Показательна также полнейшая индифферентность правозащитных НПО и правительств стран Запада по поводу положения в государствах Африки. Этот постоянно сотрясаемый межрелигиозными, межэтническими конфликтами и переворотами континент находится, словно на другой планете. Гибель миллионов человек от голода, болезней и особенно войн редко освещается мировыми СМИ. Даже пиратство, процветающее вблизи африканских берегов (не только Сомали) наносящее урон мировым торговым коммуникациям скорее представляется СМИ как забавный эпизод, чем как акции, требующие массированного применения сил НАТО. Наличие в африканских странах баз подготовки международных террористов также не воспринимается как достойный повод для принятия силовых мер.

---

¹²⁸ Ф.Фукуяма. Америка на распутье. Демократия, власть и неоконсервативное наследие. М., 2007, 181-182.

¹²⁹ См. К. Менгес. Китай. Нарастающая угроза. М., 2006, Изд. «Независимая газета», с. 566.

Все внимание к проблемам Африки сводится к поддержке благотворительности и списанию долгов (которые все равно невозможно получить), оказанию весьма дозированной поддержки весьма ограниченными по масштабам миротворческими акциями, проводимыми Африканским союзом.

Здесь видимо, также сказывается прагматизм. Как показал провал операции «Возрожденная надежда» в Сомали (1992 г.) любые военные операции в Африке в районе экватора чреватые серьезными потерями, к которым страны Запада относятся весьма болезненно. Перспективы создать в охваченных межплеменными раздорами государствах сколько-нибудь стабильное правительство (кроме жесточайшей диктатуры) весьма сомнительны. Возможности идеологического влияния на население государств, живущего на грани выживания, где в сельской местности нет ни телевизоров, ни радиоприемников отсутствуют. В то же время, непосредственной военной угрозы державам Запада ни одна из стран Африки пока не представляет.

В XXI веке распространение демократии «вширь», недавно носившее беспрецедентные масштабы, практически остановилось.¹³⁰ Более того, во многих странах наметились попятные движения.

Идеалы демократии для многих людей (также как и идеалы, связанные с социальным равенством) сохранили свою притягательность. Однако практика реализации демократических идей в странах, принявших их, на поверку оказалась сложным и внутренне противоречивым феноменом. Возникло множество несхожих форм общественного устройства, объединяемых лишь внешними, во многом формальными, процедурными атрибутами демократии. Типологическое разнообразие стран «третьей» (или «последней») волны демократизации стало зачастую выражаться во множестве несовершенств нестабильных политических систем, возникших в процессе имитации «эталонных» образцов демократии.

Многие политики и аналитики стали признавать, что многие страны совершенно не готовы принять идеалы западной демократии. Это в частности относилось и к России, внутренняя и внешняя политика которой, с начала XXI века, стала рассматриваться во многих странах НАТО как не отвечающая демократическим стандартам.

Бесспорно, что уровень активности гражданского общества, развития независимой от власти партийно-политической системы в Российской Федерации намного ниже, чем в странах Запада. Это ведет к тому, что в политической жизни наибольший вес приобретает позиция высшего звена административной, управляющей элиты, что характерно скорее для авторитарных, чем демократических режимов. Однако иной альтернативы кроме анархии, пока не завершится процесс развития и структурирования институтов гражданского общества (в странах Запада он занял не менее полутора веков), не существует. Это очень хорошо известно серьезным политикам государств НАТО. Как говорил, например, посол Великобритании сэр Р. Брейтуэйт «Русскому народу потребуется не одно поколение, чтобы освободиться от бремени авторитарных, милитаристских и сосредоточенных на самом себе государственных традиций прошлого и сменить их на либеральные политические и экономические ценности, более созвучные современному миру и месту в нем России».¹³¹

¹³⁰ С 1978 по 1988 г. число стран, определяемых американской организацией Freedom House как «свободные», т.е. обладающими дееспособными демократическими институтами и соблюдающими базовые права человека, возросло с 47 до 60, с 1988 по 1998 до 88. За следующее десятилетие – лишь до 89. См.

<http://freedomhouse.org/template.cfm?page=130&year=2009>.

¹³¹ Цит. по: О.Н. Быков. Международные отношения. Трансформация глобальной системы. М., 2003, с. 490.

Иначе говоря, политическая элита стран Запада прекрасно понимает, что в современной России, учитывая ее реалии, в принципе не может сложиться либеральная демократия, аналогичная западноевропейским или североамериканским образцам. Соответственно, призывы «вернуться к демократии», сопровождающиеся выражением симпатии оппозиционным политическим деятелям «поколения 1990-х» отражают желание видеть Россию XXI века такой, какой она была пятнадцать лет назад: слабеющей, зависящей от зарубежных кредитов, не имеющей четких ориентиров во внешней политике.

При этом ряд американских экспертов выражал убежденность в том, что реализация экстремистских подходов по отношению к России – простирающихся до предложений содействовать ее распаду - не будет отвечать интересам США. Как писал, например, в 2005 г. сотрудник Фонда Наследия А.Коэн: «Холодная война оставила в Вашингтоне свое наследие. Кое-кто в США все еще рассматривает Россию как вечно зловещую имперскую державу... Кое-где... мечтают о распаде России на регионы: северокавказский, дальневосточный, сибирский и другие. Эти люди не видят опасности, которую хаос в вооруженных силах России представит для всего мира. Если Россия распадется, от этого выиграет Китай и исламистские круги... Ядерное оружие сможет попасть в руки экстремистов... Все это не в интересах Америки».¹³²

Удары, причем с прямым использованием военной силы (прямая аналогия с попытками «экспорта революции» Советской Россией в Польшу) были нанесены по Афганистану (2002 г.) и Ираку (2003 г.), где не ожидалось серьезного военного сопротивления, где интересы корпораций США фактически отсутствовали. По мнению Н. Кляйн расчет правящих кругов США, как и ранее в войне, развязанной против Сербии, состоял в том, чтобы демонстрацией абсолютного преимущества в военной мощи вызвать «шок и трепет», сломать культурную, цивилизационную матрицу восприятия реальности. Затем как это было в Германии и Японии после их поражения в мировой войне, привести к власти лояльные США демократические режимы, которые могли бы гарантировать безопасность инвестиций в нефтяные богатства Ирака и залежи редкоземельных металлов Афганистана.¹³³

Однако в Вашингтоне явно недооценили как готовность иракцев сопротивляться оккупации, так и сложность положения в этой стране. Нет никаких гарантий, что после вывода большей части войск США и их союзников из Ирака возникшее в этой стране так называемое демократическое правительство удержится у власти, сможет предотвратить возникновение конфликта между суннитами и шиитами в центре и на юге страны, трений между иракцами и курдами, живущими на севере Ирака. Правда полного вывода войск США из Ирака не будет. Соглашение об этом между Вашингтоном и Багдадом было достигнуто еще при администрации Дж. Буша-мл. в ноябре 2008 г. Согласно его условиям силы коалиции должны были покинуть Ирак к концу 2011 г. Б.Обама 27 февраля 2009 г. заявил об установлении 19-месячного срока для ухода из Ирака, что лишь незначительно отличается от решения предыдущей администрации. Боевые части были выведены к августу 2010 г., но сроки вывода остающегося 50-тысячного контингента вообще не оговорены.¹³⁴

Еще более сложная ситуация сложилась в Афганистане. В Вашингтоне не учли, что афганские племена, особенно пуштуны, не привыкли никому подчиняться

---

¹³² А. Cohen. Competition over Eurasia: Are the US and Russia on a collision course? Heritage lecture, # 901, October 24, 2005.

¹³³ Н. Кляйн, С. 425-445.

¹³⁴ <http://www.lenta.ru/news/2009/09/30/withdraw/>

и имеют опыт войны с современной армией. После ухода войск СССР они сохранили значительное количество оружия, в том числе и для борьбы с воздушными целями, ранее предоставленное им американскими спецслужбами для борьбы с советскими «интернационалистами».

Реалистичность идеи Б.Обама о возможности, выведя войска из Ирака, сконцентрировать усилия на достижении скорейшей победы в Афганистане, уже оспаривается многими экспертами. Несмотря на то, что войска США и их союзников ведут боевые действия против сил движения «Талибан» и Аль-Каиды уже более восьми лет их успехи носят весьма скромный характер. В специальном докладе бывшего командующего Международными силами содействия безопасности генерала С.Маккрисчала, который стал достоянием гласности, констатировалось, что если силы НАТО не перехватят инициативу в ближайшее время, возникнет ситуация, при которой «победа над мятежниками станет невозможной». Генерал, ныне подавший в отставку, ставил вопрос о необходимости дополнительных подкреплений к 100-тысячному оккупационному корпусу (летом 2009 г. он уже пополнился на 30 тыс. чел.) и увеличении численности войск прозападного правительства Х. Карзая с 92 до 240 тыс. человек.¹³⁵ Однако, не говоря уже о том, что все это потребует значительных расходов, многие союзники США по антиталибской коалиции (в частности, Италия, ФРГ, Канада) предпочли бы вывести свои контингенты из Афганистана, а не усиливать их. В самих США уже больше половины американцев считают затраты на войну в Афганистане неоправданными.¹³⁶

Война в Афганистане, угрожает обернуться для США более тяжкими последствиями, чем поражение в «грязной войне» в Индокитае. Как заявил министр обороны Соединенных Штатов Р. Гейтс: «Талибан» и «Аль-Каида», по их мнению, уже победили одну супердержаву (СССР). Если они сочтут, что победили вторую, это будет иметь катастрофические последствия в смысле активизации экстремизма, набора новых последователей, расширения операций, финансирования терроризма, и так далее. Я думаю, это станет громадной неудачей для США».¹³⁷ К этому можно добавить, что успехи талибов в Афганистане, скорее всего, приведут к резкому обострению ситуации в сопредельном Пакистане, являющемся ядерной державой.

Действительно, расчеты администрации Дж. Буша-мл. на то, что после захвата Кабула и разгрома основных сил «Талибана» и «Аль-Каиды» в Афганистане удастся создать стабильное демократическое правительство поддерживаемое большинством населения, способное самостоятельно противостоять экстремизму, оказались несостоятельными.

Талибы, имеющие поддержку у пуштунских племен живущих на границе Афганистана и Пакистана, сумели, используя тактику партизанских действий, смертников-террористов, держать силы коалиции в постоянном напряжении. Ответные удары, наносимые в основном с воздуха по территории Афганистана и Пакистана, вели к жертвам среди мирного населения, что не повышало его симпатий к иностранным войскам и правительству в Кабуле.

Обеспечить утверждение дееспособной демократии в Афганистане не удалось. Правительство Х.Карзая никогда не контролировало всю территорию страны находящуюся под властью племенных вождей и полевых командиров. По уровню борьбы с коррупцией Афганистан занимает 176 место в мире (из 180), он стал центром наркоторговли в глобальном масштабе: на его долю приходится 93 %

¹³⁵ <http://www.kavkazcenter.com/russ/content/2009/09/22/68154.shtml>

¹³⁶ http://www.bbc.co.uk/russian/international/2009/08/090831_afgan_strategy_report.shtml

¹³⁷ http://www.infox.ru/authority/foreign/2009/09/27/SSHA_boyatsya_chno_.phtml

всего производимого на нашей планете опиума. Как считает П. Скотт, профессор Калифорнийского университета, командование войск коалиции не ведет борьбу с наркоторговлей по двум основным причинам. С одной стороны, выращивание опийного мака является единственным источником дохода большинства афганских крестьян, приносит в страну примерно 4 млрд. долл. ежегодно, что составляет более половины ее ВВП. С другой стороны, скупка и сбыт наркотиков контролируются влиятельными вождями кланов, непосредственным окружением Х. Карзая, которые являются союзниками США.¹³⁸

По мнению П. Скотта в США существовали надежды, что на президентских выборах в Афганистане (состоялись 20 августа 2009 г.) удастся не только подтвердить легитимность афганской демократии, но и обеспечить замену Х. Карзая. Во всяком случае, из 14 кандидатов пятеро были гражданами США.¹³⁹ Однако выборы отнюдь не стали торжеством демократии. Они сопровождались волной насилия со стороны талибов, масштабы фальсификаций и подтасовок голосов поразили даже искушенных наблюдателей из стран Евросоюза. По их оценке было сфальсифицировано до 1,5 млн. бюллетеней (25 % их общего числа), в основном – в пользу Х. Карзая, что обеспечило ему победу в первом туре.¹⁴⁰

Новая стратегия, разрабатываемая Вашингтоном для Афганистана, скорее всего, будет построена на отказе от попыток демократизировать эту страну и признании существующих в ней реальностей.

По мнению Ф. Фукуяма, не слишком удачные для США и их союзников последствия «демократизации» Ирака и Афганистана военным путем, приведшие к вовлечению стран Запада в конфликт с силами сопротивления оккупации, должны привести к пересмотру глобальной стратегии Соединенных Штатов. Ее основой должно стать применение «мягкой мощи» (иначе говоря – инициирование ситуаций политической нестабильности), с опорой на силу контролирующихся США международных институтов.¹⁴¹

При этом как считает Ф. Фукуяма, опыт последних лет свидетельствует, что применение «мягкой мощи» выступает более эффективным средством установления контроля над недружественными США странами, чем применение военной мощи. Именно благодаря применению гибких методов, считает этот аналитик, в 2003 г. в Грузии, в 2004-2005 гг. на Украине произошли «цветные революции», в результате которых в этих странах СНГ к власти пришли лидеры, не скрывавшие своего стремления к сближению с НАТО и дистанцированию от России. Причем как отмечает Ф. Фукуяма в своей книге «Америка на распутье»: «В каждом из этих случаев внешняя поддержка была решающей».¹⁴² К формам такой поддержки со стороны США Фукуяма относит использование сети международных наблюдателей, финансирование средств массовой информации и тех институтов гражданского общества, которые были заранее подготовлены для обеспечения поддержки «цветных революций». Тактика очень проста: результаты выборов, если они оказываются неблагоприятными для поддерживаемого США кандидата, объявляются фальсифицированными, организуются массовые народные волнения, выливающиеся в ненасильственную революцию. Впервые подобная тактика, считает

¹³⁸ П. Скотт. Афганистан: опустошенное героинным государством. <http://www.vkimo.com/node/364>

¹³⁹ Там же.

¹⁴⁰ <http://www.lenta.ru/news/2009/09/30/out/>

¹⁴¹ Ф. Фукуяма. «Америка на распутье. Демократия, власть и неоконсервативное наследие». М., 2007, с. 251.

¹⁴² Там же, с. 182.

Фукуяма, была успешно использована в 2000 г. для свержения режима С. Милошевича в Сербии.¹⁴³

Ряд отечественных исследователей с большой степенью серьезности воспринимают подобные суждения. Как отмечалось в «Независимом военном обозрении» «Опыт локальных войн и других вооруженных конфликтов последних десятилетий XX века свидетельствует о появлении нового типа войн, имеющих нетрадиционный характер. Если раньше основная ставка делалась на разгром вооруженных сил противника и захват его территории, то сейчас все большее значение приобретают «непрямые» действия, когда для достижения политических, экономических и военных задач применяются средства и методы функционально-структурного поражения. Для завоевания стратегической инициативы могут использоваться дипломатические, информационно-психологические, разведывательные, диверсионные и иные способы воздействия на противоборствующую сторону. В сочетании с «классическими» видами оперативного искусства, операции специального характера позволяют выбирать оптимальные формы решения поставленных задач. По мере усложнения структуры военного и невоенного противоборства роль специальных действий будет возрастать, при этом основная тяжесть борьбы перемещается в сферу непрямых силовых операций».¹⁴⁴

Все, однако, не так просто как представляется Ф. Фукуяме и ряду отечественных экспертов. Бесспорно в странах, относительно недавно вступивших на путь демократии, стремящихся «доказать» мировому сообществу свою приверженность демократическим ценностям возникновение массовых протестных движений против «коррупцированной» или «реакционной» власти действительно может вызвать так называемую «ненасильственную» революцию. То же самое может случиться в государствах с авторитарными режимами, прогнившими настолько, что они уже даже не могут рассчитывать на безоговорочную поддержку силовых структур.

Однако руководители стран, которые действительно несут в себе определенный вызов мировому лидерству США, отнюдь не стесняются отвечать на попытки «дестабилизаций» жесткими мерами, не боясь навлечь на себя ярлык «противников демократии». Так Китай не остановился перед использованием танков против тысяч сторонников демократизации страны на площади Тянанмынь в 1989 г. У. Чавес, президент Венесуэлы, опирающийся на поддержку армии и беднейших слоев населения, не раз демонстрировал свою решимость прибегать к жестким мерам против оппозиции. Президент Ирана М. Ахмаденижад без особых проблем подавил «уличные» выступления своих противников, организовавших массовые выступления после выборов 2010 г.

И не случайно против Ирака и Афганистана была использована военная сила. «Дестабилизировать» режим талибов, как и С. Хусейна было крайне сложно, равно как и не имеет смысла прибегать к ИПН против информационно закрытой и откровенно недружественной США Северной Кореи. Не случайно в США ряд стран были отнесены к «оси зла» - по сути дела, это государства, на которые повлиять методами дестабилизации в существующей ситуации непросто. Со временем, после траты миллиардов долларов – может быть, но дешевле обошлась бы военная операция.

---

¹⁴³ Там же.

¹⁴⁴ Малеванный В. «На острие удара. Создание войск специальных операций и единого командования спецназа повысит боевые возможности Вооруженных сил» / Независимое военное обозрение – 2001, № 5.

Можно задуматься и о том что, строго говоря, дестабилизировать коррумпированные авторитарные или неустойчивые псевдодемократические режимы мало смысла. Слишком велика вероятность, что к власти придет очередная имитирующая демократию «команда» коррумпированных лидеров, готовых продать все и вся за продление своей власти.

Не случайно в современных военных доктринах США информационное воздействие рассматривается как важный, но все же не первичный фактор. В долгосрочной Концепции развития вооруженных сил США на период до 2010 г. (была принята в 1996 г.) говорилось, что информационное превосходство является решающим фактором победы в войнах нового типа. Как отмечалось в Концепции, «Достижение информационного превосходства требует ведения оборонительной и наступательной информационной войны (ИВ). Наступательная информационная война подрывает возможности противника по сбору и использованию информации. Она будет включать традиционные методы, такие, как точечные атаки для уничтожения командных пунктов и центров управления войск противника и нетрадиционные методы, например электронное вторжение в сети информации и управления с тем, чтобы сбить с толку, запутать, или ввести в заблуждение лиц, принимающих решения у противника. Нет сомнений, что наши усилия по достижению и сохранению информационного превосходства вызовут концентрацию усилий противника по прорыву в наши информационные системы. Создание возможностей ведения оборонительной информационной войны в защиту наших способностей вести информационные операции станут важнейшей задачей будущего. Традиционные оборонительные методы ИВ включают стандартные меры безопасности и использование кодов. Нетрадиционные методы будут варьироваться от антивирусной защиты до новых методов защиты информации».¹⁴⁵

Таким образом, в среде американских военных термин «информационная война» трактовался крайне узко по сути дела, он означал – информационное обеспечение театра военных действий. Несколько более широкое понимание данного термина проявляют руководители российских Вооруженных сил. Как заявил А. Бурутин, зам. начальника Генштаба ВС РФ на форуме «Информационные решения для безопасности России» (2008 г.), «В обозримом будущем достижение конечных целей войн и вооруженных конфликтов будет решаться не только уничтожением войск и сил противника, сколько за счет подавления его государственного и военного управления, навигации и связи, воздействия на другие информационные объекты, от которых зависит стабильность управления государством... На первый план выходят действия, результаты которых достигаются за счет технологического и, главным образом, информационного превосходства».¹⁴⁶

Значительно более широкое определение информационных войн дают эксперты стран СНГ, в частности, Г. Почепцов. По его мнению, это «коммуникативная технология по воздействию на массовое сознание с кратковременными и долговременными целями».¹⁴⁷ Отсутствие в данном определении ссылки на субъекты подобного воздействия, предполагает, что информационные войны могут вестись не только между государствами, но и политическими партиями, конкурирующими фирмами и т.д.

Это бесспорно (особенно на уровне фирм), но возникает вопрос – не возникает ли ситуация, при которой специалисты по информационным войнам и психологическим воздействиям начинают внушать лидерам своих государств мысль о «сверхценности»

¹⁴⁵ Цит. по: Загладин Н.В. США: общество, власть, политика. М., 2001, с. 206-207.

¹⁴⁶ <http://www.peacekeeper.ru/ru/index.php?mid=5454>

¹⁴⁷ Г.Почепцов. Информационные войны, с. 20.

своих советов, побуждая их предпринимать “антидестабилизационные» меры без особой необходимости, вызывая опасные для международной стабильности и развития собственного общества ситуации?

Ответить на этот вопрос можно, лишь предметно рассмотрев тактику действий по дестабилизации.

Глава 4. Приемы и методы дестабилизаций, вероятность противодействия

§ 13. Инициирование политической нестабильности

Говоря о возможностях дестабилизации того или иного государства мы подразумеваем **инициирование политической нестабильности (ИПН)**. В течение нескольких столетий в различных открытых и тайных политических конфликтах накапливался опыт осуществления ИПН. Развитие социальных наук, широкое распространение методов математического анализа в исследовании социально-политических и экономических процессов, а также усложнение приемов ведения тайных операций, создание мощнейших структур государственных и коммерческих спецслужб, оснащенных новейшими техническими средствами и стало той средой, в которой зародилось искусство дестабилизации общества.

Одной из основных составляющих инициирования кризисной ситуации является проведение **наступательных информационных операций (НИО)**.¹⁴⁸ Проведение ИПН современного типа стало возможным с начала двадцатого столетия, когда человечество получили широкое распространение массовые печатные СМИ, появился кинематограф и беспроводный телеграф. Возможности этих средств коммуникации в полной мере были оценены военными и политическими кругами ведущих индустриальных государств. Поскольку ИПН направлен на развал институциональных структур заданного объекта, то рассматриваемый тип воздействия возможен только при распаде сложившихся социокультурных моделей поведения основной массы населения заданных территорий, возникновении кризиса идентичности. Так применительно к государствам осуществляется простая схема: mass media начинают информационное воздействие, имеющее своей целью формирование такой модели мира в сознании людей, которая побуждает их к действиям, направленным на изменение существующего социально-политического положения в своей стране.

Вокруг объекта ИПН с помощью психологического, социального, экономического, политического, правового и информационного давления создается определенная коммуникативная среда что, в конце концов, ведет к ожидаемому сдвигу в политическом поведении граждан. На СМИ возлагается решение двух основных задач. Это формирование у населения заданных территорий с одной стороны, ощущения тупиковости, бесперспективности существующего пути развития общества. С другой – иллюзии о возможности быстрого решения всех проблем радикальными и противозаконными с точки зрения норм существующего общества методами.

Для достижения результатов в первом случае широко используется теория «прогресса», в связке с основным информационным тезисом – «так жить нельзя». Вторая задача решается путем оправдания чрезвычайных мер их необходимостью. Логика проста: критическое положение исправляется чрезвычайными мерами и соответствующими действиями, которые что вполне естественно (и все должны

---

¹⁴⁸ См. Л.В. Воронцова Информационная война западных спецслужб и организаций против Советского Союза. М., 2002.

«понять» и принять эту естественность) носят не совсем конституционный и законный характер.

Так называемые «цветные революции» на просторах новообразованных государств постсоветской эпохи вновь заставляют ставить вопрос об актуальности теории и практики экспорта революций. Но детальное погружение в проблему исследования не обязательно ведет к более широкому ее пониманию. Исследовать только революцию, как один из видов политической нестабильности общества привнесенной извне было бы однобоко. Опираясь на уже имеющийся в настоящее время материал о социально-политическом развитии государств прошлого и настоящего, представляется необходимым рассмотрение проблемы в более широком аспекте.

Видимо следует говорить о возможностях искусственного создания кризисных ситуаций внутри определенного государства для получения внешним окружением преимуществ в экономической и/или политической сферах. Более того, практика отработки странами Запада сценарных вариантов ИПН с использованием дипломатических, информационно-психологических, разведывательных и традиционных вооруженных воздействий в настоящее время позволяет говорить о постоянном совершенствовании методов их проведения. Так если для формирования нового политического режима и соответственно политического курса Сербии потребовалось привлечение вооруженных сил, как самой западной коалиции, так и подготовленных ею незаконных воинских формирований, то для решения тех же задач на Украине и в Грузии внешнее окружение обошлось невоенными методами вмешательства.

В первую очередь необходимо определиться в понятиях. Появившиеся в последнее время в статьях, специализированных исследованиях и даже некоторых служебных документах понятия, описываемые терминами «управляемый кризис», «управляемый хаос», «инициируемый социальный кризис» подразумевает вмешательство во внутренние дела суверенного государства и инициирование на его территории ситуации, характеризующейся политической, экономической и социальной нестабильностью. Однако при более детальном анализе очерченной здесь проблемы, наступает понимание, что термин «управляемый кризис» не совсем точен. Представляется, что корректнее говорить о ситуации **инициируемой политической нестабильности (ИПН)**, под которой следует понимать особый тип продолжительного направленного воздействия на государство в целом или отдельный его регион (регионы), для искусственного создания внутренней социально-политической нестабильности, что дает инициаторам определенный политико-экономический или геополитический выигрыш.

Инициаторами ИПН чаще всего является совокупность юридических и (или) физических лиц, противопоставляющих себя правящей элите заданных территорий. Основой для их объединения может являться этническая, конфессиональная и идейная общность, совпадение экономических интересов.

Субъектами ситуации ИПН выступают физические лица или организации из внешнего окружения принявшие участие в непосредственной разработке сценарной программы (сценария) инициируемой ситуации нестабильности и организации ее проведения, а также граждане заданных территорий, которые содействовали в ее осуществлении. Соответственно, объектом ИПН является **центр власти**. Это политический режим, осуществляющий легитимный (законный с точки зрения международного права) социально-политический и экономический контроль над территориями, интересными внешнему окружению. Центр представляет интересы

определенной социальной группы или групп населения, заинтересованных в социально-политической стабильности общества и государства.

Под **заданной территорией** – понимается государство или регион, где инициируется создание ситуации нестабильности, а **историческое событие** – форма проведения ИПН, определяемая задачами и путями их достижения, которые ставит перед собой внешнее окружение. Для незаинтересованных внешних наблюдателей инициируемая ситуация предстает в виде объективно обусловленного социальной необходимостью события.

Формирование инициируемой ситуации социальной нестабильности осуществляется в целях достижения военного, политического и экономического ослабления заданного государства и может протекать в двух формах.

Так, под **кризисной ситуацией** в науке об управлении понимается состояние наиболее концентрированного, бурного и разрушительного проявления **контролируемых** изменений параметров обстановки в переломный момент перехода ее в новое качество. Таким образом, о первой форме инициируемой социальной нестабильности в заданном обществе и государстве на наш взгляд можно говорить, как об **инициируемом управляемом кризисе (ИУК)**.

При осуществлении этой формы ИПН ее инициаторы стремятся к достижению локальных, тактических целей как, например отделение какого-либо важного региона, принуждение правящего режима в принятии выгодных внешнему окружению политических или экономических решений и тому подобное. Режим, столкнувшийся с ситуацией управляемого кризиса, несмотря на рост разрушительных проявлений в обществе, еще имеет возможность контролировать ситуацию и осуществлять упорядочивающее воздействие. В то же время при проведении ИУК можно говорить и о предполагаемой управляемости данной ситуации со стороны ее инициаторов, способных остановить дестабилизацию при достижении поставленных ею целей или возникновение сомнений в ее целесообразности.

Другим вариантом развития ИПН является **социальный хаос**. Иницируемая внешним окружением ситуация нестабильности в подобной форме служит достижению глобальных целей и преследует цель полного структурного разрушения общества, как например уничтожение старой и формирование новой политической системы.

Возвращаясь к теоретическим положениям науки об управлении, следует отметить, что какая-либо возможность осуществления контроля над хаосом, т.е. направлении процесса протекания социального хаоса в необходимое русло путем некоего управляющего воздействия, осуществляемого человеком или группой лиц, отсутствует. Именно поэтому социальный хаос (как в принципе и любой другой) не может быть управляемым. Это подтверждают и исторические примеры осуществления ситуаций социального хаоса, когда события, инициированные внешним окружением, приводили порой к непредвиденным и, как правило, неблагоприятным для самих инициаторов результатам. Следовательно, термин «управляемый» в определении рассматриваемого понятия является не совсем корректным. Мы можем говорить об инициации хаоса в обществе и государстве, но не о его управляемости. Таким образом еще одной формой ИПН является **инициируемая ситуация социального хаоса (ИССХ)**.

Основной особенностью ситуаций ИПН является то, что они носят плановый (сценарный), целенаправленный и скрытый характер.

Планомерный (или сценарный) характер ИПН проистекает из реалистической оценки внешним окружением своих возможностей и путей достижения необходимых

результатов по отношению к заданному региону. В этих целях создаются и содержатся специальные общественные и государственные институты. Они проводят подготовительную работу позволяющую определить необходимую форму ИПН и разрабатывают план его проведения (сценарий). Таким образом, данная деятельность позволяет говорить о понимании, предвидении и целенаправленном достижении последствий тех событий, которые инициируются.

Поскольку многообразие этнических общностей, социальных устройств и текущих социально-политических процессов ведет к индивидуализации выборов формы исторического события и путей его проведения, то соответственно для каждого кризиса создается своя сценарная программа инициирования социальной нестабильности. Соответственно в зависимости от стоящих задач выбирается и форма социального возмущения («исторического события»).

Например, при ведении военных действий для отвлечения вооруженных сил противника в его тылу может быть организованы такие «исторические события», как *восстание* или *гражданская война*.

Если предполагается ИПН в форме инициируемой ситуации социального хаоса, то в таком случае предполагается структурное разрушение общества. Это делается с целью приведения к власти новой правящей элиты готовой принимать политически выгодные внешнему окружению решения. Так могут быть подготовлены *государственный переворот* или *революция*.

Для получения контроля над наиболее значимыми в стратегическом плане регионами, внешним окружением проводятся мероприятия по их отсоединению, организуются *национально-освободительные движения*, с последующим их оформлением в *суверенные государственные образования*, подконтрольные организаторам ИПН. Данный ряд неисчерпаем, поскольку диктуется многообразием политических, экономических, географических и прочих факторов присущих заданному государству (или региону) и задач которые пытается решить внешнее окружение через создание ситуации ИПН.

Скрытность инициированного кризиса заключается в создании иллюзии естественности «исторических событий» их, якобы, не программируемом возникновении как исторической необходимости и результата «политического творчества народных масс» и т.п. Данная особенность проистекает из механизма организации и проведения процессов ИПН. В основе проведения любой инициируемой политической нестабильности лежит возможность манипулирования, скрытого управления субъектами (задействованными участниками) исторического события. Подобное управление возможно только тогда, когда подвергшиеся ему люди не догадываются о проводимой над ними манипуляции. Таким образом, основным условием успешного проведения сценария ИПН является иллюзорная убежденность народов заданного государства (региона), что только их воля есть источник политических и государственных преобразований.

§ 14. Классическая модель ситуации политической нестабильности

1-й этап – Формирование паспорта заданных территорий

Началом инициирования кризисной ситуации в выбранном обществе, для достижения определенной цели можно считать проведение подготовительных мероприятий выраженных в сборе необходимой информации. На ее основе составляется *паспорт заданных территорий (ПЗТ)*. Как правило, подобные действия осуществляются разведывательным сообществом внешнего окружения (напомним, что «свои» разведывательные службы имеют ныне не только государства, но и ТНК, а также негосударственные террористические,

экстремистские структуры). Это необходимо в последующем для принятия решения о выборе *исторического события*, т.е. формы проведения ИПН и подготовки ее сценарной программы. Следует отметить, что ПЗТ является более широким понятием, чем характеристика оперативной обстановки на заданных территориях. Если при изучении оперативной обстановки основное внимание уделяется текущей характеристике условий (знаменитая триада – среда, противник, расстановка сил), то подготовка ПЗТ кроме этого предполагает скрупулезное исследование социально-экономической и внутривластной деятельности центра по отношению к заданному региону. Рассматривается привязка современной политики к историческим событиям, детально подмечаются все ошибки властей, потенциальные возможности для социального взрыва. В этой связи без преувеличения можно сказать, что особым вниманием пользуются национальные, конфессиональные и социальные отношения в интересующем районе. Изучаются этнологические константы титульной нации заданных территорий, их знание предполагает прогнозирование возможного поведения населения в ответ те или иные действия осуществляемых внешним окружением. На базе всего этого комплекса информации формируются сценарные программы ИПН.

2-й этап – Создание поля необходимых условий

Второй этап инициирования политической нестабильности начинается с формирования на заданных территориях необходимых условий для проведения мероприятий ИПН по разработанной сценарной программе. Понятие **поля необходимых условий** подразумевает соответствующие изменения в социально-культурной, экономической и внутривластной сфере в ходе которых становится возможным реализация последующих пунктов сценария ИПН. Этот этап необходим, поскольку инициирование политической нестабильности возможно только при ее поддержке хотя бы частью общества заданных территорий.

В ходе проведения мероприятий относящихся к этому этапу решаются следующие задачи:

- 1) формирование на заданных территориях общности союзников внешнего окружения, на которых возлагается осуществление последующих фаз ИПН;
- 2) формирование у большинства населения пассивного отношения к иницируемым мероприятиям политической нестабильности.

Решение этих задач достигается за счет внедрения через различные информационные каналы необходимых ценностных установок. Определенные социальные (этнические, религиозные) группы, которые предполагается использовать внешним окружением в качестве поддержки разработанной сценарной программы, выделяются из общего социального фона заданных территорий и тем самым формируются их некая обособленность.

Так, исторический опыт последних десятилетий показал, что ведущим мотивом сепаратистских настроений является стремление к этнической обособленности, ведущей к созданию государственных этнотерриториальных образований. При этом необходимо отметить, что конфликты подобного рода протекают в соответствии с определенными закономерностями.

Анализ процессов развала СССР и СФРЮ показывает, что опорой для зарождения сепаратистских тенденций, как правило, являются зарубежные общины. Именно за рубежом ведущими деятелями этих общин, при поддержке представителей определенных политических и разведывательных организаций разрабатываются соответствующие программы, обозначаются и продвигаются «официальные» лидеры «движения». С самого начала, отмечая слабости в решении

официальными властями ряда вопросов в национальной или социальной сферах жизни общества, представители зарубежья предлагают альтернативный вариант разрешения возникших проблем с позиций «права наций на самоопределение», «прав и свобод человека (подразумевается – определенной национальности) как высшей ценности» и т.п. лозунгов. Постоянные апелляции к «мировому сообществу» встречают сочувствие зарубежных политических кругов к набирающему силу движению. На различных политических форумах начинают рассматриваться вопросы либо напрямую связанные с нужным регионом, либо косвенно затрагивающие его (например, создается нормативная база для обеспечения легитимности дальнейших действий в глазах мировой общественности согласно разработанному сценарию). При этом определенную роль начинают играть средства массовой информации (СМИ), методично формирующие представления среднего обывателя о проблемах заданного региона.

Параллельно с этим происходит перенос основных идей выработанных за рубежом программ в общественные слои региона. Это осуществляется как с помощью представителей общин зарубежья, приехавших на свою «историческую родину» и ведущих здесь пропаганду, так и при помощи специально созданных информационных каналов работающих в «нужной» политической направленности (радио, печатная продукция, коммуникационные информационные сети, телевидение). Они действуют в интересах тех, кто по представлению зарубежных инициаторов ИПН должен стать доминирующей силой в сепаратистском движении региона. Основной принцип работы СМИ в данном случае - представление недостоверной информации в пользу сепаратистской группы. Вся «фактическая пропаганда» в этот период базируется либо на ложной, искаженной, либо недоговоренной информации.

Особо следует отметить, что время на проведение первых этапов бывает сокращено до минимума, если социальные группы, на которые сделана ставка и составляющие основу сепаратистского движения являются не местным населением. Например, основными поборниками независимости Боснии от СФРЮ, явились переселившиеся туда «санджаки» – мусульмане, выходцы из Санджака, небольшой горной местности на юге Сербии. Также и в другом конфликте основное ядро «Освободительной Армии Косово» составляли отнюдь не местные косовские албанцы.

3-й этап – Начало активной фазы управляемого кризиса

После первых двух подготовительных этапов начинается проведение активной фазы ИПН. Ее началом может послужить инициированный конфликт, имеющий в основе политические или даже бытовые основания. Поводом к такому конфликту являются какие-либо действия ущемившие права и свободы конкретных представителей определенной группы в регионе, представителей сепаратистских тенденций.

Молодые люди, не поделившие на сельской дискотеке девушек, при определенных условиях могут положить начало конфликту, в ходе которого о поводе уже и вспоминать не будут. Лидеры участвующих сторон начнут апеллировать к национальным, социальным, религиозным, историческим или другим обидам (смотря, на чем основана сценарная программа ИПН). Это происходит в силу того, что грани между политическим и не политическим действиями, между случайным и преднамеренным достаточно расплывчаты. Скажем, бытовая ссора не имеет отношения к политике до тех пор, пока взаимные упреки остаются в рамках существа конфликта или «абстрагирующие» оскорбления касаются индивидуальных или микрогрупповых различий («толстяк», «глиста», «коротышка», «пьянь», «вся

ваша семья такая...»). Но если противники воспринимают друг друга как представителей различных макрогрупп и доминирующими становятся национальные, сословные, религиозные и прочие номинации, то события приобретают политическую окраску и при определенных условиях способны развиваться по соответствующему сценарию.¹⁴⁹ Так сигналом к провозглашению независимости Боснии и началу гражданской войны, стал расстрел в марте 1992 г. в Сараево сербской свадьбы мусульманами.

Главную роль на этом этапе играет информационно-пропагандистское сопровождение разворачивающихся событий. В этих целях к месту конфликта выезжают правозащитники, лидеры соответствующих политических и общественных движений и главное, представители специально подготовленных для этого СМИ. Их задача представить в необходимом свете «мировому сообществу» возникшую проблему, подвергнуть критике действия власти и подтолкнуть ее к принятию ошибочных решений, усугубляющих кризис.

О возможно подготовленном характере событий можно судить по быстрой организации т.н. «отрядов самообороны», или попросту боевиков «угнетенной» стороной.

4-й этап – Социальная конфронтация

После успешного проведения первых трех этапов иницируемой ситуации политической нестабильности, характеризующихся накоплением противоречий и созданием внутри- и внешнеполитической напряженности достигших критической отметки, начинается четвертый этап ИГН – социальной конфронтации. Основной задачей данного этапа является выделение в ходе начавшегося конфликта территории (если речь идет о сепаратистской программе) на которые претендует внешнее окружение с присвоением ей статуса «спорной» или выявления проблемы, положительное решение которой необходимо инициаторам ИГН.¹⁵⁰

Инициированный повод становится катализатором дальнейших событий. Сепаратистами объявляется независимость, что в свою очередь приводит к конфликту с социальными группами, поддерживающими правящий политический режим. Центр оказывается не в состоянии обеспечить поддержку своим сторонникам поскольку, как правило, он бывает политически блокирован давлением «мирового сообщества». Логическим продолжением событий является возникновение сепаратистского движения уже внутри отделившегося региона.

Это становится возможным благодаря тому, что любое объявление суверенитета, государственной независимости этнического государства порождает как минимум две цепные реакции возникновения и обострения территориально-этнических конфликтов. С одной стороны, исконные «свои», особость которых была только что провозглашена по праву рождения. Тем самым они стали чуть-чуть, но все же «лучше», чем все остальные живущие рядом; их лидеры сразу начинают искать в истории наиболее выгодную для себя географию, и объявляют о соответствующих претензиях. Они же часто радеют о своих заграничных «братьях по крови», требуя для них присоединения к себе или, на худой конец автономии.

С другой стороны, «чужие», осознав в один прекрасный день себя таковыми в чьем-то национальном государстве и испугавшись своей отрезанности от родных и близких, оказавшихся по другую сторону границы, начинают бороться за выход из

¹⁴⁹ Назаретян А.П. Агрессивная толпа, массовая паника, слухи. Лекции по социальной и политической психологии. – СПб., 2003, с.182

¹⁵⁰ Мотив проведения ИГН может быть любым – скажем, помешать экономическому развитию региона, способному стать конкурентоспособным, не дать построить трассу нефте- или газопровода и т.д.

чужого суверенитета или за автономию. Подобные настроения начинают развиваться в местах компактного проживания тех групп населения, которые представляют центр и в этом случае их усилия направлены на отмену провозглашенного суверенитета если не региона, то его части. Примером этому может послужить Сербская Краина, со своей «столицей» в Книне. Летом 1991 года после восстания в Хорватии и Словении за выход из состава СФРЮ, начинаются бои между хорватами и сербским населением Сербской Краины, которое выступило против отсоединения от Югославии. Сербь, поселенные в ряде районов Хорватии волею Тито, при нарезании федеративных границ, легли спать, будучи полноправным большинством, в одном государстве, а проснулись меньшинством в другом, где их права не просто не были гарантированы, а явно ущемлялись.

Примерно то же самое происходило и на территории бывшего Советского Союза. Эстония объявляет независимость, русские в Нарве выступают за автономию. Объявляет независимость Молдавия и ставит на повестку дня вопрос «о воссоединении с Румынией»; русские и украинцы в Приднестровье, гагаузы и болгары на юге поднимаются в защиту своих интересов. Действие ведет к противодействию. Начинается цепная реакция процесса автономизации, и в результате: Кишинев (за отсоединение) – Тирасполь (против) – Дубоссарский район (за Кишинев и против Тирасполя) – Дубоссары (против Кишинева и за Тирасполь).

Итогом такого парада сепаратизмов становится начало гражданской войны. Гражданский конфликт в рамках региона начинается, как правило, представителями трех сторон: сформированными «государственными структурами суверенного образования» т.е. незаконными воинскими формированиями отделяющегося региона, войсками центральной власти и наиболее активными сторонниками центра – также незаконными боевыми частями сепаратистов суверенного региона. Они в свою очередь управляются местной администрацией, не признающей новообразованное «правительство» отделяющейся территории.

На данном этапе вмешательство внешнего окружения в военный конфликт носит косвенный характер в виде политического и экономического давления и так называемой «гуманитарной помощи» оружием и военными советниками. Основная задача внешнего окружения в этот момент – не допустить военного поражения поддерживаемых сепаратистов. Для достижения этой цели делается все, чтобы перевести активные боевые действия в затяжную, вялотекущую войну мелких диверсионных рейдов. Если на первом этапе войны погибли самые отчаянные бойцы титульной нации (представители центра), то в начавшейся борьбе на истощение сторонники прежнего режима обречены на поражение, поскольку максимально лишены поддержки извне.

Начинают возникать так называемые «зоны безопасности» - территории под защитой ВС НАТО, или «голубых касок» ООН или другого «миротворческого» вооруженного контингента. Создание данных образований позволяет решить две задачи. Во-первых, на этих территориях сепаратисты могут собраться с силами, отдохнуть от боев, залечить раны. Во-вторых, в регионе появляются и начинают накапливать военные силы настоящие инициаторы конфликта.

5-й этап – Миротворческий

Перевод вооруженного противостояния в затяжную форму позволяет начать следующий этап ИПН – миротворческий. Политиками внешнего окружения иницируется т.н. «конкурс мирных инициатив». В ходе него предлагается ряд проектов мирных договоренностей направленных на прекращение боевых действий. Подоплекой предлагаемых вариантов мира является возможность закрепить

«успехи» сепаратистов (если они есть). Достижение согласия планируется за счет сторонников центра. Даже если они и победили в боевых действиях, политическое давление со стороны заинтересованных государств (эмбарго, отмена даже символических санкций по отношению к их противникам, угроза авиационных налетов), заставляет их принять невыгодные условия мира.

6-й этап – Гуманитарная интервенция

В случае осложнении ситуации, и ее отхода от заданного сценария, возможен следующий этап развития событий – *гуманитарная интервенция*.

В международной практике термин «гуманитарная интервенция» впервые вводится в оборот в XIX веке, когда Австро-Венгрия и Россия воевали с Османской империей за освобождение христианских народов Балкан. С 1945 года новообразованная ООН определяет юридические условия применения гуманитарной интервенции. Главный критерий данной операции: вооруженные силы преследуют гуманитарные цели – предотвращение гибели мирного населения. По мнению эксперта в области международного права Питера Бургеса, гуманитарные интервенции, проводившиеся до окончания «холодной войны», коренным образом отличались от современных. В первом случае для отправки войск в ту или иную страну достаточно было чтобы высшие должностные лица того или иного государства, учитывая возможные международные последствия, отдали соответствующий приказ. После 1990 г. для начала гуманитарной интервенции необходима санкция ООН (как в случае с Югославией) или санкция международной коалиции (Косово).¹⁵¹

Данный этап начинается с мощнейшей пропагандистской кампании, лейтмотивом которой является создание из представителей сторонников центра образа агрессора и насильника. Для достижения этой цели mass media будут готовиться репортажи о проводимых только сторонниками центра этнических или религиозных (смотря на чем, будет основан конфликт) чистках. Подобные преступления, осуществляемые другой стороной, рассматриваться не будут. Одновременно с достижением этой цели действия «агрессора» получат нравственное осуждение – в лице каких-либо религиозных лидеров и юридическое – через международный трибунал. Параллельно с этим происходит вооружение сепаратистов, вполне возможно (и, скорее всего) в обход наложенных санкций.

После нагнетания истерии инспирируется повод. На этот раз он необходим для обоснования военного вмешательства. Так подобным поводом стал августовский взрыв на рынке Маркали в Сараево, повлекший многочисленные жертвы среди мирного населения. Затем ВВС НАТО нанесли массированный авиаудар «возмездия» по сербам. Следует отметить, что при необходимости военного вмешательства, согласно западной военной доктрине, основной ударной силой является авиация. Сухопутные части предназначены только для полного закрепления успеха и их применение на занятых территориях носит второстепенный и скорее полицейский характер. Страны Запада не любят нести потери, что вызывает негативную реакцию в обществе. Поэтому соответствующие официальные структуры весьма неохотно санкционируют посылку воинских контингентов, предпочитая обходиться в наземных операциях силами незаконных воинских формирований организованных ими сепаратистов и наемниками из частных военных структур.

Другим немаловажным фактором отправки воинских контингентов ведущих стран Запада является низкая боеспособность создаваемых «карманных ополчений» из

¹⁵¹ Washington ProFile, 05.02.2003 г., № 11

туземного населения, которые зачастую не могут решать поставленные перед ними задачи.

Если нестабильность инициируется «центром силы» исламского экстремизма, то внешнее военное вмешательство осуществляется негосударственными структурами. Они связаны с предоставлением опытных наемников, поставками оружия, организацией подготовки боевиков, в том числе и террористов-смертников в специальных лагерях, находящимися за рубежами дестабилизируемого района.

7-й этап – Формирование режима нового порядка (РНП)

Заключительный этап – формирования *режима нового порядка* заключается в создании коллаборационистского управления на контролируемой внешним окружением местности. Фактический захват заданных территорий, осуществленный на этапах социальной конфронтации и гуманитарной интервенции инициируемого управляемого кризиса, закрепляется юридическим и дипломатическим путем.

Необходимость проведения этапа установления РНП вытекает в первую очередь из соображений экономической целесообразности и утверждения нужной внешнему окружению политической стабильности нового режима. Созданные на заданных территориях государственно-политические образования полностью подконтрольны внешним инициаторам кризиса, несмотря на официально объявленный (или предполагаемый мировым сообществом) суверенитет. При этом можно говорить о колониальном характере взаимоотношений новообразованного государства и внешнего окружения, особенно если причинами проведения ИУК послужили какие-либо экономические интересы инициаторов на заданных территориях. В этом случае, соответственно, необходимо формирование определенного социально-экономического порядка отвечающего интересам внешнего окружения, поскольку налаживаемые хозяйственные связи (из-за чего, собственно говоря, и проводился ИПН) в условиях политической нестабильности также приобретают неустойчивый характер.

Если же проведение ИПН осуществлено в целях нанесения поражения потенциальному противнику для развала его существующих государственных и экономических институтов (иницирование ситуации социального хаоса), то и в этом случае наименее затратным является путь формирования дружественного марионеточного режима. Создание на границах с территориями, погруженными в анархию т.н. «санитарных кордонов» пресекающих дальнейшее распространение нестабильности обычно не приводит к позитивным результатам.

Формальной и юридической основой для формирования режима нового порядка являются заключенные соглашения. При этом юридический статус этого региона изобилует противоречиями. Как правило, принимаемые решения, направленные на формирование политической и правовой сфер новообразованного общества ведут к легализации (узаконенности) отделения заданных территорий от его бывшего центра власти. Серьезное внимание в заключаемом договоре уделяется вопросу формирования вооруженных сил и правоохранительных органов нового образования. Они создаются из переформированных вооруженных сил сепаратистов. По этому же соглашению открыто или негласно инициаторы нестабильности способствуют дальнейшему оснащению и вооружению легализованных ВФ сепаратистов, необходимых для дальнейшего поддержания РНП.

Самым ярким примером иллюстрирующим мероприятия заключительного этапа проведения управляемого кризиса – формирование РНП является ситуация в Косово. Албанскими сепаратистами был взят курс на создание собственного

моноэтнического государства, независимого от СРЮ и полного изгнания с заданных территорий неисламских религий и религиозных конфессий. Так, за время присутствия КФОР и Миссии ООН в Косово (МООНК) край покинули свыше 600 тыс. человек - сербов, черногорцев, турок, хорватов и других этнических групп. За это время было убито более 500 сербов и около 700 похищено. В Приштине из 45 тыс. проживавших ранее сербов осталось несколько семей. Зато прибыло около 2 млн. албанцев. Итогом миротворческой акции проведенной инициаторами управляемого кризиса в Косово стало уменьшение доли неалбанского населения края до уровня менее 10%. Ущемление прав этого меньшинства стало нормой. Уничтожаются памятники истории и культуры православия. За время пребывания сил КФОР в Косово было взорвано, сожжено, разграблено или осквернено более 100 православных храмов.¹⁵²

Трансформация ОАК (Освободительной армии Косово – боевой экстремистской организации албанских сепаратистов) в Корпус защиты Косово (КЗК) не принесла положительных результатов, поскольку выполняемые данной организацией функции зачастую далеки от официально провозглашенных. Предполагалась, что КЗК по окончании боевых действий превратиться в орган, сходный по выполняемым им задачам с российским МЧС. Руководство косовских албанцев видело в КЗК прообраз будущих вооруженных сил «независимого Косово» которые смогут защитить завоевания сепаратистов и поддерживающих их западных союзников в случае возможного ввода в Косово югославской армии и полиции, допускаемого резолюцией СБ ООН № 1244.

Постепенно на территории Косово вводились элементы самостоятельной государственности: распространение только албанской государственной символики (символы Югославии и Сербии исключены из обращения), «своей» государственной валюты (вначале немецкая марка, а с 1 января 2002 г. – евро), создание силовых структур (полицейской службы Косово, прокуратуры, вооруженных сил в виде КЗК). Были приняты так называемые Конституционные основы временного самоуправления. В 2000 и 2001 гг. проводились выборы в органы местного самоуправления, а также законодательной и исполнительной власти Косово, в которых не приняли участия сербы и другие национальные меньшинства. Кроме этого властями выдавались собственные паспорта и водительские удостоверения. В косовских СМИ шла активная пропагандистская кампания, направленная на внедрение в сознание населения понятий о «неизбежности» отделения от СРЮ.

Следует отметить, что практика формирования режима нового порядка, выгодного США и их союзникам, получила свое оформление не только при проведении специальных операций в виде ИУК. Чаще она становилась результатом побед в открытых вооруженных конфликтах.

Не менее ярким примером формирования РНП являются мероприятия проводимые США в настоящее время по созданию проамериканских режимов на территориях исламских государств – Афганистана и Ирака, захваченных под предлогом борьбы с международным терроризмом.

Так, начало строительства «нового порядка» в Ираке Вашингтон начал с формирования марионеточных вооруженных сил. Применительно к нашей теме обращает на себя внимание тот факт, что подготовкой новообразующихся иракских ВФ занимаются не государственные военные, а коммерческие организации – «Виннелл Корпорейшен» и «Кролл». Это лишний раз подтверждает тяготение

---

¹⁵² А. Венцловский Албанское государство Косово. Фактически оно существует / Независимое военное обозрение № 41, 2001.

спецслужб США при вмешательстве в дела суверенных государств к использованию негосударственных компаний и общественных организаций.

Если РНП формируют радикальные исламисты, то их программой – максимум становится создание фундаменталистского государства по образу Афганистана в период власти талибов. Программа – минимум – сохранение ситуации хаоса на длительный период (пример Сомали, современного Афганистана), что позволяет использовать территорию государства как плацдарм для дальнейшего наступления, производства наркотиков и т.д.

Исходя из описанного выше, можно вкратце вывести следующий алгоритм действий по отделению определенного региона от централизованно управляемого государственного пространства:

1. Всесторонняя поддержка радикальных лидеров оппозиции правящему режиму. Инспирирование и поддержка вооруженного конфликта.
2. Несимметричный, ярко пристрастный подход к различным воюющим сторонам.
3. Формирование соответствующего настроения общественного мнения с помощью средств массовой информации. Применение так называемого двойного стандарта в подходе к конфликтующим сторонам.
4. Блокада страны и региона. Бомбардировка или террористические действия против гражданских объектов после предъявления заведомо невыполнимых ультиматумов.
5. Военная поддержка воинских формирований сепаратистов. Введение на территорию «миротворческого» контингента НАТО или ООН под эгидой Североатлантического блока, или же прямая поддержка сепаратистов террористическими структурами.
6. Дипломатическое и юридическое закрепление отсоединившегося региона, формирование режима нового порядка.

§ 15. Международно-правовые аспекты дестабилизации

Главным результатом проведения дестабилизации является фактическая десоверенизация заданного государства. Понятие *суверенитет* происходит от французского слова *souverainete* – верховная власть. Сегодня оно трактуется как независимость и самостоятельность государства во внутри- и внешнеполитической деятельности, не допускающей иностранного вмешательства. Государственным суверенитетом теоретически обладают все страны независимо от величины их территории, количества населения и общественного строя.

Соответственно термин десоверенизация предполагает потерю государством а, следовательно, и его гражданами своей независимости от внешнего окружения или имеющей корыстные интересы корпоративной группы. Исходя из понимания суверенитета, можно утверждать, что разрушение государственных и политических структур методами инициируемого хаоса, по сути дела, является процессом ущемления интересов тех групп населения, запросы которых отражает данное государство и для которых оно является гарантом защиты их свобод.

Наиболее актуальным в исследовании форм инициированной политической нестабильности представляется анализ латентных способов десоверенизации, которые по своим сущностным характеристикам имеют некоторые особенности. Так существует реальный противник и осуществляемая им агрессия, но отсутствует его конкретный образ. Открытые военные действия с внешним врагом напрямую не ведутся, агрессия носит скрытый характер. Ее успешное осуществление ведет к фактической потере государственной и национальной независимости. При этом

сохраняются все формальные признаки суверенной государственности: национальные символы (герб, гимн, национальный флаг), национальное правительство, государственный аппарат и территория (может в несколько урезанном виде), однако с этого момента государство не имеет своего самостоятельного политического и экономического курса. Подавляющее большинство представителей потерявшего независимость социума убеждены, что именно их воля является основополагающей в решении своих политических, экономических и социальных проблем. Вместе с тем управление обществом фактически осуществляется внешним окружением. Ставящиеся при этом цели и задачи далеко не всегда отвечают национальным интересам, но их достижение приносит определенную выгоду внешнему окружению. Как правило, такая политика приводит к вырождению (скрытому геноциду) населения заданных территорий. Так в Ираке, судя по многочисленным свидетельствам, после его оккупации, система здравоохранения, образования и коммунального хозяйства пришла в упадок, но новые власти, как и возглавленная США международная коалиция не озаботились их восстановлением. Основные усилия направлялись на создание условий для возобновления добычи нефти.

Объективно дестабилизации ослабляют авторитет международных организаций и норм международного права. Ничуть не принижая значение посреднических усилий международных организаций, нельзя не констатировать, что их результативность невелика. Главная причина состоит в том, что деятельность как отчасти ООН, так и ОБСЕ структурировалась в условиях «холодной войны» когда де-факто существовал глобальный кондоминимум СССР и США. Достигнутый явный или скрытый компромисс между сверхдержавами по тем или иным частным, локальным конфликтным ситуациям затем оформлялся решениями соответствующих международных организаций. Иначе говоря, они, как правило, не были самостоятельным центром выработки и принятия политически значимых решений. Сложился своеобразный стиль подготовки документов и руководства подобными структурами, при котором высокопарные фразы, подчеркивающие значимость изрекающих их организаций и заумные формулировки прикрывали их фактическое бессилие и недееспособность.¹⁵³

Тот же *modus operandi* остался в силе и после распада СССР, только как решающий фактор руководители международных организаций стали воспринимать позицию правящих кругов США, претендующих на мировое лидерство. Этим в частности, объясняется односторонний подход ОБСЕ к ситуации вокруг Косово.

Положение, при котором мировое лидерство США перестает быть бесспорным,¹⁵⁴ создало ситуацию кризиса для нынешнего поколения руководителей многих международных структур. Они не были готовы к тому, что теперь им необходимо самостоятельно проявлять инициативу решения многих дискуссионных проблем, принимать на себя всю полноту ответственности за предлагаемые решения или поддержку инициатив стран, не относящихся к числу мировых лидеров. Вопрос о необходимости реформирования ООН был поставлен Генеральным секретарем этой организации Пан Ги Муном еще при его вступлении в эту должность

---

¹⁵³ Значительно свободнее и объективнее по входящим в сферу их компетенции вопросам занимали позицию такие специализированные структуры ООН, как ЮНЕСКО, ЮНИДО и др., где решения принимались большинством голосов и на их содержание влияние оказывали неприсоединившиеся страны.

¹⁵⁴ В докладе Национального разведывательного сообщества США «Мир после кризиса. Глобальные тенденции – 2025: меняющийся мир» отмечается, что рост влияния стран БРИК может привести к тому, что «возникнет глобальная многополярная система». (2025 год. Мир после кризиса. Доклад Национального разведывательного сообщества США. М., «Европа», 2009, с. 7).

в 2006 г.,¹⁵⁵ однако сколько-нибудь заметного прогресса в этом плане пока не наметилось.

Еще сложнее обстоит дело с нормами международного права. Бесспорно, с течением времени они дополняются, изменяются, модифицируются в соответствии с появлением новых реальностей, которые должны быть объектом их регулирования. Также очевидно, что в современном мире эти реальности меняются быстрее, чем формируются адекватные им нормы, тем более, что не всегда ведущие страны заинтересованы в их принятии. Так, например, вопрос о принятии кодекса поведения транснациональных корпораций и банков (ТНК и ТНБ), по предложению развивающихся стран, рассматривался ООН еще в 1970-е гг., но его рассмотрение, из-за обструкции государств Запада, ничем не завершилось. Однако в условиях глобального кризиса проблемы контроля над деятельностью ТНЕ и ТНБ, во многом инициировавших его возникновение вновь встали на повестку дня, уже по инициативе развитых стран мира.

Сохраняются противоречия между современными международно-правовыми нормами, с одной стороны, утверждающими суверенитет государств, с другой - ограничивающими его. Ряд ученых считает, что сложившаяся после Тридцатилетней войны в 1648 г. Вестфальская система международных отношений, абсолютизовавшая принцип суверенитета государств,¹⁵⁶ прекращает свое существование. Как пишет, например, известный ученый, ректор МГИМО(У) МИД РФ А.Торкунов, различные системы международных отношений построенные на принципах Вестфальского мира, включая Ялтинско-Потсдамскую, в современных условиях утрачивают действенность. По его словам, «во второй половине 80-х – начале 90-х годов XX века в международных отношениях произошли кардинальные изменения, которые позволяют говорить... о формировании новых системообразующих закономерностей».¹⁵⁷

Действительно, если говорить о состоянии международных отношений в целом, то распад системы союзов СССР, а затем и его самого привел к качественным изменениям структуры миропорядка. Однако эрозия государственного суверенитета, т.е. крушение основного принципа Вестфальской системы, по мнению отечественного ученого С. Кортюнова, началось раньше. Он считает, что еще в условиях существования Ялтинско-Потсдамской системы в условиях биполярности, конфронтации СССР и США, у других стран просто не было альтернатив выбора. Они могли лишь стать союзниками той или иной стороны, т.е. передать часть своего суверенитета в Москву или Вашингтон. А это предопределило еще одну особенность Ялтинско-Потсдамской системы – это был мир ограниченного суверенитета.¹⁵⁸ В то же время, полный упадок Вестфальской системы также ассоциируется им с распадом биполярного мира, началом процессов глобализации, «которые наносят

---

¹⁵⁵ См. <http://www.un.org/russian/news/fullstorynews.asp?newsID=6333>

¹⁵⁶ Вестфальский мир был призван положить конец религиозным войнам в Европе, он зафиксировал принцип «чья власть, того и вера». Иначе говоря, по самому важному вопросу политической жизни XVII века – религиозных убеждений - верховная власть государства получила право принимать не подлежащие оспариванию извне решения. Тем более, никто не мог поставить под вопрос возможности власти распоряжаться жизнью и смертью своих подданных, определять рамки их прав и обязанностей, степени правовой защиты и т.д.

¹⁵⁷ См. Торкунов А. Современные международные отношения.

http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Polit/tork/02.php, с.1.

¹⁵⁸ С.В.Кортюнов. Крушение Вестфальской системы и становление нового мирового порядка.

<http://www.wpec.ru/text/200708310905.htm>, с. 3

все более сокрушительные удары по основе основ Вестфальской системы – национальному государственному суверенитету».¹⁵⁹

Представляется, что приведенные суждения не вполне точны. Прежде всего, даже в период действия принципов «классической» Вестфальской системы уважался суверенитет лишь так называемых «цивилизованных» государств, большинство же стран Азии, Африки и Латинской Америки стали объектом колониального завоевания.

Если говорить об условиях «холодной войны» то они не только привели к ограничению суверенитета всех стран, кроме ведущих ее участников, но и породили движение неприсоединения. Оно объединило десятки государств, которые не желали входить ни в советскую, ни в американскую систему союзов, стремились к защите своего суверенитета. Другой вопрос, что многие страны добровольно делегировали часть своих суверенных полномочий наднациональным структурам (самый наглядный пример - развитие Евросоюза после создания ЕЭС в 1957 г.). Однако данные шаги не являлись следствием «холодной войны», они были призваны повысить эффективность национальных экономик, увеличить политический вес участвующих в интеграции стран на международной арене, т.е. более эффективно реализовать вытекающие из суверенитета функции.

Наконец международно-правовые нормы, допускающие ограничение суверенитета, действующие и поныне, были приняты до распада биполярного мира и до наступления эпохи глобализации. Устав ООН зафиксировал принцип суверенитета государств, включая их право на защиту своей территориальной целостности. В то же время, получил признание принцип права наций на самоопределение, международное сообщество осудило практику геноцида, дискриминации по расовому, религиозному и этническому признаку, терроризм, иные грубые нарушения прав человека. Ответом на игнорирование тем или иным государством соответствующих норм могло быть принятие против него санкций Советом Безопасности ООН. Правда, в условиях глобальной биполярности договориться о единой позиции его постоянным членам имеющим право вето удавалось крайне редко. Один из примеров такого согласия - введение международных экономических санкций против ЮАР в 1985 г. (были отменены после реформ 1991 г., положивших конец практике апартеида). Обычно же санкции выступали инструментом «холодной войны», применялись без соответствующего решения ООН группой государств против страны, принадлежащей к другому «лагерю». Чаще всего к ним прибегали США и их союзники, обладавшими большим влиянием на мировую торговлю, чем Советский Союз.

Принцип права наций на самоопределение сыграл большую роль в деколонизации стран Азии и Африки, однако в годы «холодной войны» он не применялся к национальным и/или религиозным меньшинствам, проживающих в мультиэтнических государствах и требующих независимости. Постоянные члены Совета Безопасности ООН в условиях противостояния СССР и США, как правило, не могли прийти к согласию по вопросу о том, в какой ситуации соответствующие требования могут рассматриваться как законные, а какие являются проявлением экстремизма. Ареной проявления сепаратизма были многие страны, однако им удавалось сохранить свою территориальную целостность.¹⁶⁰ Единственным

---

¹⁵⁹ Там же, с. 4.

¹⁶⁰ Например, в бывшем Бельгийском Конго (затем – Заир, ныне Демократическая Республика Конго), после провозглашения независимости в 1960 г. в провинциях Нижнее Конго, Катанга и Касаси вспыхнули мятежи сепаратистов, в борьбе с которыми приняли участие войска ООН. В Нигерии в 1967-1970-гг. развернулась гражданская война против сепаратистов провинции Биафра. На Шри-

исключением стал Кипр, где конфликт между греческой и турецкой общинами, после неудачной для Греции войны с Турцией завершился тем, что в 1975 г. Северный Кипр провозгласил себя самостоятельным государством. Оно до сих пор признано только Турцией, СБ ООН в 1983 г. объявил самопровозглашение независимости турецкой части острова незаконным.

Ситуация в мире стала быстро меняться с «выходом» СССР из холодной войны, его отказом от контроля над политикой стран Восточной Европы. В 1990 году в Словении и Хорватии проводится плебисцит, на котором большинство населения высказывается за создание независимых государств. В 1991 г. эти республики выходят из состава Югославии, попытка властей союзного государства удержать их военной силой завершаются неудачей. Затем из состава СФРЮ выходят Македония, Босния и Герцеговина. Показательным является то, что новые самопровозглашенные республики почти сразу признаются странами Запада. Затем, после распада СССР начинается фаза «гуманитарных интервенций» предпринимавшихся, как правило, по инициативе США как с одобрения Совета Безопасности ООН, так и без него. В 1998-99 гг. Соединенные Штаты и их союзники по НАТО осуществили «гуманитарную интервенцию» против Сербии, обеспечив военное прикрытие требованиям албанского большинства края Косово о предоставлении ему независимости. Это создало вдохновляющий прецедент для всех сепаратистских движений, а также государств, готовых, ради собственной выгоды, поддерживать их на территории других стран.

В качестве обоснования «гуманитарных интервенций» приводились вполне убедительные ссылки на необходимость положить конец этническим чисткам, геноциду и предотвратить гуманитарную катастрофу. Все это не противоречило нормам международного права.

Первая новация, которую здесь можно выделить – снижение порога уважения государственного суверенитета. Там где в прошлом использовались бы экономические санкции, дипломатическое давление, моральное осуждение в ход сегодня идет военная сила. При этом будь ее применение санкционировано Советом Безопасности ООН, вопрос о коллизии между различными нормами международного права вообще бы не возникал.

Вторая особенность нового этапа - использование крупнейшей державой мира и ее союзниками военной силы (Сербия 1998-99, Ирак 2003) без мандата СБ ООН и вне ситуации, когда вопрос стоит о применении права на индивидуальную или коллективную самооборону.

С точки зрения общегуманистической направленности норм современного международного права можно допустить, что дух закона порой важнее его буквы. Иначе говоря, когда СБ ООН не может с должной оперативностью принять решение, а населению той или иной страны угрожает гуманитарная катастрофа или геноцид применение односторонних силовых акций, если все мирные средства воздействия на ситуацию исчерпаны, с моральной точки зрения оказывается оправданным. Однако политика США и их союзников заставляет усомниться в благородстве их намерений. Так имея возможность положить конец волнам насилия в странах Африки, державы Запада долгое время игнорировали рост конфликтности на этом континенте. Выступив в защиту албанского населения края Косово, государства НАТО проигнорировали тот факт, что этнические чистки и методы террора применялись не только сербами. Основным мотивом военного удара по Сербии,

---

Ланке в 1983 г. начался вооруженный конфликт сенгальской и тамильской общин, не завершившийся до сих пор. Очаги проявления сепаратизма возникли и в Европе (баскская провинция в Испании, католическое меньшинство Ольстера, стремящееся к воссоединению с Ирландией).

очевидно, было то, что режим С. Милошевича в этой стране был последним в Восточной Европе, не стремившимся к вступлению в НАТО и проводящим относительно самостоятельную политику. В «цветных революциях» в Украине, Грузии США и их союзники не скрывали своих симпатий к лидерам, декларировавшим цели сближения со структурами НАТО и Евросоюза.

По всей видимости, главная причина по которой уровень уважения суверенитета и территориальной целостности государств понизился при отсутствии каких-либо существенных изменений норм международного права, не была связана с глобализацией, последняя имела лишь косвенное значение.

Во-первых, при возросшей открытости границ для потока капиталов, товаров, рабочей силы и идей сепаратистам, существующим во многих странах мира, стало легче находить единомышленников за рубежом (из родственных диаспор, религиозных общин, государств, преследующих собственные, корыстные интересы и т.д.) и получать от них помощь (финансовую, военную, информационную и пр.).

Во-вторых, информационная открытость мира в сочетании с высоким уровнем контроля над потоками информации со стороны ведущих СМИ стран Запада с одной стороны, затрудняет «закрытие» сведений о фактах массовых репрессий, «этнических чистках», а с другой – допускает их одностороннюю интерпретацию.

В-третьих, глобализация объективно усилила экономическую конкуренцию на международной арене в итоге которой проигрывают слабые страны, становящиеся (особенно в условиях глобального кризиса) «несостоятельными» (или «несостоявшимися»). Их число, особенно в Африке и Азии, угрожает возрасти, кандидатом на такую роль становится и ядерный Пакистан. Суверенитет распадающихся стран (failed states) с правительствами, не контролирующими собственную территорию или часть ее (Афганистан, Сомали, Ирак и др.), ими уже де-факто утрачен. Соответственно возрастает число возможных объектов вмешательства и поводов для него.

Однако чтобы эти факторы оказали свой эффект на действия ведущих стран мира была необходима соответствующая политическая воля. Со стороны стран Запада она появилась только после резкого ослабления, а затем и распада СССР. В самом деле, в период противостояния СССР и США, обе сверхдержавы лишь ограниченно использовали в своих интересах националистические сепаратистские движения и настроения. Советские лидеры всегда настороженно относились к национализму и сепаратизму. Вашингтон не имел такой предвзятости, однако воздерживался от прямой и явной поддержки сепаратистов в тех странах, где существовали латентные противоречия в межнациональных отношениях таких, например, как СССР и Югославия. В первом случае, до начала перестройки это выглядело бесперспективным, во втором США вполне устраивал статус СФРЮ как неприсоединившегося государства, попытки его дестабилизации в условиях «холодной войны» могли привести к непредсказуемым для Европы последствиям.¹⁶¹

Когда Соединенные Штаты, оказавшись в положении единственной сверхдержавы, пошли по пути произвольной интерпретации международно-правовых норм и/или их игнорирования, у официального Вашингтона сохранялось убеждение в возможности обеспечить контроль над ходом мирового развития. На деле последствия предпринятых в конце XX – начале XXI веков США действий

---

¹⁶¹ Это не означает, что США не оказывали косвенной поддержки сепаратизму в Югославии. Так по сведениям автора, диссидент, эмигрант из Хорватии И. Банатс (I. Banac), в начале 1990-х гг. возглавлял Хорватский колледж, созданный при Йельском университете. Впоследствии он сыграл заметную роль в борьбе за независимость Хорватии, был министром экологии в ее правительстве.

оказались деструктивными не только для многих стран, но и всего международного сообщества.

После «освобождения» Косово силами НАТО и провозглашения его независимости, нарушения прав человека в этом анклав не прекратились, только основной их жертвой стало оставшееся в крае сербское меньшинство. При этом Косово стало одним из центров наркотраффика в Европе.¹⁶² Военная операция НАТО в Афганистане (хотя и одобренная ООН) превратилась в затяжную войну, исход которой трудно предсказать. В орбиту боевых действий постепенно втягиваются и северные провинции Пакистана. Ирак стал одним из центров распространения международного терроризма (чего не было в годы диктатуры С. Хусейна), Угрозы применения силы против названных «странами-изгоями» Ирана и Северной Кореи не заставило их отказаться от ядерных и ракетных программ, скорее их реализация была ускорена.

В глобальном плане, был создан прецедент ставки на силу и игнорирования международно-правовых норм при решении спорных проблем межгосударственных отношений. Объективно, подобная политика отбросила мир к 1930-ым годам, когда при бессилии Лиги Наций единственным критерием «допустимого» и «недопустимого» во внешней политике выступало соотношение военных сил.

Возвращение к «праву силы» стимулировало начало новой гонки вооружений, в которую было вовлечено большинство стран мира. При этом военная мощь наращивалась ими, как правило, не столько против конкретного военного противника, сколько как фактор повышения своего веса на международной арене. Правда, при этом традиционные военные противостояния (Индия – Пакистан, Израиль – ряд государств исламского мира) также сохранялись. По данным СИПРИ, если непосредственно после завершения «холодной войны», в начале - середине 1990-х гг. общемировые военные расходы сокращались, то за последние 10 лет они выросли на 45 %, до 1.46 трлн. долл. Инициатива в наращивании расходов на оборону и ведение войн принадлежала США. Однако Китай и Россия также увеличили свои оборонные бюджеты в три раза, первый вышел на второе место в мире по его объему, Российская Федерация – на пятое.¹⁶³

Наконец, судя по имеющейся статистике, число войн между государствами в последние годы не росло, преобладающим типом вооруженного конфликта стал внутригосударственный.¹⁶⁴ А это вполне убедительно свидетельствует о том, что прецедент Косово сыграл свою глобальную роль. Он воодушевил сепаратистов во многих странах мира на активизацию вооруженной борьбы в надежде, что найдутся государства, заинтересованные признать их независимость и оказать военную помощь.

§ 16. ИПН: возможности противодействия

Абсолютным иммунитетом от ИПН не обладают даже высокоразвитые государства с устойчивыми демократическими традициями. Конечно трудно себе представить «цветную революцию» в стране НАТО, тем более что устав этой организации допускает коллективные меры в защиту демократии, т.е. военное вмешательство там, где ее принципы нарушены (другой вопрос, что в свое время, когда

¹⁶² Данные Управления ООН по борьбе с наркотиками и организованной преступностью. См.

<http://www.medianews.com.ua/news-29528.html>

¹⁶³ <http://www.inosmi.ru/translation/249736.html>

¹⁶⁴ Е. Степанова. Государство и человек в современных вооруженных конфликтах. Международные процессы. Журнал теории международных отношений и мировой политики.

<http://www.intertrends.ru/sixteenth/003.htm>

в Греции установилась диктатура «черных полковников», или когда в Турции происходили военные перевороты эта статья не была задействована).

Обвинение оппонентов в фальсификации итогов выборов или их подтасовке возможно, однако, как показал опыт избирательной кампании 2000 г. в США, массовых беспорядков, попыток захвата государственных учреждений не происходит. Возникший спор решается в установленном законом порядке (частичный пересчет бюллетеней, вынесение соответствующего судебного решения).

В то же время, если речь идет о многонациональном государстве, то возникновение у компактно проживающего этнического меньшинства сепаратистских стремлений может стать источником серьезных проблем. Как, например, считает Д. Фридман, автор прогноза на предстоящие 100 лет, если США способны справиться с внешними вызовами используя военную силу, разобщая своих противников или дестабилизируя их, то с вызовом «изнутри» справиться будет намного сложнее. Появление такого вызова Фридман связывает с ростом численности испано-американцев в США. По его мнению, ко второй половине XXI века в Калифорнии, Аризоне, Нью-Мехико, Техасе и ряде других штатов они будут составлять большинство населения, высшие должностные лица будут испано-американцами, они же составят большинство национальной гвардии.¹⁶⁵

Если среди большинства населения становящихся «испаноязычными» штатов возобладает стремление к объединению с Мексикой, стимулированное стремлением ее правительства вернуть территории, аннексированные США в XIX веке, то, считает Фридман, Соединенные Штаты столкнутся одновременно с внешним и внутренним вызовом.¹⁶⁶

Известный американский правоконсультативный теоретик и политик, П.Бьюкенен, полагает, что кризис может произойти намного раньше. Он, в частности, ссылается на то, что во многих округах Калифорнии доля не англо-говорящего населения (преимущественно, испано-американцев) уже составляет от 36 до 70 %, а настроения в их среде таковы, что можно ожидать превращения южных штатов США в подобие Ольстера.¹⁶⁷

Противодействие дестабилизациям откуда бы они не исходили в современных условиях вполне возможно, однако это требует проведения целенаправленной и осмысленной политики, целого комплекса мер, требующих значительной концентрации усилий государства и той части общества, которая не заинтересована в потрясениях.

В принципе, легче предотвратить возникновение политической нестабильности, чем бороться с ней. Для этого прежде всего, необходимо внимание к социально-экономическим факторам способным создать ситуацию, благоприятную для возникновения нестабильности, появлению радикальных, экстремистских сил и движений, обеспечить им массовую поддержку. К таким факторам, как правило, относятся:

- значительный уровень безработицы, особенно среди молодежи, восприимчивой к радикальным лозунгам;

- рост разрыва в доходах «богатых» и «бедных» слоев (децилей) населения, превышающий привычный и считающийся социально приемлемым для данного общества (в странах Запада он варьируется в диапазоне от 1 : 8 до 1 : 15);

- высокий уровень коррупции, отчуждающий «управляемых» от «управляющих», порождающий антагонизм между ними, стимулирующий возникновение движений,

---

¹⁶⁵ Американский эквивалент внутренних войск и резерв действующей армии, находятся в подчинении губернаторов штатов.

¹⁶⁶ G. Friedman... pp.236-248.

¹⁶⁷ П. Бьюкенен. На краю гибели. М., АСТ, 2008, с. 63,65.

ассоциирующих противодействие злоупотреблениям властью с борьбой против конституционной власти вообще;

- появление «зон упадка», регионов, где произошла «деиндустриализация», где производство было перенесено в другие страны или закрылось из-за низкой конкурентоспособности в глобализированной экономике (для России это проблема разоряющихся «моногородов» где уровень бедности и безработицы выше, чем в среднем по стране);

- наличие внутри государства регионов с ярко выраженной религиозной или этнической спецификой, где сохраняются исторически обусловленные обиды на титульную нацию, связи с зарубежными диаспорами. Если такие регионы становятся зоной «экономического упадка», попадают под власть коррумпированной бюрократии, ассоциирующейся с центром власти, то возникновение очагов нестабильности можно считать гарантированным;

- возникновение, прежде всего в результате миграций, ареалов относительно компактного проживания общин инокультурных меньшинств не желающих принимать ценности и образ жизни страны пребывания.

Большинство стран мира проводят политику, позволяющую минимизировать возможное влияние перечисленных факторов дестабилизации. Стабильность в современном, высококонкурентном, взаимозависимом мире, гарантируется весьма сложным комплексом факторов в основном - социально-психологического порядка.

Во-первых, убежденностью основной массы населения развитых государств в том, что существующие политические и судебные институты способны более или менее адекватно отразить и защитить их интересы, а лидеры, игнорирующие чаяния масс, могут быть смещены в результате их свободного волеизъявления. Эта убежденность формируется под влиянием соответствующей политики, обеспечивающей удовлетворение базовых потребностей граждан в социальном обеспечении, личной безопасности и т.д. Так, до кризиса, начавшегося в 2008 г. большинству стран Евросоюза была свойственна активная социальная политика, подразумевающая повышенное внимание к сферам образования, здравоохранения, помощи малоимущим, защите среды обитания человека. Большое значение для предотвращения возникновения очагов нестабильности имела региональная политика ЕС, призванная обеспечить ускоренное развитие отсталых регионов или «зон упадка», на нее выделялось 32 млрд. евро ежегодно (почти треть бюджета стран Евросоюза), за счет соответствующих программ был повышен уровень жизни почти 50 % граждан стран ЕС.¹⁶⁸

Во-вторых, конформизмом, который в данном случае проявляется в вере большинства представителей «среднего класса» в то, что хотя повседневная жизнь и уровень потребления могут немного ухудшиться, какие-либо радикальные перемены опасны, чреваты непредсказуемыми последствиями и их следует избегать.

В-третьих, сохраняющейся надеждой экономически активного населения на то, что в рамках рыночной экономики, свободной конкуренции индивидов на рынке труда, интеллектуальной и политической деятельности, каждый имеет шанс на успех в рамках существующей системы. Представление о «равенстве возможностей» конечно, несколько иллюзорно, поскольку выходцы из более состоятельных семей имеют лучшие шансы на получение качественного образования и соответственно более престижной и высокооплачиваемой работы. Тем не менее, в развитых странах создана довольно эффективная система «социального лифта», облегчающая «путь

---

¹⁶⁸ Хохлов И.И. Субсидиарность как принцип и механизм политики Евросоюза.
http://www.rvps.ru/r_doc.php?id=296

наверх» выходцам из всех слоев общества. Дискриминация по признакам расы, национальности или пола, равно как и действия могущие оскорбить чувства тех или иных меньшинств, не только осуждаются, но и преследуются по закону. Соблюдение «политкорректности» позволяет предотвратить возникновение ситуаций, при которых какая-либо социальная, этническая или религиозная группа населения сочтет, что ее интересы в данном обществе ущемляются. Предполагается, что человек оказавшийся на обочине жизни, будет винить в этом только себя и стремиться изменить свои личные жизненные обстоятельства, а не общество.

Разумеется, даже самое стабильное общество может столкнуться со сложностями: экономическими кризисами, техногенными и природными катастрофами, актами жесточайшего терроризма. Однако влияние подобных событий на последующее развитие ситуации, как показывает опыт истории, оказывается весьма неоднозначным. Любые потрясения способны вызывать двоякую реакцию. Они могут стать как источником консолидации общества, так и его разобщения. Это зависит от следующих основных факторов:

- воспринимается ли кризис как своего рода стихийное бедствие, следствие проявление чуждой, злонамеренной воли, или же - как следствие ошибочной политики, злоупотреблений властью;
- рассматриваются ли меры властей по преодолению кризиса как достаточно эффективные и результативные;
- насколько соблюдается принцип социальной справедливости при распределении бремени кризиса;
- в какой мере власти реагируют на проблемы, возникшие из-за кризиса у рядовых граждан, а бизнес руководствуется принципом социальной ответственности.

Характерен пример событий 11 сентября 2001 г. в США. Удар по Нью-Йорку и Вашингтону по замыслу лидеров организовавшей его «Аль-Каиды», видимо, должен был продемонстрировать гражданам заокеанской сверхдержавы ее уязвимость, посеять панику и растерянность. Реакция оказалась прямо противоположной – американцы оказались готовы поддержать жесткую реакцию администрации Дж.Буша-мл на совершенные террористические акции, включая ужесточение внутреннего законодательства, удар по лагерям «Аль-Каиды» в Афганистане. Показательно, что попытки противников администрации распространить версию о том, что теракты 11 сентября были осуществлены если не прямо спецслужбами США, то при их прямом попустительстве (утвердись такая версия в общественном сознании, это стало бы серьезным фактором дестабилизации, подрыва доверия к власти) не встретили одобрения рядовых граждан.

Весьма характерен пример глобального кризиса, начавшегося в 2008 году. Как сейчас уже можно констатировать, он не вызвал столь глубоких социальных и политических потрясений, как Великий кризис 1929-32 гг., который привел к установлению в Германии нацистского режима, подтолкнул Японию к вторжению в Манчжурию, т.е. положил начало событиям, приведшим ко второй мировой войне.

В мире XXI даже в странах, недавно вступивших на путь демократии, в условиях глобального кризиса политические режимы не претерпели существенных изменений.

В какой-то мере это связано с тем, что современные государства обладают намного большим опытом борьбы с кризисными явлениями, чем это было в первой трети XX века. Основные объяснения относительно спокойного, не катастрофического протекания социально-политических процессов в условиях кризиса обычно состоят в ссылках:

- во-первых, на высокую эффективность механизмов регулирования рыночной экономики, большой опыт, накопленный странами Запада в области борьбы с рецессиями;

- во-вторых, на гибкость социальной политики;

- в-третьих, на возможности международного сотрудничества в борьбе с кризисными явлениями, позволившими если не исключить, то ограничить проявления протекционизма, попытки избавиться от кризиса за счет партнеров по международному разделению труда.

Действительно, большинству затронутых кризисом государств удалось за счет массивных вливаний средств предотвратить крушение кредитно-банковской системы, банкротство ведущих корпораций. Соответственно не произошло стремительного роста безработицы (в среднем по развитым странам ее уровень не превысил 10 % экономически активного населения, что лишь на 3-4 процентных пункта выше уровня привычных, «благополучных» показателей). Лишь в отдельных странах (Латвия, Испания) безработица стала серьезной проблемой.

Для амортизации социальных последствий кризиса в различных странах осуществлялись неодинаковые меры, чаще всего они включали:

- программы по созданию новых рабочих мест;

- перевод части работников на частичную и временную занятость;

- организация бесплатных курсов переквалификации и повышения квалификации для лиц, которые потеряли работу, а также частично и временно занятых;

- увеличение социальных выплат за счет государственных программ и средств предпринимателей, осуществляющих сокращения рабочей силы и т.д.

Важно учитывать, что политика большинства стран Запада с началом кризиса была осознанно направлена на консолидацию общества, предотвращению его раскола. Этой цели, прежде всего, служило судебное преследование ряда наиболее одиозных финансистов, обвиненных в различных злоупотреблениях, давших исходный толчок кризису. При этом к ответственности, разумеется, привлекались далеко не все реально виновные в создании фирм – «пустышек», «мыльных пузырей», внесших немалый вклад в нарушение стабильности мировой экономики. Тем не менее, создавался имидж справедливых властей, сурово карающих злодеев, поставивших личные интересы выше социальной ответственности бизнеса.

Далее, в результате выборов, прошедших в 2008-2010 гг. в ряде ведущих государств наименее популярные политики и партии которые, в какой-то мере воспринимались как виновники кризиса, лишились власти. Антисистемных перемен не произошло, хотя некоторые итоги были неожиданными. В США в 2008 г. впервые в истории этой страны на пост президента был избран человек афроамериканского происхождения. В Японии в 2009 г. утратила власть либерально-демократическая партия, более полувека почти безраздельно правившая страной.

Призывы к руководству финансовых институтов получивших государственную помощь отказаться от выплаты бонусов управляющим и крупнейшим акционерам должны были показать, что все, а не только рядовые граждане переживают трудные времена, несут убытки. Государственные социальные программы помощи пострадавшим от кризиса были дополнены беспрецедентными мерами по благотворительности, предпринятыми по инициативе Б. Гейтса и У. Баффета. Они призвали состоятельных людей пожертвовать половину состояния на гуманитарные цели, эту идею уже поддержал ряд американских миллиардеров, предполагается, что общая сумма пожертвований составит около 600 млрд. долл.¹⁶⁹

¹⁶⁹ http://www.profi-forex.org/country_traders/entry1006210133.html

Большое влияние на сохранение стабильности в условиях кризиса оказала общая довольно спокойная идейно-политическая ситуация в ведущих странах мира. В 1929-32 гг., во многих государствах действовали достаточно влиятельные антисистемные силы, предлагавшие еще не дискредитировавшую себя тоталитарную альтернативу демократии (коммунистическую и национал-социалистическую), они использовали кризис для упрочения своего влияния. В XXI веке существуют массовые движения, в частности, выступающие за смену модели глобализации, активизацию экологической политики, добивающиеся ограничения миграций иностранной рабочей силы. Однако они не предлагают менять форму политического режима, не обладают сколько-нибудь системно-проработанной альтернативной идеологией, стремятся реализовать свои цели в условиях демократии.

Соответственно, несмотря на довольно жесткую критику СМИ отдельных аспектов политики правящих кругов, массовые протестные выступления против мер, связанных с экономией бюджетных средств на социальные нужды, при отсутствии сколько-нибудь влиятельных политических сил, способных обратить их себе на пользу, не представляют угрозы социальной стабильности. Самое худшее, что можно ожидать в подобной ситуации - отдельных актов вандализма со стороны экстремистски настроенной безработной молодежи, ее рекрутирования в террористические структуры.

Показательно также, что с осуждением ортодоксии свободного рынка, «либерального капитализма» выступили многие политические лидеры, влиятельные экономисты, тем самым упреждая возможную критику системы «слева». Другой вопрос, что их заявления и обещания (такие, как требования президента Франции Н. Саркози перейти к «справедливому» распределению доходов корпораций, идеи Б. Обамы о реформировании банковской системы), скорее всего, в обозримой перспективе, не изменят устоявшихся основ функционирования рыночной экономики.

С точки зрения долгосрочных последствий кризиса и сохранения социально-политической стабильности на перспективу, эффективность предпринятых мер может быть поставлена под сомнение.

Прежде всего кризис, будучи органичным явлением для рыночной экономики, в созданных условиях не смог выполнить своих основных функций – ликвидации, или создания стимулов к модернизации неэффективных производств, устранения спекулятивных посреднических структур, банков, работающих с фиктивным капиталом. Это создает риск если не «второй волны» кризиса, то длительной стагнации экономик многих стран мира (в том числе и России).

Расходы на антикризисные меры (по некоторым оценкам около 2 % ВВП) вызвали рост дефицита государственных бюджетов. Это побудило многие страны Евросоюза поставить на повестку дня вопрос о сокращении многих статей расходов, в том числе и из числа выделяющихся на социальные нужды. Это уже вызывает массовые протесты. Во Франции планы правительства по увеличению пенсионного возраста с 60 до 62 лет привели к манифестациям, в которых, по разным данным, участвовало от 1,2 млн. до 2 млн. чел. Греция, где решили отменить «премиальные» выплаты (две дополнительные месячные оплаты) оказалась охвачена массовым забастовочным движением. В Великобритании более чем двукратное увеличение оплаты за обучение в университетах стимулировало массовые протестные акции студентов. Угрозу стабильности мировой валютно-финансовой системе создает и постоянный рост государственного долга США, за счет которого покрывается растущий бюджетный дефицит.

Фактически избранные методы борьбы с кризисом предполагали лишь отсрочку или растягивание по времени его возможных (но не обязательных) негативных социально-политических последствий. Их отсутствие обусловлено не экономической политикой, а социально-психологическими и идейно-политическими факторами, которые также учитывались правящими кругами ведущих стран мира.

Вопрос о причинах отсутствия влиятельных антисистемных сил уже отчасти рассматривался выше, в частности констатировалось, что большинство идеологических схем, способных оказать влияние на массовое сознание, были дискредитированы в ходе бурных исторических событий XX века. Но при этом в какой-то мере, сказались и осознанные действия по обеспечению национальной безопасности, предпринятые большинством стран мира.

В числе таких мер, вероятно, следует выделить следующие.

Во-первых, шаги, затрудняющие финансирование из-за рубежа потенциально антисистемных сил и движений. Полностью перекрыть все каналы их поддержки в глобализованном мире практически невозможно. Поэтому например, в США не запрещена денежная поддержка партий, движений, организаций извне. Однако согласно действующему законодательству они обязаны сообщать о суммах внешней поддержки и регистрироваться как структуры, лоббирующие интересы иностранной державы, что незамедлительно негативно сказывается на их репутации в глазах общественного мнения. С учетом того, что налоговые службы США тщательно отслеживают все переводы денег, представляющиеся им сомнительными и, в рамках глобальной кампании борьбы с терроризмом получают сведения об интересующих их счетах даже от сверхнадежных швейцарских банков, можно предположить, что все крупные транзакции, так или иначе, отслеживаются.

Во-вторых, это работа спецслужб, органов охраны правопорядка. В США после терактов 11 сентября 2001 г. они подверглись серьезной реорганизации, в частности было создано Министерство внутренней безопасности (МВБ), объединившее ранее функционировавшие изолированно друг от друга, порой дублирующие функции друг друга ведомства. «Дубликаты» МВБ были сформированы на уровне штатов.

Большой акцент теперь делается на предотвращение терактов, антисистемных действий. Например, существует практика отслеживания Интернет-сайтов, предположительно используемых террористическими организациями для рекрутирования новых членов. Законом разрешено наблюдение за людьми, вступающими в соответствующую переписку и выражающих экстремистские взгляды. Большое значение придается программе «Следи за соседом», поощряющей граждан сообщать о личностях, действия которых дают основания заподозрить их в причастности к экстремизму.

В-третьих, это информационно-пропагандистское обеспечение стабильности. Представляется, что основной метод в данном случае - отвлечение внимания людей (в том числе и в Интернете), серьезно интересующихся политикой и способных мыслить критически на вроде бы важные, но по сути дела второстепенные детали. Это могут быть разного рода заведомо бредовые теории заговора, описание личной жизни политиков и бизнесменов, их доходов и т.д. Создается видимость полного и исчерпывающего представления информации, в действительности, носящей весьма поверхностный характер, надежно маскирующей за информационным шумом реальные мотивы действий и интересы правящей элиты.

Широко используется также метод публичной дискредитации потенциально харизматических антисистемных лидеров, взгляды которых высмеиваются,

опошливаются в СМИ, Интернете, вокруг которых создается атмосфера скандальности.

В-четвертых, это подходы к социализации личности, начинающиеся еще с парты школьного образования. В сознание юных американцев политкорректность внедряется довольно жесткими методами. Внешний либерализм, практикующийся во многих школах (возможность перебить учителя, выйти из класса во время урока) не должен вводить в заблуждение. Если ученик в детской ссоре прибегнет к угрозам («убью», «зашибу», «изуродую» и т.д.) ему, независимо от возраста, угрожает исключение из школы, «заботливое» внимание психологов, а также серьезные проблемы для его родителей. Иначе говоря, уважение к закону и порядку (не всегда, правда, успешно), внедряется с детских лет.

Большое внимание в США уделяется патриотическому воспитанию. Как отмечает американский историк Г.Зинн, многие сюжеты истории страны преподносятся в школах и вузах, мягко говоря, в деформированном виде или вообще замалчиваются. «В результате подобных умолчаний, - пишет Зинн, - мы не только получили искаженное представление о прошлом, но, что более существенно, нам всем навязаны заблуждения относительно настоящего».¹⁷⁰

В-пятых, что вероятно имеет наибольшее значение, страны Запада обеспечивают стабильность, постоянно трансформируя свою политику и векторы ее социальной направленности. Периоды повышенного внимания к социальным проблемам чередуются с временами жесткой экономии на социальных расходах. Циклично меняются и уровни налогообложения на высокие и сверхвысокие доходы, налоги на наследство, на недвижимость и т.д.

Отсутствие массовой, организованной антисистемной политической оппозиции не означает, что обществу гарантирована абсолютная стабильность. Миноритарные группы, прибегающие к терроризму, хакерству могут нанести гражданам и обществу существенный урон. Как показывает опыт многих стран, не исключены и массовые антисоциальные выступления маргинализованной молодежи из бедных пригородов. Источником наибольшей опасности остается возможность выступления компактно проживающих групп этнических меньшинств.

Согласно исследованию Института посткризисного мира (создан в Москве в 2009 г.) большинство экспертов стран ЕС и СНГ считают, что в современных условиях наибольшие риски для стран Европы составляют: утрата конкурентоспособности на мировых рынках (51 % опрошенных); паралич наднациональных органов (40 %); наплыв мигрантов (31 %); терроризм (31 %); взрыв регионального сепаратизма (30 %); рост популярности неонацизма (16 %). Прочие угрозы рассматриваются как менее реальные, но показательно, что мнение об отсутствии всяких угроз выразил лишь 1 % опрошенных.¹⁷¹

По сути дела речь идет о взаимосвязанных угрозах, первичной из которых выступает утрата конкурентоспособности. Именно этот фактор способен привести к дефициту средств, выделяющихся на функционирование наднациональных органов и их программы (в т.ч. регионального развития), адаптацию мигрантов и тем самым усугубить все существующие проблемы, вызвать рост влияния антисистемных группировок. В ряде стран Европы уже наметилась активизация ирредентистских сил. В Великобритании начали усиливаться позиции радикальных сепаратистов Шотландии. Испания, помимо Басконии, столкнулась с сепаратизмом Каталонии и Валенсии. Часть населения румынской Трансильвании, а также сербской Воеводины

¹⁷⁰ Г. Зинн. Народная история США с 1492 года до наших дней. М., 2006, с 838.

¹⁷¹ Посткризисный мир. Реконструкция Европы. Конкуренция. Безопасность. Экспансия. Международное исследование Института посткризисного мира. М., июль-сентябрь 2010, с. 55.

и ряда районов Словакии желала бы присоединения к Венгрии, что чревато серьезным конфликтом в Восточной Европе.¹⁷²

Конечно в тех ситуациях, когда дестабилизирующие начала усиливаются, демократические страны с развитой традицией политического компромисса, скорее всего, попытаются предотвратить переход конфликта в вооруженную фазу. Варианты, как показывает опыт, здесь могут быть различными. Это мирный, цивилизованный «развод», произошедший в Чехословакии и завершившийся ее разделением на два суверенных государства – Чехию и Словакию. Это «деволюция» в Великобритании, где за счет компромисса с умеренными сторонниками автономии Уэльса и Шотландии были расширены полномочия властей этих регионов, что нейтрализовало влияние приверженцев их независимости. Это пример Канады, где центральные власти рискнули пойти на проведение референдума в Квебеке о предоставлении независимости этой франкоговорящей провинции – и выиграли, сохранив территориальную целостность страны.

Главный урок подобных ситуаций в том, что при возникновении в той или иной стране радикальных антисистемных, в том числе претендующих на выражение интересов этнических и религиозных меньшинств движений (неважно, инициированных или только поддерживаемых извне) к вопросу о применении силы следует относиться с большой осторожностью. Репрессии создают государству негативный имидж на международной арене, содействуют консолидации оппозиционных власти сил и не решают проблему. Применение силы создает угрозу затягивания конфликта, его перехода в вялотекущие военные действия, способные нанести значительный урон экономике. В этом плане показателен пример Цейлона, где военное противостояние властей с тамильским меньшинством, несмотря на поддержку правительства острова со стороны Индии, что исключило военное вмешательство со стороны третьих стран, привело к затяжной гражданской войне. Типичен и опыт Китая, который способен игнорировать позицию международной общественности, но не может, несмотря на почти безграничные военные возможности, полностью усмирить Тибет и Синдзянь-Уйгурский автономный район.

Типичным является вариант гибкого торга и диалога с теми умеренными фракциями оппозиции, которые готовы к компромиссу. Всегда есть какой-то спектр уступок, на которые можно пойти без «потери лица». В многонациональном государстве, при существовании территорий, где проживает этнически и/или религиозно отличное население, вполне допустимо улучшить условия для изучения национального языка, культуры и традиций в школах, даже признать этот язык в качестве второго государственного, расширить полномочия местного самоуправления, гарантировать уважение к тем или иным местным традициям и обычаям и т.д.

Сам факт начала диалога (возможно, и при посредничестве международных институтов) в какой-то мере изолирует радикальные, экстремистские фракции оппозиционного движения. При этом диалог можно сочетать и с силовыми действиями против этих фракций, как откровенно антиконституционных и противозаконных. Правда, здесь неизбежно возникает ряд сложных моментов.

Прежде всего, дестабилизируемому государству важно завоевать поддержку мирового общественного мнения, доведя до ведущих новостных агентств свою готовность к диалогу, компромиссам и уступкам. Необходимо обеспечить международную поддержку мерам по блокированию каналов поставки оружия и финансовых ресурсов экстремистским структурам. Эти меры не всегда эффективны

---

¹⁷² Там же, с. 61.

но, все же, позволяют перекрыть наиболее явные и открытые источники их поддержки.

Далее необходимо учесть, что «умеренные» и «радикальные» фракции (как и их зарубежные покровители, если таковые наличествуют) сохраняют близость друг к другу и успешные силовые действия вторых могут способствовать выдвижению более жестких требований в ходе переговорного процесса.

Наконец не следует ожидать, что успехи диалога полностью снимут напряженность в ставшей «заданной» территории. Более вероятно «замораживание» конфликта, с сохранением возможности его возобновления в будущем. Так «замороженным», благодаря гибкости правящих кругов Великобритании, оказался конфликт вокруг Северной Ирландии. Не исключено и «замораживание» конфликта в испанской земле Басков, если ЭТА действительно, как она декларировала, готова пойти на перемирие, отказаться от террора. Радикальные группировки сохраняются – но вроде бы отказываются от вооруженной борьбы, умеренные фракции принимают «правила» парламентской деятельности.

Нет никакой «обязательности» в том, что эти «отложенные» конфликты будут разрешены военными действиями. Равно велика вероятность, что вовлеченные в них страны и участники рано или поздно сочтут, что их интересам скорее отвечает мирное, компромиссное решение связанных с ними проблем.

Иначе говоря, конфликтная ситуация вызревшая на почве сложных межнациональных отношений может быть «заморожена» и решена методами компромисса.

Аналогичным образом можно найти пути решения ситуации ИПН связанной с внутривнутриполитическим положением того или иного государства. На первый взгляд жесткое подавление оппозиции, «блокирование» тех или иных СМИ, как отечественных, так и зарубежных (полностью невозможное), способно обеспечить определенную защиту от внешних, недружественных воздействий. Однако опыт СССР, вероятно, достаточно наглядно показывает, что только лишь «охранительные» меры не дают гарантий стабильности общества если в стране сохраняются факторы, благоприятные для деятельности антисистемных сил.

В ситуации растущей глобальной политической нестабильности, которая может использоваться ширящимся спектром заинтересованных в ее углублении сил (от недружественных государств до криминальных структур) обеспечение политической устойчивости может быть гарантировано лишь инициативной политикой правящих структур, упреждающей возникновение массовых протестов, меняющей общество сообразно логике назревающих ему вызовов.

Иначе говоря, ответом на нарастающие угрозы дестабилизации, вытекающей из внешних и внутренних факторов, выступает не столько охранительно-державная политика (она лишь ограниченно позволяет сдержать тренды перемен), сколько инициирование властными структурами перемен «сверху», упреждающее давление на них «снизу» при сохранении контроля над динамикой процесса. Это политика, которая не удалась в свое время М.С. Горбачеву в СССР, но без ее реализации в XXI веке не выживет ни одно государство мира, в том числе и Россия.

Глава 5. Проблемы стабильности России в мире начала XXI века

§ 17. Реалии России в новой эпохе

Выше приводились суждения ряда экспертов ведущих стран Запада о том, что дестабилизация России, одной из ведущих ядерных держав современного мира, сотрудничество с которой важно для сил антитеррористической коалиции в Афганистане и для воздействия на государства «изгои» в принципе не выгодна. Но с

одной стороны, речь идет о текущей ситуации и интересах, а не о долгосрочных перспективах. С другой стороны, попытки инициирования политической нестабильности в России могут в современном мире предпринимать не только ведущие страны НАТО, но и другие, в том числе негосударственные «игроки» на международной арене.

При этом необходимо признавать объективные реальности. Существует достаточно широкий спектр причин, по которым может возникать стремление осуществить ИПН в России. В то же время, налицо объективные факторы, которые облегчают ее дестабилизацию.

Мотивы особого внимания к России можно определить следующим образом. Имея менее 1/30 мирового населения, она контролирует примерно 1/7 поверхности земной суши богатой энергетическими, сырьевыми, водными, лесными ресурсами и плодородными землями. Стремление свободного доступа к этим ресурсам свойственно не только ТНК, но и многим сопредельным государствам, испытывающим их недостаток (Япония, Иран, Турция), перенаселенность (Китай), претендующим на мировое лидерство (США).

Разумеется, в условиях, когда Российская Федерация остается одной из ведущих ядерных держав прямые покушения на ее территориальную целостность, оказание на нее «жесткого» давления представляется маловероятным. Но тем более может оказаться велик соблазн попытаться повлиять на нее методами дестабилизации.

Потенциально угрожающими дестабилизацией факторами выступают следующие, при этом определить какие из них более или менее значимы едва ли возможно.

Прежде всего, это экономическая уязвимость, связанная с тем, что в экспорте России преобладают сырье и энергоресурсы, цены на которые на мировом рынке нестабильны. Доля топливно-энергетических товаров в 2009 г. в экспорте страны составила 69,5 %, при этом доходы от их вывоза уменьшились на 38,6 % по сравнению с 2008 г. Общее позитивное сальдо внешнеторгового баланса в 2009 г. по сравнению с 2008 сократилось на 66,2 млрд.долл. составив 134,3 млрд. долл. (сохранить позитивное сальдо торгового баланса удалось, в частности, за счет сокращения импорта примерно на 100 млрд. долл.).¹⁷³ Однако еще больше урезать импорт практически невозможно – это вызовет в стране дефицит не только бытовой продукции длительного пользования (автомобили, холодильники, стиральные машины, компьютеры, телевизоры, мобильные телефоны и т.д.), но и товаров первой необходимости. Примерно 70-75 % потребляющейся продукции фармацевтической промышленности и медицинской техники производится за рубежом.¹⁷⁴ Велика зависимость от импорта продуктов питания, по отдельным их видам (сыр, масло, сухое молоко) – до 40 % потребления.¹⁷⁵ Существуют программы развития отечественного производства, однако их реализация дело будущего, тем более что засушливое лето 2010 г. затруднило развитие агробизнеса в России.

Все это повышает риск роста бюджетного дефицита, что угрожает поглотить существующие золотовалютные резервы. По оценкам 2010 года дефицит бюджета составил 6,8 % ВВП,¹⁷⁶ а это больше, чем у многих государств Евросоюза. При этом в преддверии выборов в Государственную Думу 2011 г. и президентских – 2012 г.

---

¹⁷³ Федеральная таможенная служба. Статистика внешней торговли. Экспресс-анализ.

<http://www.customs.ru/ru/stats/ekspress/detail.php?id286=6560>

¹⁷⁴ <http://www.pharmvestnik.ru/text/4697.html>; <http://er.ru/er/text.shtml?12/9798>,

¹⁷⁵ <http://www.beriki.ru/2008/09/10/fruktovalaya-zavisimost>

¹⁷⁶ <http://www.openbudget.ru/articles/index.php?ID=2362>

правительство пока воздерживается от сокращения социальных программ, дотаций слаборазвитым регионам, повышения пенсионного возраста. Однако более чем вероятно, что после завершения предвыборных кампаний все же на непопулярные меры пойти придется, а это может вызвать обострение многих проблем.

Во-первых, в России очень остро стоит вопрос о социальном неравенстве. По официальным данным, разрыв в доходах «верхнего» и «нижнего» децилей наиболее и наименее состоятельных граждан страны составляет 15,8. При этом за время кризиса он не увеличился, поскольку «богатые» понесли значительные потери, а доходы «бедных» почти не уменьшились благодаря активной социальной политике.¹⁷⁷ По неофициальным данным, разрыв во многих субъектах Федерации намного больше. Так, например, в Москве он, по оценкам центра Левады, достигает 40 раз.¹⁷⁸

Средний класс, являющийся основой стабильности в странах Запада, в России составляет меньшинство населения. По разным оценкам к нему принадлежит от 2,5 % до 20-25 % семей.¹⁷⁹ По данным исследований, проведенным ГУ–ВШ, доля очень бедных семей (не имеющих средств на полноценное питание и приобретение нормальной одежды) в России составляет 26,2%, малообеспеченных (не имеющих средств на приобретение товаров длительного пользования) – 71,1 %.¹⁸⁰ Все это означает, что при определенных условиях рост популярности партий и движений, в том числе антисистемных, выдвигающих лозунг – «Пусть платят богатые» вполне возможен.

Во-вторых, серьезным вопросом выступает коррумпированность властных структур, забюрократизированность принятия решений. Создание «вертикали власти» в начале нового века имело определенное позитивное значение: хаос и разброд на уровне субъектов Федерации, возможности проявления ими сепаратистских тенденций сократились. Однако построенная при президентстве В.В.Путина властная вертикаль оказалась уязвимой для коррупции и влияния криминальных структур. По оценкам фонда ИНДЕМ с 2001 по 2005 гг. масштабы коррупции увеличились с 33 млрд.долл. в год до 316 млрд., а размер взяток, выплачиваемых «средним» предпринимателем в год возрос с 10 тыс. до 136 тыс. долл.¹⁸¹ По мнению председателя Счетной палаты С. Степашина, из 6 трлн. руб. ежегодно расходуемых на государственные закупки расхищается не менее триллиона.¹⁸²

Коррупция значительно осложняет деятельность бизнеса, в том числе и в инновационной сфере, ведет к росту инфляции, поскольку побуждает предпринимателей повышать цены на производимые товары и услуги. Кроме того в усложнившейся системе управления начинают воспроизводиться проблемы, характерные для СССР периода «застоя». Реализация любого проекта, бизнес-плана требует бесчисленных согласований в различных федеральных и региональных ведомствах, исходящих из различных и не всегда совпадающих должностных инструкций, что практически полностью блокирует возможность проявления деловой инициативы, если она не сопровождается уплатой взятки. В этой связи нельзя не вспомнить об опыте США, где для регистрации бизнеса

¹⁷⁷ <http://lenta.ru/news/2009/07/31/richvspoor/>

¹⁷⁸ <http://www.sps.ru/?id=220773>

¹⁷⁹ http://statistika.ru/uroven/2007/11/16/uroven_9307.html

¹⁸⁰ Проблемы бедности семей с детьми в городе Москве. М., 2009, с. 20.

¹⁸¹ Википедия. Коррупция в России. <http://ru.wikipedia.org/wiki/>

¹⁸² <http://news.mail.ru/politics/4883346>

действует уведомительный характер, не требующих никаких согласований. Они необходимы лишь для получения налоговых льгот, субсидий, госзаказов и т.д.

Коррупция ведет к криминализации власти и силовых структур, что становясь достоянием гласности, которая в России еще не полностью исчезла благодаря Интернету, и вызывает возрастающее недовольство в обществе.

Кроме того само структурирование властной вертикали, подотчетной «центру власти» подразумевало «удаление» от государственных структур крупного бизнеса, который в последние годы правления Б.Н. Ельцина ощущал себя почти хозяином кремлевских коридоров. Это имело явно неоднозначные последствия. С одной стороны, «отдаление» от государства ряда людей с криминальным прошлым, явно ориентированных на своекорыстные интересы, было позитивно воспринято общественным мнением. С другой стороны, явно «выборочный» характер этих акций, затронувших лишь наиболее одиозных лиц, воспринимался негативно. Кроме того, крупные бизнес-структуры и в современной России, после произведенных в начале XXI века перемен, не уверены в своем будущем, предпочитают «уводить» деньги из страны, не вкладывая средства в ее развитие. Низок и международный рейтинг привлекательности долгосрочных инвестиций в российскую экономику.

В-третьих, централизация власти порождает соблазн унификации политики, что способно обострить постоянно присутствующий подспудный конфликт между федеральным центром и регионами. Дотируемые регионы постоянно недовольны размером средств, выделяемых на покрытие их текущих потребностей и развитие. Преуспевающие неизбежно считают, что их «обирают» в пользу центра власти. Эта ситуация усугубляется, если федеральные власти начинают игнорировать специфику положения субъектов Федерации. Например, идеи запрета эксплуатации «праворульных» автомобилей преобладающих на Дальнем Востоке, едва не привели к бунту автолюбителей.

Разрыв в уровне развития субъектов федерации в России также потенциально опасен. Так средний уровень производства ВВП на душу населения в стране по докризисным данным 2008 г. составлял 16092 долл., что соответствует показателям стран среднего уровня развития. Но при этом в Москве эта цифра достигала 37987 долл., в Тюменской области – 49433 долл., что уже характерно для высокоразвитых государств. В то же время, в республике Ингушетия производство ВВП на душу населения было равно 2882 долл., Республике Тыва – 5585 тыс. долл., а это уже уровни слаборазвитых стран.¹⁸³

Фактически территория России превратилась в «срез» общемировой, крайне противоречивой и взрывоопасной ситуации. Небольшая часть субъектов Федерации принадлежит к развитому «Северу» (или, как его иногда называют, «золотому миллиарду») часть – к «Югу», со всеми его проблемами, другие занимают промежуточное положение.

Специфической проблемой регионального развития выступает фактор моногородов, их благополучие обусловлено эффективностью работы одного крупного «градообразующего» предприятия. В условиях, когда многие из них в силу физического и морального износа техники и оборудования, низкого спроса на их продукцию, приходят в упадок, уровень жизни в таких городах резко падает, что повышает риск социальных взрывов. Правда, вопрос о том, сколько в России таких зон «экономического упадка» относится к числу спорных. По данным Минрегиона РФ за 2009 г. их число достигает 335, в них проживает 25 % населения страны. По

---

¹⁸³ Доклад о развитии человеческого потенциала в Российской Федерации 2010. Цели развития тысячелетия в России: взгляд в будущее. М., 2010, с. 150-151.

оценке Независимого института социальной политики их около 150 и в них обитает не более 8 % российских граждан.¹⁸⁴

Иначе говоря, нет единой методики определения «зон упадка», как и внятной стратегии решения их проблем. Появившаяся в ряде СМИ идея - начать переселение населения этих территорий в успешные регионы – вероятно, потребует не меньших затрат, чем модернизация оказавшихся в упадке предприятий.

В-четвертых, Российская империя, СССР, а затем Россия, всегда были многонациональными и мультирелигиозными государствами, соответственно, накоплен значительный цивилизационный опыт развития межкультурного диалога, компромиссов. Тем не менее, в сфере межнациональных отношений наличествуют серьезные проблемы.

Прежде всего, чем больше централизация власти, тем больше стремление к упрощению и унификации политики на территории всей страны. Но это не всегда оказывает позитивное влияние. Так в субъектах федерации, где сохраняется полуфеодалная клановая (семейно-родственная) система отношений, избрание «центром» представителей одного из кланов в качестве руководителя данного региона (возможно, вполне обоснованная его личными заслугами) вполне может создать взрывоопасную ситуацию. Такой выбор означает, что остальные кланы, этнородственные группы (тейпы и т.д.) будут оттеснены от любых властных функций и тем самым автоматически окажутся враждебны федеральной власти. А это с большой степенью неизбежности дает стимул к гражданской войне, которая, как отметил руководитель СКП РФ А. Байстрыкин, уже фактически идет в Дагестане, Ингушетии, Кабардино-Балкарии и Чеченской республике.¹⁸⁵

Высокий уровень безработицы в этих субъектах федерации, особенно среди молодежи (до 50 %),¹⁸⁶ способствуют вовлечению ее к участию в террористической деятельности, тем более, если она хорошо оплачивается.

В-пятых, у России намного слабее, чем у США и государств Евросоюза организована охрана внешних рубежей со стороны государств СНГ (особенно, Украины и Казахстана). Тысячекилометровые границы вне основных трасс практически не охраняются, нет адекватного прикрытия рубежей и у среднеазиатских стран СНГ. Небольшие диверсионные группы исламских экстремистов, сторонников создания «Всемирного исламского халифата» вполне способны скрытно продвигаться на территорию стран СНГ, в том числе и России, из тренировочных баз в Афганистане и Пакистане. Открытость границ благоприятна и для проникновения нелегальных мигрантов из стран Азии, в том числе стремящимся «транзитом» добраться до вожделенных стран Евросоюза.

В-шестых, довольно острой проблемой для России, как и для многих других стран «Севера» стала иммиграция граждан из стран с другими цивилизационными и культурными традициями. Отказаться от приема иммигрантов большинство развитых стран не могут. Падение рождаемости, старение населения, а кое-где – и сокращение его численности, требуют притока трудоспособных работников. По существующим оценкам наиболее остро эти проблемы стоят в Японии (стране, традиционно ограничивавшей иммиграцию), Германии, Италии, России, несколько меньше – в США и Франции.¹⁸⁷

¹⁸⁴ Н.В. Зубаревич. Регионы России. Неравенство, кризис, модернизация. М., НИСП, 2010, с. 85-86.

¹⁸⁵ <http://news.mail.ru.polotics/4573575/>

¹⁸⁶ Там же, с. 143.

¹⁸⁷ Replacement Migration: Is It a Solution to Declining and Ageing Populations? UN, 2001. P. 27-28.

<http://www.un.org/esa/population/publications/ReplMigED/migration.htm>

Разумеется, миграционные процессы регулируются национальными законодательствами, международно-правовыми нормами. Однако никакое регулирование не может отменить того факта, что наибольшую готовность эмигрировать в развитые страны «Севера» как легально, так и нелегально, проявляют жители нехристианских государств «Юга», где выше рождаемость, ниже уровень жизни, меньше возможности самореализации талантливых и предприимчивых людей. При этом выходцы из стран «Юга» нередко сохраняют приверженность своим религиозным, коммунальным, клановым и иным ценностям даже в третьем поколении. Они сохраняют высокую степень общинного единства в государствах своего пребывания. Это, а также проявления терпимости по отношению к «особости» представителей инокультурных меньшинств в рамках концепции «мультикультурализма» дало основание исламским фундаменталистам выдвинуть лозунг «демографического завоевания» христианских государств и создания «Всемирного исламского халифата». Большинство течений ислама эта идея отвергается, тем не менее, она находит своих приверженцев.

Сложности в межнациональных, межэтнических отношениях проявляющиеся как на бытовом уровне, так и в сфере политической жизни не миновали ни одну страну мира. Достаточно упомянуть расовые бунты во Франции, решение ее президента Н. Саркози о высылке цыган, вызвавшее крайне негативную реакцию в наднациональных структурах Евросоюза, но в 2010 г. повторенное, даже в ужесточенном варианте, С. Берлускони в Италии, признание канцлером ФРГ А. Меркель провала попыток построить «мультикультурное» общество в Германии. Логическим продолжением становится выдвижение лозунгов – «Германия для германцев», «Италия для итальянцев» и т.д. В России аналогом служит требование «Россия для русских», весьма популярное в Интернете. Согласно данным опросов Центра Левады за 1998-2006 гг. его активно поддерживало до 20 % населения, «в разумных пределах» - до 40 %.¹⁸⁸

Однако, если для относительно мононациональных государств требования изгнания инокультурных граждан, хотя и экономически нерациональные, чреватые всплесками насилия на почве межэтнических отношений не катастрофичны, то для России популяризации лозунга «Россия для русских» чревата утратой собственной государственности. По сути дела, это приглашение национальным регионам России отмежеваться от нее, фактор, стимулирующий национальную напряженность. Так, в 2006 г. более 40 % опрошенных хотели бы ограничить число выходцев с Кавказа, проживающих в стране.¹⁸⁹ При этом нередко забывается, что «выходцами с Кавказа» являются и граждане России, проживающие на Северном Кавказе.

Этническую нетерпимость стимулирует и коррумпированность вертикали власти. Организованные общины этнических меньшинств способны обеспечивать защиту «своим» нарушителям законов. Когда это становится достоянием гласности, возможны эксцессы на почве межнациональных отношений, подобные произошедшим в Москве и ряде других городов в декабре 2010 г.

В-седьмых, у границ России находится ряд регионов, где наличествуют «замороженные» или вялотекущие конфликты. Таким «замороженным» оказался конфликт вокруг Нагорного Карабаха. Боевые действия не ведутся, однако Азербайджан, поддерживаемый Турцией, не намерен отказываться от претензий на эту территорию. Армения же считает своим долгом поддерживать существующий статус Нагорного Карабаха – самопровозглашенной республики. Таким же «отложенным» конфликтом можно считать и проблему Приднестровья.

¹⁸⁸ <http://www.levada.ru/press/2006082500.html>

¹⁸⁹ <http://www.levada.ru/press/2006082500.html>

Потенциально конфликтная ситуация сохраняется вокруг Абхазии и Южной Осетии, поскольку Грузия считает своей территорией эти самопровозглашенные и признанные Россией в качестве суверенных республики. Потенциальные очаги нестабильности существуют и в среднеазиатских государствах СНГ, связанных с Российской Федерацией договором о коллективной безопасности. Все это создает дополнительные «риски» втягивания нашей страны в локальные конфликты, которые, в случае эскалации, могут негативно сказаться на ее внутренней стабильности.

Краткосрочная успешная компания, наподобие удавшейся против Грузии в 2008 г., может содействовать консолидации общества. Однако, столкновения на южных рубежах СНГ, в которые могут быть прямо или косвенно вовлечены крупные исламские государства, вполне вероятно, станут весьма болезненным испытанием.

Наряду с факторами нестабильности в России существуют и определенные предпосылки обеспечения устойчиво-безопасного развития.

Выстроить какую-либо иерархию «позитивов» сложно, поэтому их перечисление будет носить произвольный характер.

Прежде всего, высшее звено правящей элиты России освоило «технологии» обеспечения стабильности, учитывающее как позитивный, так и негативный опыт стран Запада. Это наглядно доказала политика, проводящаяся в период кризиса.

Во-первых, «вина» за кризис была возложена исключительно на США, хотя в спекулятивных операциях, дестабилизировавших мировой финансовый рынок, участвовал и российский капитал. СМИ подчеркивали мудрость правительства, создавшего значительные финансовые резервы, позволившие амортизировать негативные последствия кризиса. Иначе говоря, для граждан России он оказался следствием действия внешних, неблагоприятных факторов, своего рода стихийным бедствием.

Во-вторых, бюджет сохранил социальную направленность, запланированное ранее повышение пенсионных выплат не было отменено, увеличилась и зарплата госслужащих, хотя и в меньшей степени, чем ранее предполагалось. Хотя в 2009 г. по сравнению с 2008 г. ВВП страны сократился на 7,9 %, промышленное производство упало на 10,8 % (больше, чем в остальных странах «двадцатки») реальные денежные доходы населения возросли на 1,9 процентных пункта.¹⁹⁰ Несмотря на возникновение бюджетного дефицита, социальная направленность политики сохранилась и в 2010 г.

В-третьих, к сожалению, отечественный бизнес не выразил особой готовности проявлять «корпоративно-социальную ответственность» (в частности, направленные на спасение банковской системы средства были незамедлительно направлены на сомнительные операции с валютой, не дошли до кредитования материального производства). Социальная благотворительность также не получила широкого распространения. В этих условиях, использованные правительством методы «ручного управления», не типичные для стран Запада, широко освещавшиеся СМИ, позволили сохранить высокий рейтинг премьер-министра В.В. Путина (при традиционно скептическом отношении граждан к правоохранительным органам, судебной системе, Государственной думе и т.д.). Эти методы, в частности, позволили предотвратить взрывной рост безработицы. В начале 2009 г. численность безработных достигла 7,1 млн. чел., а к октябрю 2009 г. она сократилась до 6,0 млн. чел.¹⁹¹ За счет федеральных и местных бюджетов были предприняты такие меры,

¹⁹⁰ О.Д. Воробьева, Е.Ш. Гонтмахер и др. Итоговый аналитический доклад. Российская бедность: опыт реализации антикризисных мер. М., 2010, с. 2-3.

¹⁹¹ Там же, с. 5.

как создание временных рабочих мест, принята программа повышения квалификации работников, содействия им в переселении из «зон упадка» в другие регионы, поддержки малого бизнеса. Согласно последней, безработным предоставлялась субсидия в размере до 60 тыс. руб., если они могли предложить грамотный бизнес-план открытия собственного дела. Федеральными и региональными программами в 2009 г. воспользовалось около 2 млн. чел. Программа 2010 г. предполагала, что каждый предприниматель, принимающий на работу безработного, получает дотацию в 58800 руб., ожидается, что в 2010 г. это позволит трудоустроить около 174 тыс. чел.¹⁹²

В-четвертых, в России в идеологическом и политическом отношении, как и в странах Запада, были слабы антисистемные силы, способные использовать негативные социальные последствия кризиса в собственных интересах. Исследования, проведенные под эгидой ИНСОП, показали, что переживший кризис «средний класс» скептически оценивает «демократичность» современной политической системы России, однако более всего опасается резких, радикальных перемен, которые могут нарушить его не очень устойчивое и относительное благосостояние.¹⁹³ По данным ВЦИОМ, около 20 % россиян довольно стабильно на протяжении 2009-2010 гг. считают для себя возможным участвовать в протестных акциях, 68 % для себя это исключают.¹⁹⁴ В то же время, среди угроз, которые беспокоят россиян, свыше 50 % ставят на первый план алкоголизм, наркоманию, инфляцию и риск потери работы (иначе говоря, то, что касается проблем повседневной жизни многих семей). Ситуация с ограничениями демократии и нарушением прав человека беспокоит лишь 11 % граждан, с состоянием межнациональных и межконфессиональных отношений – 8 %, с экстремизмом – 5 %. Каких-либо проблем, связанных с предстоящими выборами в Федеральное собрание и избранием Президента в 2012 г. опрошенные вообще не ожидают.¹⁹⁵

Интересны данные социологических исследований Левада-центра. В 2009 г. свыше 30 % респондентов полагали, что упреки со стороны Запада относительно нарушения прав человека в России имеют под собой определенные основания. В то же время, 65 % опрошенных соглашались с тем, что подобные упреки делаются с целью дискредитировать Россию или получить над ней какие-то преимущества, лишь 8 % верили, что кто-то на Западе искренне заботится о правах россиян.¹⁹⁶ Это подразумевает довольно высокую степень иммунитета от влияния зарубежных СМИ.

Около 65 % участвовавших в опросах полагали, что интересы власти и общества в России в настоящее время не совпадают, 79% ожидали от государства большей заботы о людях. Лишь 15 % считали, что граждане могут обойтись без опеки государства. 71 % опрошенных считали, что сосредоточение власти в «сильных руках» было бы благом для страны (особенно в условиях кризиса).¹⁹⁷ 54 % (против 38 %) согласились с утверждением, что порядок в государстве важнее соблюдения прав человека. Иначе говоря, «жесткий» режим неосталинского типа мог бы получить одобрение.¹⁹⁸ Правда, при этом, 57 % склонялись к мнению, что сильная политическая оппозиция власти в стране все же нужна, а 38 % полагали,

---

¹⁹² Там же, с. 6-7.

¹⁹³ Подробнее см. Л.М. Григорьев, Б.И. Макаренко, А.А. Салмина, А.Е. Шаститко. Средний класс после кризиса. Экспресс-анализ взглядов на политику и экономику. М., Макс-пресс, 2010.

¹⁹⁴ <http://wciom.ru/index.php?id=268&uid=13966>

¹⁹⁵ <http://wciom.ru/index.php?id=268&uid=13787>

¹⁹⁶ Общественное мнение – 2009. Ежегодник. М., Левада-центр, 2009, с. 35.

¹⁹⁷ Там же, с. 36-38.

¹⁹⁸ Там же, с. 103.

что такая оппозиция уже существует¹⁹⁹ (в блогосфере Интернета – возможно, но не в сфере реальной политики).

Очевидно, что преобладание подобных настроений (неудовлетворенность властью, ожидание от нее «жестких» и «решительных» действий популистского характера, низкая готовность к проявлению инициатив «снизу») вполне могло бы создать в условиях кризиса стимулы к установлению жесткого охранительного режима, ориентирующегося на идеи эгалитаризма. К чести российской правящей элиты по такому пути, угрожающему вновь «законсервировать» проблемы страны и подготовить новый цикл катастрофического для нее течения событий, она пока не пошла.

§ 18. Модернизационная политика: проблемы и противоречия

Игнорирование или недооценка серьезности стоящих перед страной проблем, скорее всего, приведет к крайне негативным последствиям. Вероятное их обострение само по себе опасно, кроме того, оно способно породить у зарубежных «друзей» России стремление – осуществить ИПН на ее территории. Так, по мнению Н. Димлевича, сотрудника Центра исследования глобализации (Монреаль, Канада), не исключено, что в 2011-2012 «избирательные годы» США и некоторые другие страны НАТО попытаются осуществить сценарий «цветные революции» в России. Сценарный вариант, по его предположению, ориентирован на создание России дополнительных проблем на Северном Кавказе. В подтверждение этой версии канадский эксперт ссылается на то, что в этом регионе действует около сотни иностранных НПО и представителей информационных сетей, собирающих материалы о нарушениях прав человека, особенно во время вооруженного конфликта вокруг Чечни. «За этой деятельностью, - пишет автор, - стоит план – подготовить почву для создания «Международного трибунала по Чечне» аналогичного Международному трибуналу по бывшей Югославии». Одновременно ведется пропагандистская кампания. «Она призвана убедить население Северокавказских республик в том, что Россия осуществила геноцид в отношении народов Северного Кавказа, присоединила их территории силой. Соответственно, международному сообществу дается сигнал, что народы Кавказа заслуживают защиты от России».²⁰⁰

Конечно, к подобным суждениям или предостережениям можно и нужно относиться с определенной осторожностью. Однако нельзя не учитывать, что как раз в 2011-2012 гг. США планируют свернуть активные военные операции в Афганистане. Соответственно, прагматическая заинтересованность в транзите грузов через территорию России уменьшится. По оценке Центра Восточных исследований (Варшава, Польша) после этого обострится конкурентная борьба за влияние на богатые ресурсами среднеазиатские государства СНГ, где сталкиваются экономические и геополитические интересы России, США, стран ЕС, Китая, Ирана, Турции и исламских радикалов.²⁰¹

В этой ситуации, отвлечение внимания России на внутриэтнические и внутривнутриполитические проблемы окажется объективно выгодно почти всем основным «игрокам» на международной арене, которые могут и договориться о совместных действиях по ее ослаблению.

---

¹⁹⁹ Там же, с. 100-101.

²⁰⁰ N. Dimlevitch. Destabilization: Caucasus Geopolitics Threatens Russia's Security. Global Research, February 28, 2010. <http://www.globalresearch.ca/PrintArticle.php?articleId=17843>

²⁰¹ K.Strachota, M.Falkowski. Progressing destabilization in Central Asia. Eastweek, 2009. 07.15. <http://www.osw.waw.pl>

Вполне вероятно, что Президенту России, который будет избран в 2012 году, предстоит столкнуться с ситуацией серьезных вызовов безопасности страны, от которых не защитит обладание ядерным оружием.

С учетом опыта и уроков перестройки можно предположить, что в гипотетической ситуации усиления дестабилизирующих акций извне, опирающихся на нерешенность массы внутренних проблем, самое опасное состоит в выборе политики, построенной по принципу «иного не дано». Одномерный курс, который может оказаться ошибочным, но заведомо исключает возможность альтернативного выбора, неизбежно заводит в тупик, ведущий к разрушению государства.

Альтернативы существуют всегда, только не всегда они очевидны, не всех они устраивают и «плюсы» от их реализации порой не перевешивают «минусы».

В современных условиях властные структуры взяли на себя инициативу призывов к переменам. Президент Российской Федерации и его администрация сформулировали идею модернизации страны, что должно диверсифицировать ее производство, сделать его более наукоемким и лучше защищенным от кризисных явлений. Выдвинуты предложения об ужесточении борьбы с коррупцией, реформировании МВД и другие, предполагающие устранение из жизни общества факторов, вызывающих наибольшее раздражение граждан.

На первый взгляд речь идет о программе, способной, как и идеи «перестройки» в свое время, консолидировать большую часть общества. Действительно, кто же будет возражать против повышения конкурентоспособности экономики, усиления противодействия криминалитету, совершенствования работы органов власти и управления, улучшения их взаимодействия с институтами гражданского общества? Кроме того, альтернативами модернизации выступают: либо полный или частичный распад общества либо установление «жесткого» авторитарного режима советского типа. Последнее может быть востребовано частью общества, но такой режим не сможет создать эффективную и управляемую модель развития экономики, которая уже безвозвратно интегрировалась в действующую на либеральных принципах глобализованную систему мирохозяйственных связей. Возвращение к полуголодному существованию, карточкам и тотальному дефициту по образу и подобию Северной Кореи едва ли вызовет массовый энтузиазм.

В то же время вопрос о том, насколько реально осуществление намеченных преобразований пока остается открытым.

Известный отечественный ученый Е.Ш. Гонтмахер пишет: «Очевидно, что нынешняя Россия не только не входит в число стран первого ряда, но быстро теряет остающиеся шансы когда-либо попасть в него. Главная причина этого – архаичность (а то и простое отсутствие) институтов, механизмов и процедур, четко регламентирующих экономическую, социальную и общественно-политическую жизнь в стране. Развитие происходит в режиме «ручного управления», «по понятиям», по знакомству и т.д. И все это окутано созданными за последние годы имитациями конкуренции, выборов, свободы слова... На что хотелось бы обратить внимание, - это крайняя управленческая (а значит, и экономическая, социальная и политическая) неэффективность такого рода системы принятия решений».²⁰²

С учетом высокого уровня коррупции, нет никаких гарантий, что выделяемые на модернизацию средства будут потрачены эффективно. Кроме того, нельзя ожидать, что инициативы «сверху», связанные с противодействием коррупции, повышением эффективности работы государственного аппарата, встретят

---

²⁰² Е. Гонтмахер. Российская модернизация: институциональные ловушки и цивилизационные ориентиры. МЭиМО, № 10, 2010, с. 3.

одобрение всех чиновников и представителей силовых структур. Уже сейчас от 25 до 40 % распоряжений Президента Российской Федерации, судя по данным его администрации, не выполняется, а фактически - саботируется.²⁰³

Попытки реструктуризировать «вертикаль» власти и превратить ее в более устойчивую структуру, например пирамиду, имеющую намного более широкое основание в виде мощных институтов гражданского общества, скорее всего, встретят сопротивление значительной части привилегированной бюрократической элиты. Как считает А.В. Рубцов, руководитель Центра исследований идеологических процессов Института философии РАН, «Как только мы пытаемся произвести сколько-нибудь серьезные изменения в институциональной среде, мы сталкиваемся не просто с инерцией. Мы сталкиваемся с сопротивлением, которое в момент, когда что-то реально начинает происходить, становится все более ожесточенным, а в итоге приобретает формы *войны за государство*».²⁰⁴

Надежды на активизацию институтов гражданского общества, бизнеса, развитие нового типа партнерства между ними и государством в решении насущных проблем страны выглядят радужно, но с учетом преобладающих в обществе настроений патернализма, инертность работы государственного аппарата не слишком реалистично. По мнению Нобелевского лауреата, выходца из России А. Гейма, с учетом низкой эффективности российской системы управления, модернизация страны – очень дальняя перспектива, требующая жизни нескольких поколений.²⁰⁵

Борьба с коррупцией, злоупотреблениями властью и т.д. на уровне лозунгов деструктивна, поскольку если декларируемые лозунги не имеют отдачи, то это ведет к падению доверия к лидерам их выдвинувшим.

Если же отдача есть, то ее резонанс способен привести к дискредитации всей системы власти и управления, особенно если достоянием гласности станет то, что «правонарушительная» практика разъела все существующие институты. Это неизбежно стимулирует восприятие аппарата государственного управления как инструмента «распиливания» госбюджета в корыстных интересах чиновничьей элиты. Разоблачения сотрудников МВД и властей отдельных поселков неизбежно порождают в обществе восприятие всей «властной вертикали» как института, «крышующего» криминал и сросшегося с ним. И смена названия с «милиции» на «полицию» едва ли чего-либо изменит.

Кроме того, необходимо учитывать, что, несмотря на большую популярность идей о модернизации, она не сводится к созданию нового «наукограда» в Сколково. Попытки перехода к реальной модернизации неизбежно вызовут серьезные проблемы.

Прежде всего, от бизнеса потребуют (уже требуют) участия в «частно-государственном» партнерстве и долгосрочных инвестиций в проекты, которые едва ли принесут быструю прибыль. Принудить деловое сообщество к инвестициям в государственные проекты власть, конечно, может, но ее поддержка в предпринимательской среде, в том числе и приближенной к высшим чиновникам, существенно упадет.

---

²⁰³ <http://www.gzt.ru/topnews/politics/-v-kremle-zhaluyutsya-na-nevypolnenie-do-40-/309527.html>

²⁰⁴ Социокультурные особенности российской модернизации. Материалы круглого стола, проведенного Институтом современного развития совместно с московским офисом Института Кеннана на тему: «Социокультурные особенности российской модернизации. Сбылись ли прогнозы Дж. Ф. Кеннана?». М., Экон-Информ 2009, с. 46.

²⁰⁵ http://www.vedomosti.ru/politics/news/1145423/gejm_razvitiyu_nauki_v_rossii_meshaet_korrupciya_i

Далее, уже первые шаги по модернизации производства – хотя бы за счет устаревающих в странах Запада технологий, его автоматизации и роботизации неизбежно приведут к резким сокращениям числа занятых, временному росту безработицы. Это увеличит протестный потенциал, заставит государство увеличивать расходы на социальные программы, в частности по переобучению лиц, профессии которых утрачивают востребованность, что приведет к сужению ресурсной базы модернизации.

В целом дело в том, что осуществить изменение качественных параметров уже устоявшейся функционирующей на базе определенных, хотя и признаваемых не идеальными принципов системы крайне сложно. А речь идет именно о коррекции фундаментальных принципов. Это было справедливо для распавшегося СССР, это верно для стран Запада и для современной России.

С этой точки зрения, для современной России становится важным учет опыта перестройки (или реструктуризации) сложившейся властной вертикали что чревато, как показал опыт СССР периода М.С. Горбачева, утратой управляемости государства.

При том что на уровне стратегического выбора существовавшие альтернативы перестройке не обещали ничего позитивного, на уровне тактики ее проведения явно – и это, как отмечалось выше, признает и М.С. Горбачев, иные, лучшие варианты выбора были, но они не нашли своевременной реализации. Принимались скороспелые решения, не подготовленные созданием соответствующей законодательной базой и институтов, обеспечивающих ее выполнение. При проявлении деструктивных тенденций в общественном развитии не предпринимались упреждающие действия с целью предотвратить усугубление ситуации. Лозунг «кадры решают все» не очень популярен, но в годы перемен оптимальной является ситуация, когда у власти находится команда единомышленников. М.С. Горбачеву ее создать не удалось.

Видимо, следует признать, что современная «вертикаль власти» Российской Федерации рискует повторить те же ошибки. «Тревожные звонки» о сложной ситуации на Северном Кавказе не становятся стимулом к принятию срочных, если надо – чрезвычайных мер. Примеров принятия скороспелых решений опыт начала XXI века дал более чем достаточно, взять ту же реформу сферы ЖКХ, ставшую предметом головной боли многих региональных властей. Насчет «команды единомышленников» управляющих государством также можно усомниться.

Существует еще один фактор опасений, требующих анализа. Стимулом действительных перемен, да и то не всегда, как показывает опыт истории, выступает наличие влиятельной антисистемной оппозиции, угроза стихийного, чреватого непредсказуемыми последствиями социального взрыва или смертельно опасная внешняя угроза. Именно в подобных условиях, пробуждающих инстинкт выживания правящей элиты, значительной части населения, в США сформировались «Новый курс» Ф.Д. Рузвельта, программа реформ Д. Кеннеди, курс «неоконсервативной революции» Р. Рейгана. Но поскольку таких условий пока нет, ни в России, ни в странах Запада, какие-либо перемены, кроме чисто косметических трансформаций, представляются маловероятными. Похоже, что эти условия вызревают. Общенациональные забастовки во Франции, бунты студентов в Великобритании, массовые протесты против действий правоохранительных структур в России – это симптомы углубляющегося кризиса обществ, которым угрожает неуправляемый социальный хаос.

Как считает отечественный ученый Н.А. Косолапов, перестройка М.С. Горбачева была, в известной мере, связана с искусственно вызванной

дестабилизацией общества, без чего она вообще не смогла бы состояться. В то же время, Н.А. Косолапов справедливо констатирует, что «контролируемая дестабилизация» легко может перерасти в неконтролируемый хаос с непредсказуемыми последствиями, кроме того, если «игра» с ИПН будет разоблачена, инициаторы рискуют надолго, если не навсегда потерять всякий авторитет.²⁰⁶ К этому можно было бы добавить, что в ИПН инициированную частью правящей элиты вполне вероятно вмешательство других акторов политики, в том числе внешних, что способно придать ситуации характер полной непредсказуемости.

То же самое можно сказать и о теории «управляемого кризиса», модель которого описывает канадская исследовательница Н. Кляйн. Возможно, для пробуждения инстинкта самосохранения правящей элиты России, инициативы ее граждан и бизнеса такое развитие необходимо. Оно, конечно, может наступить и как хаос с непредсказуемыми последствиями (под влиянием внешних и внутренних дестабилизирующих факторов). Вопрос о том, возможен ли управляемый и сценарный вариант кризиса (а он в той или иной форме представляется неизбежным), способный вызвать к жизни импульсы к модернизации России, ее общества и правящей элиты, пока представляется дискуссионным.

Заключение

Как показывает опыт истории, дестабилизации являются довольно эффективным, хотя и не универсальным и не всеильным методом достижения внешнеполитических целей.

Рассуждая чисто теоретически, можно утверждать, что при наличии неограниченных ресурсов, четким знанием о состоянии любого другого общества, его проблемах и цивилизационных особенностях, социально-психологических характеристиках его граждан, в принципе реально разработать и осуществить ИПН в любой, в том числе в самой благополучной и успешной стране. Другой вопрос, что столь нерациональная растрата средств не будет одобрена ни одним правительством или иным субъектом осуществления ИПН. Дестабилизация не самоцель, а такое же средство достижения политических, экономических, геополитических, идеологических, национальных и религиозных целей, как и война. Однако степень риска для «нападающей» стороны намного меньше, а потенциальные выгоды намного больше – почти отсутствует угроза получить ответный удар, понести людские потери, приобрести репутацию агрессора. Напротив, на заключительной фазе операции можно выступить в роли «миротворца», защитника прав ущемленной части населения, гаранта стабильности и т.д.

Другой вопрос, что современные дестабилизации требуют предварительной подготовки, продуманного, и порой длительного идеологического, пропагандистского воздействия на население заданной территории. Успешными соответствующие действия обычно оказывались лишь в той ситуации, когда ставшее объектом воздействия государство начинало переживать серьезные внутренние трудности или, выражаясь в марксистской терминологии, в нем складывалась революционная или предреволюционная ситуация.

---

²⁰⁶ См. Н.А. Косолапов. Контролируемая дестабилизация как метод макросоциального управления: возможности, издержки, перспективы // Глобальный кризис и проблемы обеспечения общественно-политической стабильности: опыт стран Запада и Россия. М., ИМЭМО РАН, 2009.

При этом степень эффективности дестабилизации в большой мере определяется способностью правящей элиты страны, ставшей объектом ИПН, реалистически оценивать возникшие (в том числе под влиянием внешних факторов) проблемы, предлагать собственные, а не навязанные внешними, деструктивными по отношению к данному обществу силами, модели их решения. При этом данные модели всегда многообразны. Альтернативы варьируются в диапазоне от абсолютно неприемлемых, очень скверных, неудачных, сомнительных до более или менее терпимых, относительно успешных, выигрышных и оптимальных.

Обычно к самым негативным итогам приводит игнорирование возникших проблем (опыт Николая II в России в феврале 1917 г.), или же попытки отвечать на них охранительными, репрессивными мерами. Сокрушение политической оппозиции методами ее физического истребления или запретами на ее легальную деятельность может лишь отсрочить наступление вызревшего кризиса, но не предотвратить его. Об этом наглядно свидетельствует и опыт Советского Союза. Активное меньшинство (идейно-политическое, конфессиональное, национальное), имеющее поддержку извне, оказалось способно инициировать процессы, которые привели к совершенно неожиданным результатам.

Другой вопрос, что опыт истории имеет лишь ограниченное значение в современном мире. Возросшая степень взаимозависимости государств, а также негосударственных субъектов мирового рынка превращает дестабилизации значимых центров мировой экономики в весьма опасное, чреватое негативными последствиями для всех участников международной жизни предприятие. Сейчас спецслужбам ведущих стран мира впору заботиться о взаимодействии с тем, чтобы предотвращать попытки также глобализированных антисистемных структур (типа Аль-Каиды) разрушить сложившуюся систему миропорядка.

В то же время, конкурентную борьбу в глобализированном мире никто не отменял. Кроме того, «мягкие» дестабилизации или ИПН могут становиться инструментом внутренней политики (к их осуществлению, но уже «управляемо» и «подконтрольно» возможно и привлечение внешних сил).

Россия столкнулась с целым комплексом проблем, игнорирование которых чревато ее хаотической дестабилизацией, опасной для всего мира. Можно сколько угодно возмущаться попытками «зарубежья» вмешиваться во внутренние дела России, но мысля категориями политического реализма, нельзя не признать, что для этого существуют очень серьезные основания.

Во-первых, Российская Федерация не какое-нибудь малоинтересное для внешнего окружения островное государство бассейна Тихого океана, а все еще крупнейшая ядерная держава, способная уничтожить мировую цивилизацию. Вопрос о том кто и насколько эффективно контролирует арсенал стратегических вооружений России, объективно важен для всех спецслужб мира.

Во-вторых, наша страна является крупнейшим владельцем энергетических, сырьевых, водных, в какой-то мере и аграрных ресурсов, уже вовлеченных в глобальный товарный оборот и степень рациональности их использования важна для состояния мировой экономики в целом.

В-третьих, как уже отмечалось выше, Россия косвенно или прямо вовлечена в массу конфликтных ситуаций вблизи ее границ, в которых, так или иначе, участвуют сопредельные государства, имеющее стимулы – влиять на ее политику.

Возможности решения проблем нашей страны в большой мере блокируются не столько политическими ошибками, сколько состоянием российского общества, менталитетом большинства россиян (к числу которых относятся и представители государственных структур). Слом цивилизационных, культурных стереотипов,

стимулирующих политическую пассивность граждан, их веру во всемогущество власти, усугубляемых эгоистически-корыстной мотивацией поведения, сложившейся еще в годы «застоя» и усугубленной временем господства рыночной экономики, мог произойти под влиянием кризиса. Похоже, что этого не произошло и взгляд граждан на реальность под углом зрения – «пусть рухнет весь мир, лишь бы устояла моя хата» пока не изменился. Вопрос о том, нужна ли обществу контролируемая, управляемая дестабилизация «сверху», способная изменить парадигмальные основы его развития, требует дальнейшего углубленного изучения.

Глоссарий терминов

Иницируемая политическая нестабильность (ИПН) – своеобразная форма внешнеполитической агрессии, предполагающая особый тип продолжительного направленного воздействия на государство в целом или отдельный его регион (регионы), характеризующегося искусственно созданной внутренней социально-политической нестабильностью, через которую инициаторами достигается преимущество политико-экономических позиций. Может протекать в одном из двух вариантов: *иницируемый управляемый кризис* и *иницируемая ситуация социального хаоса*.

Иницируемый управляемый кризис (ИУК) – один из вариантов проведения ИПН при осуществлении которого инициаторы пытаются достичь локальных, тактических целей, как, например отделение какого-либо важного в стратегическом плане региона, принуждение правящего режима в принятии выгодных внешнему окружению политических решений и тому подобное

Иницируемая ситуация социального хаоса (ИССХ) – вариант неконтролируемого развития ИПН, при котором иницируемая *внешним окружением* ситуация нестабильности преследует полное структурное разрушение общества, как например уничтожение старой и формирование новой политической системы.

Информационная война (ИВ) – комплекс мероприятий и операций, проводимых вооруженными силами государства и другими (как правительственными, так и частными) организациями, направленными на обеспечение информационного превосходства над противником и нанесения ему материального, идеологического и или иного ущерба. В ИВ информация является одновременно оружием, ресурсом и целью.

Информационные операции (ИО) – основная форма осуществления акций ИВ, представляющая собой такой вид операций, которые осуществляются путем оказания управляющего информационного воздействия на индивидуальное, групповое и массовое сознание, чувства, волю граждан другой стороны, дезинформирования субъектов принятия политических, экономических и иных решений, а также путем осуществления деструктивного воздействия на информационную инфраструктуру противостоящей стороны.

Определения ИВ и ИО приняты по Воронцовой Л.В., Фролову Д.Б. История и современность информационного противоборства. – М.: Горячая линия – Телеком, 2006. – С. 72 и 81.

Кризисная ситуация – категория науки управления, предполагающая состояние наиболее концентрированного, бурного и разрушительного проявления контролируемых параметров в переломный момент перехода системы в новое качество.

Инициаторы ИПН (внешнее окружение) – обобщенная совокупность юридических и/или физических лиц, противопоставляющих себя политическим структурам заданных территорий. Основой для их корпоративности может являться иностранное происхождение или классовая, этническая, конфессиональная и идейная общность внутри самого заданного ими государства

Субъекты ИПН - физические лица или организации из *внешнего окружения* принявшие участие в непосредственной разработке *сценарной программы (сценария)* иницируемой ситуации нестабильности и организации ее проведения, а также лица из граждан заданных территорий, которые содействовали в ее осуществлении.

Центр (режим спокойствия) - политический режим, осуществляющий легальный (законный) социально-политический и экономический контроль над территориями интересными внешнему окружению. Центр представлен определенной социальной группой или группами населения, образующих социально-политическое основание заданного общества и государства. Является объектом *ИПН*.

Заданная территория – государство или регион, где иницируется проведение ситуации нестабильности.

Историческое событие – форма проведения *ИПН*, определяемая конечными задачами и путями их достижения, которые ставит перед собой *внешнее окружение*. Для непосвященных иницируемая нестабильность предстает в виде объективно обусловленного социальной необходимостью события.

Сценарная программа (сценарий) – спланированная система действий во всех сферах заданного общества, позволяющая *внешнему окружению* через латентное управление социальными процессами иницировать политическую нестабильность с помощью, которой оно достигает поставленных целей.

Паспорт заданных территорий (ПЗТ) – один из этапов проведения *ИПН* характеризующийся сбором и анализом сведений необходимых для подготовки *сценарной программы* и выбора *исторического события*.

Поле необходимых условий – второй этап процесса иницирования политической нестабильности, в ходе которого на *заданных территориях* создаются условия необходимые для реализации *сценарной программы*.

Режим нового порядка – заключительная фаза проведения *ИПН* необходимая для закрепления и придания законности полученных результатов. Заключается в установлении необходимого и контролируемого *внешним окружением* политического режима.

Гуманитарная интервенция – применение силы или угрозы силой, осуществляемые государством или группой государств за пределами своих границ без согласия страны, на территории которой применяется сила, и направленные на предотвращение или пресечение масштабных и грубых нарушений основных прав

людей, не являющихся гражданами этих государств. Однако непосредственно к теории ИПН под гуманитарной интервенцией следует понимать один из этапов инициирования нестабильности, при котором осуществляется установление внешнего контроля над заданной территорией вследствие международного признания ее неуправляемости, под предлогом имеющих место фактов нарушения фундаментальных прав человека в течение длительного периода времени.

Реальный суверенитет в условиях глобализации – предполагает национальный контроль над аэродромной сетью и управлением воздушным движением, над нефте- и газопроводами и соответствующими терминалами, железнодорожной сетью, федеральными автотрассами, над рядом отраслей гражданской наукоемкой промышленности, тесно связанных с оборонно-промышленным сектором, независимость важнейших каналов эфирного телевидения от иностранного капитала.

Определение реального суверенитета принято по Кокошину А.А. Реальный суверенитет в современной мирополитической системе. Изд. 3-е, расширенное и дополненное. – М.: Изд-во «Европа», 2006, С. 63 - 64.

Десуверенизация – потеря государством, а, следовательно, и его гражданами своей независимости от *внешнего окружения* или внутренней корпоративной группы, равной по своим экономическим и политическим возможностям самому государству. Исходя из понимания суверенитета, можно утверждать, что разрушительная направленность иницируемой нестабильности на государственные и политические структуры, по сути, является процессом ограничения независимости тех групп населения, деятельность которых создала свое государство, для которых оно является выражением их политической свободы.